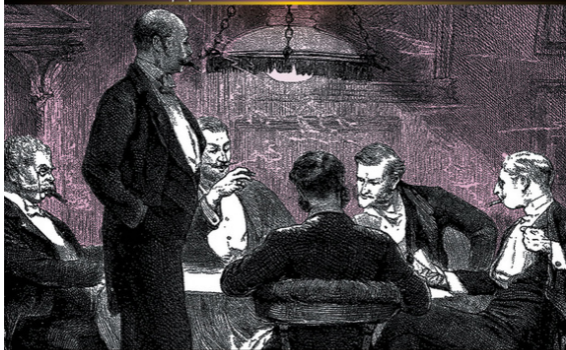

КЛАССИКА ЖАНРА
· Д · Е · Т · Е · К · Т · И · В ·

РОМАН ДОБРЫЙ

ИВАН ПУТИЛИН
И КЛУБ
ЧЕРВОННЫХ ВАЛЕТОВ

Иван Путилин и Клуб червонных валетов. / Добрый Р.Л. //ОЛМА Медиа
Групп, Москва, 2013
ISBN: 978-5-373-04914-6
FB2: Олег Власов "prussol", 08 August 2014, version 1.1
UUID: d99233e8-118a-11e4-87ee-0025905a0812
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Роман Лукич Антропов

Иван Путилин и Клуб червонных валетов (сборник)

(Гений русского сыска И. Д. Путилин)

Иван Дмитриевич Путилин — гений русского уголовного дела, много лет он стоял у руля Санкт-Петербургской сыскальной полиции и благодаря своей находчивости и необыкновенной проницательности раскрывал самые сложные преступления, за что его называли русским Шерлоком Холмсом.

На основе воспоминаний Путилина писателем-детективщиком начала XX в. Романом Антроповым (Добрым) была создана блестящая серия остросюжетных рассказов, которые и вошли в этот сборник. Их хочется прочитать уже из-за одних названий, таких как «Тьма египетская», «Ключ поволжских сектантов», «Ограбленная почта»...

Содержание

Калиостро XIX века	0007
Великосветские посетители	0007
О кабинете и будуаре	0018
Бал-маскарад. Монах-капуцин с золотой цепью	0026
Эликсир вечной молодости и красоты	0039
Две воровки	0054
Претендент на болгарский престол (Корнет Савин)	0058
Граф Тулуз де Лотрек в Константинополе	0058
Политические эмигранты. Тайное совещание	0067
«Важнейшее» поручение Путилину	0075
Игра двух гениальных игроков началась	0080
Последний пассажир «Ольги». Путилин посрамлен. Торжество Савина	0089
В каюте претендента. Туалет болгарского князя	0096
Арест «болгарского князя»	0101
Мельница в Гусевом переулке	0109
Таинственное появление трупа в сыскном	0109
Урок путилина у знаменитого «мастера»	0118
Личность самоубийцы опознана. Сибирский золотопромышленник и его свита	0124

Тайное капище Ваала	0135
Прибытие золотопромышленника. Радость «польского магната»	0140
Игра начинается. Кто кого?	0146
Шах и мат. на волосок от смерти	0149
Пытка Ивана Грозного (IV)	0159
Лютый помещик	0159
«Лесной царь». «Эй, ловчего сюда!»	0170
«Проба» лютого помещика. Объяснение с женой	0177
Приятель «доносчика»	0183
«Спасите меня!» Два врага обедают	0188
Последнее совещание. Привидение	0198
Пытка Ивана Грозного. Арест лютого помещика	0203
Тьма египетская	0209
Страшный день для семьи миллионера Когана	0209
Необычайные гости из М. у Путилина	0218
Первые шаги	0230
Заседание кагала	0242
Перед страшным судом кагала	0247
Страшный суд	0253
Ключ поволжских сектантов	0258
Мое посрамление. полицеймейстер. Странная трагедия на пароходе	0265
На перепутье	0276
В дебрях заповедных поволжских лесов	0285

Тайник изуверов-фанатиков	0295
Страшный «привод» изуверов	0303
Клуб червонных валетов	0309
Осмотр покупаемого дома. У нотариуса . .	0309
Необыкновенный казус	0319
Чудо с бриллиантами	0327
Новые вести о графе П. Загадочная записка	0338
Станный разговор и странные приготовления	0348
Путилин в кабинете З. Ужас дельца	0352
Два Путилина. «Сорвалось!»	0356
Ограбленная почта	0359
Неожиданный посетитель. Ограбление почты	0359
Две формы. Два короба	0371
Путешествие. Телеграмма губернатора . .	0375
«Ну что это такое?!» Высадка. Новая покупка Путилина	0380
Село бараны. Коробейники. Ночлег	0385
Страшная находка. Следующий день	0392
На почтовой станции	0398
Расплата	0404

**Роман Лукич Антропов
(Добрый)
Иван Путилин и Клуб
червонных валетов**

Калиостро XIX века

Великосветские посетители

Как-то в разгаре зимы 18** года, особенно памятной мне по массе трудных дел-розысков, выпавших на голову моего гениального друга И. Д. Путилина, сидели мы с ним в его кабинете и вели задушевную беседу.

Разговор, в котором мы вспоминали удачные и жаркие схватки с только что пойманными мошенниками и страшными злодеями-преступниками, вдруг перешел на масонство, на массу лож тайных обществ.

Путилин оживился.

— Знаешь, доктор, с каждым днем наше высшее петербургское общество всё более и более увлекается масонством, этим иноземным фруктом.

— Помилуй Бог, Иван Дмитриевич, — шутливо заметил я, — уж не собираешься ли ты сам вступить в какую-нибудь ложу масонов?

Путилин рассмеялся.

— Благодарю тебя за столь важное мнение

о состоянии моих умственных способностей! Нет, доктор, дело не во мне, а в том, что все эти тайные общества «белых», «красных», «фиолетовых» братьев, с их таинственными ритуалами, с их Великими Жрецами и Великими Магистрами, кажутся мне гораздо опаснее победного шествия скопческого и хлыстовского учений. Эти последние — более явны, и цель их — прямее. Не то — масонские ложи. Ясно, что все эти «белые» и «фиолетовые» братья таят в себе какую-то невысказанную тайну, и, каюсь, меня это сильно интригует.

— Но позволь, Иван Дмитриевич, ведь все эти «братья» у нас, в Петербурге, — представители хорошего общества, набросившиеся просто на эту модную забаву-игрушку с таким же несерьезным, легкомысленным жаром, с каким они вообще набрасываются на всё, что идёт с пленительного Запада, начиная с модных брюк, духов, перчаток и кончая французскими романами.

Путилин задумчиво покачал головой.

— Боюсь, что ты не прав, доктор... Наши «братья» — винтики, поршни и иные части

очень сложной масонской машины. Но... кто главная пружина? Где та сила, которая питает и приводит в движение эти винтики, поршни?..

— Учение. Известный культ. Абстрактная теория.

— Не облеченная в плоть и кровь? Не на двух ногах?

— Ну, разумеется, есть более яркие, сильные прозелиты, адепты-фанатики, организующие все эти различные тайные ложи-общества.

Путилин не успел ответить мне, как в кабинет вошел агент и подал визитную карточку.

— «Граф Александр Сергеевич С.» — прочел вполголоса Путилин.

Это была громкая фамилия известного аристократа-богача.

— Попросите графа! — отдал он приказ агенту и пошёл навстречу важному посетителю.

Вошел граф С.

Это был блестящий тип истого аристократа, холодного, надменного и, разумеется, са-

мовлюбленного au bout de ses ongles, до конца своих холеных ногтей, лет сорока пяти-шести.

— Я к вам, любезный господин Путилин, — начал он, небрежно подавая руку моему другу, и вдруг осёкся.

Взгляд его красивых, холодных серых глаз остановился на мне.

— Это, граф, неофициальный, но неизменный и энергичный мой помощник, доктор Z. Если вам угодно было пожаловать ко мне по делу, вы можете не стесняться доктора и говорить так же спокойно и откровенно, как если бы его не было, — невозмутимо проговорил Путилин.

— А-а, — процедил сквозь зубы великолепный экземпляр из породы тех господ, которые верят в преимущество белой кости и голубой крови.

Он слегка кивнул мне головой и, сев в кресло у письменного стола, обратился к Путилину:

— Да, я к вам по делу...

Я весь внимание, ваше сиятельство.

— В сегодняшнюю ночь из моего письмен-

ного стола неизвестно каким таинственным образом исчезли восемьдесят тысяч рублей, — начал граф С. — Около часу ночи я приехал из клуба, прошел на свою половину, вернее, в свои три комнаты: кабинет, спальню и умывальную. Графиня ещё не спала. Она пришла ко мне, рассказала, как дивно сегодня пел Тамберлик, и скоро ушла. Я по своей всегдашней привычке запер дверь кабинета на ключ и остался один, впрочем, не совсем один, а с моим верным догом Ральфом. Мне понадобилось письмо. Я открыл ящик письменного стола. Деньги лежали так, как я их положил: четырьмя пачками поверх бумаг. Я пришел в спальню, разделся и скоро заснул. Проснулся я довольно рано, встал и сел за письменный стол, чтобы проглядеть отчёт управляющего одного из моих имений. Открыл ящик стола, и крик удивления вырвался из моей груди. Деньги исчезли. Тщетно я перерыл всё до последней бумажки, денег не было, они пропали.

— Скажите, граф, ваша половина имеет только один вход, именно ту дверь, которую вы заперли на ключ?

— Только одну.

— И в неё ночью никто не мог войти?

— Безусловно, никто. Нужно вам сказать, что мой чуткий дог Ральф охраняет меня превосходно. Если бы кто-нибудь из прислуги или воров попытался бы даже пошевелить ручкой двери, он поднял бы такой громовой лай, что я, конечно, сейчас бы проснулся.

— Где спит ваша собака?

— Как раз в кабинете, на ковре у письменного стола.

— Ваша собака здорова сегодня? Вы ничего не заметили в ней болезненного?

— Абсолютно ничего. Ральф весел и радостен, как всегда.

— А вы не допускаете мысли, что кто-нибудь... ну, хотя бы из вашей прислуги, спрятался с ночи в вашем кабинете или в иных комнатах?

— Нет, не допускаю. Во-первых, дог учуял бы врага, а во-вторых, я после страшного убийства австрийского военного агента при нашем дворе, преступления, раскрытого вами же, господин Путилин, взял себе за правило прежде чем ложиться спать, внимательно

осматривать всё, буквально всё в моих комнатах. Я осматриваю драпи, гардины, заглядываю под шкафы, под кровать. Всё это проделал я и вчера.

— Вы сообщили в вашем доме о случившемся?

— Никому, за исключением жены.

— Графиню, конечно, это поразило?

— О да! С ней чуть дурно не сделалось. Вы, конечно, понимаете, господин Путилин, что мы взволнованы не пропажей этой незначительной суммы, а таинственностью этой пропажи. Мы, стало быть, не защищены в нашем доме от появления неведомых злодеев, проникающих через запертые двери. Вот я и решил обратиться к вам с большой просьбой расследовать это тёмное дело.

Путилин несколько минут помолчал, что-то обдумывая.

— Хорошо, граф, — нехотя проговорил он. — Я не считаю себя вправе по долгу службы отказывать вам в этом, хотя...

— Что «хотя»? — удивленно поднял брови граф С.

— Хотя... я страшно занят в настоящее вре-

мя. Я должен посетить ваш дом, чтобы лично осмотреть место преступной кражи. Вы позволите приехать к вам вдвоем с доктором?

— О, пожалуйста! — вставая и прощаясь, ответил аристократ.

Когда мы остались одни, я обратился к Путилину:

— Не правда ли, случай не из обыкновенных?

— Сверхъестественный, доктор, — усмехнулся он.

Не прошло и получаса, как тот же агент подал Путилину новую карточку. На ней стояло: «Князь Владимир Андреевич Д***».

— Ого! — вырвалось у Путилина.

— Что это сегодня за сиятельные посещения? — прошептал я, сильно заинтересованный.

Вошедший князь Д. являлся полной противоположностью графу С. Чрезвычайно милый, любезный, с добрым, открытым лицом, живой до удивительности, несмотря на изрядную толщину.

— К вам, дорогой господин Путилин, к вам — краса и гордость русского сыска! — за-

трубил он, протягивая руку сначала Путилину, а потом мне. — Черт знает что такое!

— Садитесь, князь. Успокойтесь... В чем дело? Что случилось?

— Да пакость, говоря откровенно, президиумная. Сегодняшней ночью...

— Вас обокрали, князь?

Симпатичный толстяк вытаращил на Путилина глаза.

— А... а вы почему это знаете?

— Я должен знать всего понемногу. Что же у вас похищено, князь?

— Собственно, не у меня, а у моей жены. У нее украдены бриллианты и другие драгоценности на очень солидную цифру.

— Благоволите, князь, рассказать мне, как было дело, все подробно.

— Вчера мы возвратились с бала около трех часов ночи. Жена направилась к себе, я — к себе. Вдруг я вспомнил, что забыл ей передать одно важное известие. Когда я вошел в будуар, камеристка уже помогла жене раздеться и облачиться в пеньюар. Я застал жену за тем, как она складывала свои драгоценности в футляры. Передав ей то, что было надо,

я пожелал ей покойной ночи и ушел. Я слышал, как она заперла изнутри дверь на ключ. Утром, часов в двенадцать, только что я собирался ехать на экстренное заседание Совета, как вдруг является ко мне княгиня. Она была страшно взволнована, бледна, растеряна.

«Мой друг, — сказала она мне, — у нас несчастье. У меня исчезли бриллианты». — «Как? — воскликнул я. — Когда? Каким манером?» — «Я проснулась и, прежде чем позвонить камеристке, подошла к туалетному столу... футляры были пусты».

Толстяк князь в волнении прошелся по кабинету Путилина.

— Так как ночью войти к моей жене никто не мог, ибо дверь была заперта на ключ, то выходит, что единственным человеком, на кого может пасть подозрение в похищении бриллиантов...

— ...Являетесь вы, князь, — улыбнулся Путилин.

— Честное слово, дорогой господин Путилин, это так! — с шутливым пафосом воскликнул симпатичный князь Д. — Но так как все-таки бриллианты своей жены я не похищал,

то...

— ...То я должен помочь отыскать настоящего вора. С большим удовольствием сделаю это для вас, князь.

По уходе князя я обратился к своему славному другу:

— Однако какое странное совпадение: в одну и ту же ночь две таких крупных кражи.

— Две? Я не поручусь, что сегодня или завтра ко мне не поступят новые заявления, — усмехнулся он.

— Признаюсь, тебе предстоит трудная задача — раскрыть эти преступления. Сколько я понимаю, они совершены чертовски ловко, таинственно.

— Ты прав, но только отчасти, доктор. Самое легкое в этом деле — отыскать похитителей...

— Как?! — перебил я Путилина. — Ты находишь очень легким делом отыскать похитителей?

— Прошу не перебивать меня, доктор... Да, говорю я, самое легкое — отыскать воров, но самое трудное — отыскать то место, то лицо, куда попали деньги и бриллианты.

Я ровно ничего не понял из этого объяснения моего друга.

— Бог с тобой, друже, ты постоянно любишь угощать меня загадками!..

О кабинете и будуаре

Надменный аристократ граф С. провел нас в свой роскошный кабинет.

Прежде чем войти в него, Путилин стал внимательно осматривать дверь.

— Я попросил бы, ваше сиятельство, дать мне какой-нибудь высокий стул.

Рука графа потянулась к сонетке.

— Нет, в ваших личных интересах я предпочел бы, чтобы вы не звали прислугу, а дали стул мне сами, граф. Вы ведь говорили, что пока никто еще в доме, за исключением вашей супруги, не знает о случившемся. Зачем же нам посвящать прислугу в наши предварительные розыски?

Великолепный граф передернул плечами и из соседней залы принес дорогой палисандровый стул.

Честное слово, я хохотал в душе! Наверно, этот гордый барин впервые подает стул муж-

чине.

Путилин встал на него и стал что-то осматривать в верхней части высокой двери.

Через несколько секунд он слез со стула, и мы вошли в кабинет.

— Деньги похищены из этого письменного стола? — спросил он.

— Да.

— Покажите, пожалуйста, из какого ящика. — Граф С. указал на верхний правый ящик. Путилин открыл его и низко-низко наклонил к нему свое лицо, так что его нос касался края ящика. Прошло несколько секунд.

— Скажите, пожалуйста, граф, какими духами вы душились? — вдруг задал он быстрый вопрос графу. Тот удивленно поглядел на моего друга.

— Пардон, *monsieur* Путилин, — иронически произнес граф, — но... неужели это имеет какое-либо отношение к исчезновению денег?

— Я никогда не задаю пустых и ненужных вопросов, — холодно ответил Путилин. — Если я вас спрашиваю об этом, граф, стало быть, для меня это важно знать.

— Мои постоянные духи — «Опопонакс».

— Других вы никогда не употребляете?

— Нет.

Путилин захлопнул ящик письменного стола.

— Теперь, граф, я попросил бы вас дать мне возможность повидать вашу супругу, чтобы задать ей несколько вопросов.

Облако неудовольствия пробежало по лицу надменного аристократа.

— Вам это необходимо, *monsieur* Путилин?

— Необходимо, граф.

— Мне очень неприятно впутывать мою жену в какие-то полицейские допросы, дрязги.

В голосе графа С. слышались брезгливые ноты.

Путилин вспыхнул.

Этот пренебрежительный, презрительный тон взорвал его.

— Я совершенно не понимаю, для чего в таком случае вам угодно было обратиться за моей помощью, — почти резко отчеканил он. — Если допросы, как вы изволили их называть — «полицейские», вас так коробят, то

мне остается только откланяться. Имею честь кланяться.

И Путилин, сделав сухой полупоклон, направился к двери.

Граф опешил.

— Ради Бога, *monsieur* Путилин... вы, кажется, обиделись... вы не так меня поняли... Я хотел только сказать, что графиню может все это расстроить... она такая нервная... Я сейчас узнаю, дома ли она, и попрошу ее сюда.

— Пожалуйста, — холодно бросил Путилин.

— О, мы скоро поменяемся ролями, голубчик! — тихо прошептал он вслед графу.

Минут через пять в сопровождении своего великолепного супруга, шурша шелком роскошного выездного туалета, в кабинет вошла графиня С., высокая, стройная красавица с холодным лицом античной камеи.

— Вот, *Lili*, *monsieur* Путилин, звезда сыска, был так любезен, что согласился помочь моей маленькой неприятности, — проговорил граф.

Графиня любезно протянула руку «звезде сыска».

— Это так мило с вашей стороны, monsieur Путилин...

Путилин пожал крошечную аристократическую руку.

— Я хотел, графиня, задать вам всего два вопроса, — начал он. — Скажите, пожалуйста, когда вчера ночью, после концерта, вы входили кабинет графа, вы не заметили случайно, раскрылась ли вся дверь, то есть обе ее половины, или же только одна?

— Право, не помню... Это такая мелочь, на которую я не обратила внимания...

— Мерси. Теперь последний вопрос: ваши драгоценности все целы?

— Все. У меня ничего не пропало, — холодно ответила графиня.

Путилин поклонился и, прощаясь, бросил графу:

— Лишь только что выяснится, я не премину уведомить вас.

От графа С. мы тотчас отправились к князю Д.

Тут ожидал нас совсем иной прием.

Князь Д. шумно и радостно приветствовал моего замечательного друга.

— Спасибо, большое спасибо, что приехали.

— А княгиня дома? — спросил Путилин.

— Нет. Она уехала часа два тому назад.

— Могу я осмотреть будуар вашей супруги, князь?

— Ну конечно, конечно!

Пройдя анфиладу роскошных комнат, мы очутились перед дверью будуара княгини.

Путилин опять проделал ту же таинственную и непонятную для меня операцию со стулом и дверью, что и у графа С.

Князь глядел на Путилина, взгромоздившегося на высокий стул, с выражением искреннего недоумения и любопытства.

— Помилуй Бог, господин Путилин, какие акробатические кунштюки изволите вы проделывать!

— Что делать, князь? — рассмеялся Путилин. — Для блага правосудия приходится еще не то откалывать.

В то время, когда мы находились в будуаре, где мой друг чрезвычайно рассеянно и невнимательно скользил глазами по различным предметам этого утонченно-изящного

гнездышка великосветской барыни, у дверей будуара раздался испуганный женский крик.

Мы все обернулись.

На пороге стояла с бледным, испуганно-взволнованным лицом очаровательная блондинка, напоминающая собою хорошенькую кошечку.

Князь бросился к ней.

— Marie, mon ange, как хорошо, что ты вернулась! — целуя ее руки, воскликнул князь.

— Что... Что это значит? Кто эти господа? — дрожащим голосом спросила княгиня Д., указывая на нас. Князь пояснил.

— А-а, — произнесла она и рассмеялась как-то нервно. — Простите, господа, но приключение с бриллиантами этой ночью так расстроило мои нервы, что я не могла удержать крика испуга при виде вас в моем будуаре.

— Уж не приняли ли вы, княгиня, меня и моего друга за воров? — ответил ей в тон Путилин.

Затем он задал ей несколько незначительных вопросов: крепко ли она спала, не слышала ли какого-нибудь подозрительного шо-

роха и т. д.

Княгиня отвечала односложно, нервно.

— Ну, я не буду больше беспокоить вас, княгиня, расспросами. Вы, как я вижу, сильно взволнованы, потрясены.

— Почему вы это думаете, *monsieur* Путилин?

— Во-первых, потому, что вы мне сами только что сказали про это, а во-вторых... посмотрите, как дрожат ваши руки. Скажите мне только одно, княгиня, желаете вы или нет, чтобы я употребил все старания для отыскания вора и бриллиантов?

— Что... что за вопрос?.. Ну конечно, конечно, — ответила она.

Путилин поклонился и вышел из будуара.

Бал-маскарад. Монах-капуцин с золотой цепью

Прошло два дня, в течение которых я ни разу не видел моего друга.

Наконец, на третий день, под вечер, он приехал ко мне.

— Держу пари, доктор, ты ни за что не догадаешься, куда сегодня поздно вечером я повезу тебя! — оживленно проговорил Путилин.

— Да, действительно, догадаться трудно, Иван Дмитриевич. Ты ухитрялся засовывать меня даже в могильный склеп.

Путилин расхохотался.

— Успокойся. Сегодня таких ужасов не будет. Наоборот, сегодня я хочу развлечь тебя, и поэтому мы отправимся на роскошный бал-маскарад светлейшей княгини Г. Что ты на это скажешь?

— Но как же мы попадем туда?

— Ты насчет приглашения? Не беспокойся: две пригласительных карточки у меня в кармане.

— В чем же ехать?

— Мы облачимся в домино и маски, вот и

все.

...Около двенадцати часов ночи мы поднялись по дивной беломраморной лестнице княжеского дворца, тонущей в зелени и живых цветах.

С тихим смехом, с шутливыми возгласами, большей частью на французском языке, нас обгоняли мужские и женские фигуры великосветских замаскированных.

Из огромного вестибюля-атриума мы попали в бальный зал, весь залитый морем света, весь наполненный звуками великолепного струнного оркестра, скрытого на хорах зала.

От массы движущихся фигур, одетых в яркие фантастические костюмы, у меня в первую минуту зарябило в глазах. Но мало-помалу мы присмотрелись к этим сверкающим волнам газа, кружев, лент, ярких мант.

Кого тут только не было!

Точно в волшебной сказке здесь причудливо-прихотливо перепутались, переплелись все народы, все века, все стили, все периоды мировой истории.

Рядом с жизнерадостной Коломбиной стоя-

ла христианская мученица в белой рубашке-хитоне, опоясанной грубой веревкой; около непорочной весталки сверкала фигура вакханки с виноградным венком на голове, с кубком в руках; за огромным гладиатором шла фарфоровая куколка из vieux saхе французской маркизы.

Я прислонился к беломраморной колонне и глядел, действительно, и с удовольствием, и с интересом на эту чисто феерическую картину.

Несколько раз я различал в толпе фигуру моего великого друга.

С большой ловкостью он лавировал в этой массе замаскированных и, подобно другим, сыпал направо и налево, очевидно, шутивно-маскарадные замечания, потому что какая-то пастушка со смехом ударила по его плечу веером.

Маскарад был в полном разгаре.

Проходя мимо меня, Путилин мне шепнул:

— Да не стой ты, как изваяние, все время у колонны. Смешайся с толпой... Еще привлечешь на себя чье-либо особенное внимание.

Я внял приказу моего друга и скоро очу-

тился в самом маскарадном водовороте.

Запах духов, цветов и тонкой дорогой косметики заставлял кружиться голову и замирать сердце.

Мой друг стоял перед высокой, стройной женщиной, одетой Марией Стюарт.

— Какой мрачный костюм у вас, прелестная маска! — шутливо заговорил Путилин.

— Мрачный? Вот это любопытно. Почему вы находите его таким, почтенное домино?

— Разве очаровательной маске неизвестна участь несчастной шотландской королевы? Ее прелестная головка скатилась с ее царственных плеч.

Тонкий веер из слоновой кости хрустнул в руках «Марии Стюарт».

— Нельзя сказать... нельзя сказать, чтобы вы были на высоте маскарадной болтовни. Ваши темы чересчур мрачны.

— А мне почему-то кажется, что вы, ваше величество, сами настроены сегодня несколько тревожно.

Сквозь разрез маски сверкнули глаза.

— В самом деле? Вы уж не прорицатель ли, любезное домино?

— Вы угадали, ваше величество. Я занимаюсь тайными науками, и для меня нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

— Ого! — насмешливо вырвалось у «королевы». — Нельзя сказать, чтобы вы были очень скромны... Что же, может быть, вы можете отгадать и причину моей тревоги?

— Могу.

— Я вся внимание, господин чародей.

— Вы боитесь одного человека, боитесь мучительно, страшно.

Веер вторично хрустнул в руках «королевы».

— Но... вы напрасно боитесь этого человека. Бойтесь другого, который может довести вас если не до эшафота, то, во всяком случае, — до крупного скандала.

Проговорив это и низко поклонившись маске, великий сыщик отошел от нее и смешался с нарядной толпой гостей.

В эту минуту я увидел, что в зал вошел новый замаскированный гость.

Это был очень высокого роста монах-капуцин с поднятым на голову капюшоном и, кроме того, с маской на лице.

Под складками капуцинской рясы чувствовалось и обрисовывалось стройное, гибкое и, по-видимому, очень сильное тело мужчины.

Особенно интересна была походка монаха: это была походка мягкая, гибкая, подкрадывающаяся — зверя, большого хищного тигра.

Что особенно бросилось мне в глаза, так это великолепная золотая цепь, сверкающая драгоценными камнями, одетая на шею капуцина и спускающаяся ему на грудь.

— Иди налево в одну из гостиных за мной! — услышал я около себя шепот моего друга.

Мы прошли целым рядом гостиных и остановились в одной.

— Скорее, доктор, снимай свое домино и одевай мое. Мы должны обменяться ими.

— С нами крестная сила, Иван Дмитриевич! Что это: маскарад в маскараде?

— Bravo! Это остроумно! Именно так. Но торопись!

Мы быстро переоделись и скоро опять входили в большую залу.

Мимо нас прошел высокий монах-капуцин, которому сопутствовала «королева Ма-

рия Стюарт».

Я ясно заметил, как она вздрогнула при виде меня и взяла под руку капуцина с великолепной цепью на шее.

Они скрылись в анфиладе тех роскошных, уютных гостиных, откуда мы только что вышли.

— Ты хорошо заметил эту красавицу в costume Марии Стюарт?

— Да. Ты с ней ведь вел маскарадную интригу, мой великий друг? — шутливо ответил я. — Я не ожидал от тебя такого легкомыслия...

Путилин тихо рассмеялся.

— Маскарадную интригу? Гм... гм... Ты чертовски проницателен, мой знаменитый доктор. Так вот, если она подойдет к тебе и вступит с тобой в разговор, называя тебя чародем, прорицателем, ты, уклоняясь от прямых ответов, неси какую-нибудь загадочную чушь, скажи, что сегодня же под утро сделаешь ее гороскоп и т. п. Только, ради Бога, не ляпни какую-нибудь несуразность! Ты ведь поразительно рассеян, доктор.

Прошло минут пять-десять.

На пороге зала появились «Мария Стюарт» и монах-капуцин.

Я поглядел на них и заметил, что «королева», что-то тихо шепча монаху, не спускает с меня глаз и как бы показывает ему на меня.

«Что за оказия? Что надо этой особе от меня? Дался я ей, чтоб ей пусто было!» — пронеслось у меня в голове.

Непривычный ни к балам, ни к маскарадам, да в особенности таким блестяще великосветским, я чувствовал себя отвратительно.

К тому же домино, которое мне всучил мой друг-мучитель, оказалось изрядно длинным. Я путался в его подоле и, того гляди, рисковал растянуться на зеркально скользком паркете.

— Хорошенькое, черт возьми, удовольствие, — бормотал я, вспоминая обещание Путилина «развлечь» меня. — Нет, я предпочел бы сидеть в склепе, где угодно, но только не тут.

Вдруг я, к ужасу, увидел, что королева, оставив капуцина, направляется прямо ко мне.

— Ну, таинственный чародей, не продол-

жим ли мы столь интересно начатую беседу? — услышал я подле себя серебристый голос.

— Сделайте одолжение, сударыня, — ответил я.

— Отчего вы меня не называете теперь «ваше величество»?

— Ваше величество? — удивленно спросил я. С какой стати я буду вас так называть?

— Но, однако, всего несколько минут тому назад называли же вы меня так?

«Попался!» — ожгла меня мысль.

— Простите, ваше величество, я забыл, что... — обливаясь потом, пробормотал я.

— Скажите же мне, кого же именно я должна бояться, дабы избежать эшафота?

«Час от часу не легче! Эшафота! Какой эшафот? Что за дичь несет эта барынька!»

— Гм... гм... Кого бояться, спрашиваете вы?

И эшафот? Ну, разумеется, надо бояться палача! — выпалил я.

— Кого?! Палача?! — удивленно-испуганно вырвалось у «Марии Стюарт».

— Ха-ха-ха! — хрипло расхохотался я. — Не бойтесь... я... я пошутил. Видите ли, ваше ве-

личество, прежде чем ответить на ваш вопрос, кого вам следует бояться, я устрою ваш гороскоп, и тогда для меня все будет ясно. Да, да, уверяю вас...

— Но как же я узнаю предсказание гороскопа?

— А я вам письменно сообщу, — ляпнул я.

— Письменно? Вы? Мне? Но разве вы меня знаете?

— Вы забываете, сударыня, что для чароде-ев нет тайн, — нашелся я.

Она вздрогнула и порывисто отошла от меня. В это время Путилин подошел к высокому монаху-капуцину.

— Однако, святой отец, несмотря на рясу, вы, кажется, большой поклонник хорошеньких женщин! — шутливо обратился к нему Путилин.

Монах пристально всматривался в маску его, словно стараясь прозреть за ней черты лица говорившего.

— Наш монастырь не гнушается женщин, ибо в Святом писании нет ссылки на то, что женщин следует избегать, — раздался звучный, резкий, насмешливый голос капуцина.

— Честное слово, вот мудрый монаштырь! — продолжал Путилин. — Быть может, такой справедливый взгляд царит у вас и на иные блага жизни?

— На какие, например?

— Ну, на деньги, на золото, на драгоценности.

— Почему вы думаете так, сын мой? — еще насмешливее спросил монах.

— Я сужу по драгоценной цепи, которую вижу на вашей груди, святой отец! — ответил ему в тон Путилин.

Рука монаха вздрогнула и как-то невольно схватилась за цепь.

— Удивительная цепь! Замечательная цепь! — как бы не замечая жеста капуцина, продолжал Путилин. — Быть может, святой отец, вы уделите мне минутную беседу... Пройдемте в одну из гостиных... Там так хорошо... прохладно... журчат фонтаны... зимний сад... поют птички.

— В этом я не могу отказать вам, сын мой, — все так же резко ответил монах.

— Вот здесь, например. Уединенно и сокровенно, — проговорил Путилин, входя в тону-

щую в полумраке гостиную.

Они сели на низенький, маленький диван-козетку.

— О чем же вы хотели беседовать со мною, сын мой? — первый нарушил молчание монах-капуцин.

— О многом, святой отец. Мне хотелось бы спросить вас, могу ли, например, я, если бы захотел, поступить в ваш монастырь, в ваше братство?

Резкий смех вырвался из-под капюшона и из-под маски.

— Вы как это: серьезно или же в шутку, по-маскарадному, спрашиваете?

— Совершенно серьезно.

— Но, послушайте, дорогой мой, не находите ли вы, что это курьезно до последней степени? Мы оба на балу-маскараде, где все в костюмах. Почему вам пришла мысль, что я действительно монах-капуцин, словом, какое-то духовное лицо? А если я — офицер?

— Нет, вы — не офицер, — твердо отчеканил Путилин. — Офицер не может носить так ловко монашескую сутану.

— Дальше?

— А дальше то, что я согласен был бы при вступлении в ваше братство внести вклад. Я очень богатый человек. Не порывая связей со светом, я жажду постичь умом и сердцем те премудрости, какие ведомы вам. Двести, триста тысяч, сколько хотите, но... устройте мне вступление в ваш Орден. Кстати, ваше братство какое: «белое», «красное» или «черное»? — быстро спросил Путилин.

Ваза с цветами упала со столика у козетки, так быстро вскочил монах-капуцин.

— Что с вами? — удивленно вскрикнул великий сыщик.

— Я... я нахожу, что наш разговор зашел слишком далеко. Маскарадная шутка имеет свои границы, пределы. Прощайте, сын мой! — насмешливо прозвучало под капюшоном.

— Нет, не прощайте, а до свидания, святой отец! — так же насмешливо ответил Путилин.

Некоторые уже уезжали. Начался ранний разъезд. Мы быстро спустились по лестнице. Впереди, не замечая нас, шел высокий монах-капуцин.

В ту минуту, когда он вышел, вышли и мы из роскошного подъезда княжеского дворца.

Прошло несколько секунд, я обернулся, чтобы сказать что-то моему другу, как вдруг испустил возглас удивления.

Путилина не было. Путилин исчез на моих глазах!

Прождав и проискав его с полчаса, я один поехал домой, ломая голову над разрешением вопроса, куда он мог деться.

Эликсир вечной молодости и красоты

Было около десяти часов утра, когда я почувствовал, что кто-то толкает меня в бок.

Я протер глаза и увидел около себя Путилина.

— Ты?! Слава Богу, я не знал, что и подумать о твоём внезапном исчезновении. Куда ты провалился вчера, словно сквозь землю?

— Проваливаться я не думал, а просто мне пришла фантазия прокатиться на рессорах кареты.

— Это для чего еще? — спросил я, торопливо одеваясь.

— Чтобы продолжить маскарадную интригу, любезный доктор, — усмехнулся Путилин. — Я заехал к тебе на минутку, чтобы предупредить тебя, что я приеду к тебе часов в восемь вечера.

— По этому делу?

— По этому самому.

— Есть надежда на успех, Иван Дмитриевич?

— Кто знает, кто знает, — своей любимой поговоркой ответил Путилин, покидая меня.

Около восьми часов вечера я услышал знакомый звонок и поспешно открыл дверь.

К моему удивлению, Путилин был в своем естественном виде.

— Что это значит? Без переодевания, без грима?

— А ты полагаешь, что я постоянно должен щеголять в маскарадных костюмах? Торопись, нас ждет карета.

У подъезда моей квартиры стояла большая карета.

Когда я влез в нее, то испустил возглас удивления. Там сидела элегантно одетая дама с густым вуалем на лице. Напротив нее поме-

щался высокий мужчина в меховом пальто.

Путилин вошел в карету, дверца захлопнулась, и карета понеслась быстрым аллюром.

— Ну, господа, позвольте вас познакомиться, — начал Путилин. — Доктор Z, моя барынька-агентша У., а это — мой верный агент Х.

И он громко расхохотался.

— Как? — воскликнул я в сильнейшем удивлении. — Может ли быть? Это вы, мои бесстрашные друзья?

— Мы, мы, дорогой доктор! — в голос ответили они.

— Помилуй Бог, господа, это напоминает мне наше знаменитое похождение за ловлей страшного горбуна-Квазимодо! Помните, нас было тогда тоже четверо?

Путилин довольно потирал руки.

— Интересно знать, на кого теперь мы устраиваем облаву! Иван Дмитриевич, скажи что-нибудь, наконец.

— Терпение, мой друг, — ответил Путилин. — Я — человек, а поэтому могу и ошибаться.

Карета свернула на одну из фешенебель-

ных улиц столицы. Она стала замедлять ход и вскоре остановилась перед воротами, железными, решетчатыми, из-за которых был виден небольшой сад, разбитый полукругом. Прямо от ворот, посередине сада, широкая асфальтовая аллея вела к небольшому подъезду двухэтажного барского особняка.

В эту минуту, когда наша карета подъезжала к воротам, из них выехало щегольское купе, запряженное парой кровных рысаков.

— Так... так... тигр сосет кровь бедных жертв, — услышал я шепот Путилина.

Мы дали проехать карете, окна которой были наглухо закрыты шелковыми шторами, и въехали в ворота, направляясь к подъезду особняка.

— Ну, княгиня, вылезайте! — шепнул Путилин агентше. — А ты, доктор, делай то, что будем делать мы.

Агентша-«княгиня» быстро выпорхнула из кареты и нажала кнопку звонка.

Путилин и агент Х. стояли полусогнувшись в карете, словно собираясь каждую секунду броситься из нее.

Дверь таинственного особняка полуоткры-

лась.

— Великий принимает? — услышал я голос агентши.

Теперь дверь распахнулась.

— Пожалуйста, ваше сиятельство! — донесся до меня вкрадчивый голос мужчины, стоящего у двери.

Не успел я опомниться, как в ту же секунду Путилин быстрее молнии выскочил из кареты, за ним — Х., и они оба бросились на отворившего дверь.

Ничего не понимая, я устремился к ним и увидел, как железная рука агента Х. сжала горло небольшого худощавого человека, одетого во все черное.

— Ни звука, негодяй! Ни одной попытки поднять крик, вызвать тревогу! Если ты сделаешь хоть одно движение, я прикажу задушить тебя! — прошептал Путилин.

— Смилуйтесь!.. Пощадите!.. — взмолился черный человек.

— Теперь отвечай на вопросы. Где твой «великий»?

— Там, наверху, у себя.

— Он один?

— Один.

— Кто сейчас был здесь?

— Баронесса В.

— Княгиня Д. была вчера или сегодня?

— Нет.

Черного человека колотило от ужаса.

— Теперь слушай, любезный, — резко проговорил Путилин. — Ты проведешь нас в ту комнату, где твой повелитель принимает своих посетительниц. Вы заперли дверь, Х.?

— О да! — ответил любимый агент Путилина.

— Идемте, господа, а ты помни: малейший звук или обман с твоей стороны — и ты получишь пулю в лоб.

И Путилин направил на человека в черном блестящее дуло своего револьвера.

Мы тихо стали подыматься в бельэтаж по лестнице, убранной поистине более чем дикивинно.

Длинный ковер был из черного сукна с изображением мертвых костей и черепов. По бокам лестницы стояли треножники, откуда вился тонкими струйками какой-то противно-сладкий дымок.

При каждом шаге тихий звук какой-то незримо-таинственной музыки проносился и замирал где-то в отдалении.

— Ловко, ловко... молодец! — слышал я бормотание Путилина.

— Скажи, — тихо обратился он к нашему пленнику, — когда кто-нибудь приезжает к твоему «великому», как ты даешь ему об этом знать?

— Я... я подаю ему снизу условный звонок... Тогда он выходит и встречает...

— Ну, веди!

Мы прошли двумя темными комнатами и остановились перед аркой, закрытой черной драпировкой с такими же изображениями, что и на ковре лестницы.

Путилин тихонько раздвинул ее и заглянул во внутренность таинственной горницы.

— Никого! Отлично...

Мы вошли в нее, и неприятно жуткое чувство овладело мною. Комната была вся задрапирована черным сукном.

У одной из стен ее стоял высокий, огромный черный аналой, позади него — какой-то замысловатый треугольник с тремя зажжен-

ными свечами и черепами, а сбоку — жаровня, в которой сверкали горячие уголья.

Свечи пылали багровым светом. Полосы его ложились на черные стены, давая иллюзию лужи крови.

Путилин зорко огляделся по сторонам.

— Гм... дело скверно. Комната пуста до удивительности.

Он быстро подошел к огромному аналою и попробовал его приподнять.

Аналой поднялся свободно, как легкий деревянный предмет.

— Нечего делать, придется... Ну-с, вот и все. Вы, Х., ведите негодяя вниз и по его указанию дайте звонок. В случае, если он обманет нас, — пристрелите его. Ну а вы, барынька, знаете, что вам надо делать? После звонка подымайтесь по лестнице, и... там все будет видно.

Мы остались одни.

— Нет, там мы рискуем или задохнуться, или ничего не видеть, — проворчал мой гениальный друг. — Ба! Да о чем я думаю? Мы отлично спрячемся под широкими складками спадающего с аналоя покрова. Живо, живо,

доктор!

Едва мы успели задрапироваться черным сукном, как резкий, какой-то переливчатый звонок пронесся по комнатам этой проклятой квартиры.

Прошло несколько секунд, и до нас донеслись голоса: мужской и женский.

Портьера раздвинулась, и в страшную комнату вошла высокая фигура мужчины, одетого в темно-фиолетовую сутану.

Черты лица его были резки, суровы.

На груди сверкала, переливаясь блеском драгоценных камней, большая золотая цепь.

— Ну, княгиня, что скажете? — прозвучал голос таинственного хозяина.

— Я... я в отчаянии, великий! — хрипло ответила «княгиня».

— Что с вами? Я не узнаю вашего голоса! — удивленно произнес «великий».

— Ах, я больная, я совсем простудилась. Я приехала к вам сказать, что нам... что мне угрожает смертельная опасность.

— Какая? — прозвучал насмешливый голос.

— За нами следит Путилин. Я погибла.

— Я это знаю. Но почему вы считаете себя погибшей?

— Но, боже мой, вы не знаете, что это за гениальный сыщик! Ни одно дело не остается нераскрытым, раз он за него принимается.

— Вы так думаете? Но вы, дитя мое, забываете одно: с таким противником, как я, вашему прославленному сыщику не приходилось еще бороться. Или вы не верите в меня?

Голос «великого» прозвучал резко, властно.

— Не знаю, не знаю, — с отчаянием воскликнула княгиня. — Я знаю только одно, что у меня под ногами точно наклонная плоскость... Я чувствую, что я лечу по ней... Мне страшно, мне страшно!

— Вы не верите в то, что я обладаю чудесной силой и властью дать человеку вечную жизнь, вечную молодость и красоту? Вы усомнились в этом, несчастная?

Голос чудодея теперь гремел.

— Если обнаружится... если он, этот страшный сыщик, раскроет все, я погибла... Ах, что вы со мною сделали!

«Княгиня» закрыла лицо, вернее, вуаль

обеими руками и зарыдала.

— Это ни на что не похоже! — гневно вырвалось у «великого». — Неужели вы полагаете, что я, вновь возродившийся Калиостро, слабее какого-то сыщика? Ну успокойтесь, княгиня, успокойтесь, мое милое дитя! Я вас не узнаю совсем... Будьте покойны, верьте мне, что о бриллиантах никто никогда не узнает. Вы ведь отлично знаете, на что мне нужны они. Вы знаете, как делается тот чудесный всемогущий эликсир, с помощью которого вы можете быть вечно любимы, вечно молоды, прекрасны? С помощью расплавленных бриллиантов. Целые века люди ломали голову над разрешением этой величайшей тайны жизни, и вот наконец я разрешил эту проблему. Из горсти бриллиантов и других драгоценных камней получается несколько капель, всего несколько капель эликсира жизни. Эти капли пропускаются не через уголь, а через золото.

— Не знаю... Я начинаю сомневаться... мне все это непонятно...

— Как?! — загремел опять воскресший Калиостро. — Вы бросаете мне в лицо обвине-

ние в шарлатанстве? Мне? Вы с ума сошли, княгиня!

— Я... я умоляю вас, оставьте меня в покое... Мне не надо вашего эликсира, мне ничего не надо, сделайте только так, чтобы это осталось в тайне.

Несколько секунд царило молчание.

— А вы... вы привезли деньги? — нарушил его кудесник.

— Нет, нет! Я не пойду на это! С меня довольно и одного ужаса.

— Дело нельзя останавливать на полпути. Я настаиваю, чтобы вы завтра привезли ту сумму, которую я назначил.

— Ни за что! — истерично выкликнула «княгиня». — Вы — плут!

— А, вот как?!

В голосе «Калиостро» послышались гнев и затаенная угроза.

— Вы это сделаете, любезная княгиня, ибо вы в моих руках. Я вас попросил бы вспомнить о той пачке писем, которую вы передали мне и над которой я обещал произвести известные заклинания, дабы вернуть вам любовь вашего некогда пламенного друга серд-

ца, вдруг охладевшего к вам.

— Я погибла! — простонала «княгиня». — Негодяй! Вы воспользовались моей глупостью... Я поверила вам, как святому отцу.

— Ха-ха-ха! — насмешливо расхохотался «Калиостро». — Но разве святых отцов просят быть пособниками в романтических похождении-адюльтерах? Слушайте, бросьте всю эту комедию, и все пойдет отлично. Привезите завтра эти деньги, и вы получите от меня и эликсир, и пачку ваших писем, замороженных, ха-ха-ха, мною!

— Что мне делать?! Что мне делать?! — воскликнула «княгиня».

— Вам делать теперь больше нечего, теперь буду делать я! — загремел громовым голосом Путилин, выскакивая из аналоя.

Крик ужаса, смертельного страха огласил страшную комнату.

С перекошенным, побелевшим лицом отпрянул к стене и замер Калиостро девятнадцатого века.

Руки его были протянуты вперед, словно он хотел защититься от страшного привидения, от самого Сатаны.

— Что это?.. Кто это?.. — лепетал негодяй в фиолетовой сутане.

— Что это, спрашиваете вы, святой отец? Это последний акт маскарада, и не вчерашнего только, а того маскарада, который вы проделывали так долго. Кто я? Извольте, я вам скажу: я — Путилин.

Яростный вопль бешенства прокатился под черным потолком таинственной комнаты.

— Ни с места, «великий брат» — Кржинецкий! Эта штучка будет пострашнее ваших черепов и аналогов.

И великий сыщик направил на «мага» и «волшебника» револьвер.

— Ну-с, ведите теперь нас в ваш кабинет, господин Калиостро.

Послушно, покорно, как автомат, пошел впереди нас мошенник-масон.

Сзади него шел Путилин с револьвером в руке.

Когда мы вошли в кабинет его, Путилин указал на кресло.

— Ну-с, садитесь, брат Кржинецкий и давайте поговорим. Скажите, кроме графини С.

и княгини Д., многих еще других пощипали вы «ad ma-jorem Dei gloriam» — «для вящей славы Бога»?

Взгляд смертельной ненависти был ответом на этот вопрос.

— Я советовал бы вам, почтенный святой отец, не играть со мной в молчанку. Я вам объясню, почему. Если вы чистосердечно покаетесь во всех ваших проделках и возвратите то, что награбили, то... по всей вероятности, я поверну дело так, что вас просто вышлют из Петербурга. В противном случае — берегитесь! Я вас упрячу туда, где не помогут вам все ваши Ордена и Братства. Прежде всего потрудитесь отдать бриллианты и письма княгини и деньги графа. Да ну живее, живее!..

Изрыгая проклятия, столь мало идущие к духовному одеянию, негодяй направился к вделанному в стене потайному шкафику.

Через полчаса мы везли «Калиостро» и его черного слугу. Агент Х. остался до прибытия властей в «таинственном» доме.

Две воровки

На другой день в 11 часов дня мы входили в квартиру графа С.

Он встретил нас со своей обычной надменностью.

— Что нового, господин Путилин?

— Это ваши деньги, граф? — показывая ему четыре пачки кредитных билетов, сухо спросил Путилин.

Возглас удивления вырвался из груди аристократа:

— Как? Да неужели вы отыскали их? Да, да, это они, мои деньги. О, поистине, вы — звезда сыска, monsieur Путилин! Но где они отыскались? Кто же украл их?

— На эти вопросы позвольте мне не ответить вам... Могу я видеть графиню?

— Да вот она сама, — проговорил граф. — Представь, Lili, деньги нашлись!

На пороге зала стояла графиня бледнее полотна. Ее глаза, широко раскрытые, были в ужасе устремлены на великого сыщика.

Путилин подошел к ней, пристально смотря на нее, поклонился и сказал:

— Советую вам, графиня, теперь быть очень осторожной и осмотрительной с деньгами и драгоценностями. Появился мошенник в лиловой сутане, который чрезвычайно ловко производит хищения даже... у королев.

— Lili! Что с тобой? Тебе дурно? — бросился граф к жене, которая вдруг зашаталась...

...Князь Д., как и в первый раз, встретил нас более чем радушно.

— Ну, князь, радуйтесь: я нашел бриллианты вашей супруги! — весело проговорил Путилин. — Позвольте мне лично вручить ей.

— Батюшка! Да неужели! Великий вы человек, дорогой господин Путилин!

Путилин вошел в будуар княгини, плотно прикрыв за собой дверь.

При виде его (как он потом рассказывал) княгиня замерла, жалобно-умоляюще глядя на него.

— Успокойтесь, княгиня... Я не враг ваш, а друг. Берите с богом ваши драгоценности, а кстати и эту пачку писем.

Княгиня в ужасе закрыла лицо руками.

— Боже мой... Боже мой, — вырвалось у нее с отчаянием.

— Даю вам слово, что никто про это не узнает. Но да послужит вам это жестоким уроком на будущее время. Я рад, что мог спасти вас от позора.

Княгиня вдруг вскочила с кресла и со слезами радости и благодарности схватила руку великого сыщика, пытаясь ее поцеловать...

Во избежание скандала дело было замято и не дошло до суда.

— Как ты дошел до своей «кривой»? — спрашивал я потом моего Путилина.

— Видишь ли, до меня уже давно доходили слухи о том, что «прозелиты» масонских лож в России далеко не бескорыстно вербуют членов в свои Ордена, Братства. Что еще более мне было известно, так это то, что главное свое внимание они обратили на женщин как на материал-воск, из которого они могут лепить все, что им угодно. «Загадочность» исчезновения денег у графа С. — первый плюс.

— Какой? — воскликнул я.

— Принимая во внимание его разъяснения о предосторожностях и собаке, я решил, что украсть деньги мог только свой человек. Какой? Да самый близкий, такой, чье прибли-

жение и вход в кабинет не вызвал бы лая собаки. Очевидно, жена. Я недаром влезал на стул и осматривал дверь. Мне надо было убедиться, не были ли шпингалеты двери с вечера открыты. И один взгляд убедил меня в этом. Оказывается, граф запер открытые дверцы дверей. Простое усилие извне — и запертая дверь отперлась совершенно свободно. Ласковый голос хозяйки — и страшный дог молчал.

О втором «преступлении» не стоит и говорить. Оно симулировано детски наивно. Но... у меня мелькнула мысль: не замешаны ли в этих сиятельных хищениях любовники? Я стал следить и... дошел до костюмированного бала. На нем, как тебе известно, я встретил и графиню «Марию Стюарт», и «великого». Его я проследил, в первый раз в моей жизни сидя на рессорах кареты. Отсюда, увидев несколько экипажей, остановившихся у подъезда «таинственного особняка», я решил играть ва-банк... беспроигрышный. Остальное ты знаешь.

Претендент на болгарский престол (Корнет Савин)

Граф Тулуз де Лотрек в Константинополе

Прежде чем начать повествование о замечательном деле «претендентства корнета Савина на Болгарский престол», деле, в котором гениальный авантюрист столкнулся с гениальным сыщиком и где оправдалась поговорка «нашла коса на камень», скажем несколько слов о корнете Савине.

По своему общественному положению, по дерзкой отваге, по изумительному блеску выполнения своих смелых «похождений», по полету фантазии из всех русских авантюристов, бесспорно, первое место принадлежит корнету Савину.

Свою славу он распространил далеко за пределы своего отечества, прогремев за границей.

Блестящий офицер, молодой, красивый, ловкий, с ума сводивший женщин одним

взглядом, лихой танцор, безукоризненно владеющий несколькими иностранными языками, он «свихнулся» с прямой дороги и покатился по наклонной плоскости.

Пытаясь сначала стоять только на грани гражданского и уголовного права, он перешагнул в область уголовщины.

Тут и началось! Одна безумно-смелая авантюра следовала за другой, и скоро послужной список экс-корнета обогатился массой громких деяний, не только изумлявших, но даже и восхищавших наше и заграничное общество «чистотой работы» и, я бы сказал, аристократичностью ее.

Если можно вообще в бездне человеческого падения найти красоту, то этой уголовно-преступной красотой обладал в полной мере Савин. Поистине, он был велик и в падении!

Но едва ли не самым замечательным в характере этой недюжинной личности являлась его уверенность в своем самозванстве.

Он мало-помалу так претворял в себе свою ложь, так свыкался с ней, что потом не на шутку начинал верить в нее, не отделяя вы-

мысла от правды.

Это любопытное явление в области гипноза, самообмана было отмечено многими прозорливцами духа человеческого.

Так, у Гоголя есть замечание, что в знаменитой сцене вранья перед городничим и его присными Хлестаков искренно верит в ту ерунду, которую несет о «лабардане» и тридцати тысячах курьеров.

У Пушкина растрига Гришка Отрепьев увлекается до того, что опять-таки искренно считает себя русским царевичем Димитрием.

Были моменты, когда Емелька Пугачев, «сорванными ноздрями», в состоянии длительного «аффекта лжи», говорил сам себе, что он — подлинный император Петр Федорович...

Константинополь — гордая столица Ближневосточной Порты, был залит горячими, яркими лучами солнца. Как красив, дивно хорош был он, купаясь в этом море света, со своими высокими белоснежными минаретами, со своим очаровательным видом на Босфор.

В роскошном отеле нарядного европейского квартала, где помещаются иностранные посольства, консульства, вот уже несколько

дней проживал молодой богатый знатный граф Тулуз де Лотрек со своей супругой.

До сих пор существовал закон, что жены приобретают новые фамилии и титулы по мужу, а вот граф Тулуз де Лотрек взял да и изменил этот старый обычай, ибо... сделался графом «по жене».

— Как?! — удивитесь вы. — Да разве это возможно?

— Возможно, — отвечу я вам, — так как граф Тулуз де Лотрек был не кто иной, как экс-корнет Савин. А Савину, как известно, никакие законы не писаны, он сам создавал их.

Сманив безумно влюбившуюся в него графиню Тулуз де Лотрек с ее миллионами, он решил, что, будучи теперь ее «супругом», он имеет право не только на ее деньги, бриллианты, но и на ее титул.

По гостиной отдельного отделения, убранной с комфортом и изысканной роскошью, нервно ходила графиня, молодая, очень красивая женщина.

«Граф», наш знаменитый корнет Савин, сидел в кресле, заложив нога за ногу. Одной рукой, поигрывая своим страшным бичом (этот

бич был из какой-то особенной кожи и с ним Савин не расставался почти никогда), другой, держа сигару, он невозмутимо спокойно глядел на свою взволнованную супругу.

Ирония, насмешка сверкали во взгляде его удивительных глаз.

— Итак, мы взволнованы?

— Я попросила бы тебя обойтись без насмешек! — резко выкрикнула графиня.

— Ого!

— Да, да! Ты должен знать причину моего волнения.

— А именно? — прищурился Савин.

— Я совершенно не понимаю, зачем, для чего мы торчим здесь, в этом отвратительном Константинополе. Вместо того, чтобы пребывать теперь на каком-нибудь курорте, мы вдыхаем отравленный пылью воздух, жаримся, как в пекле в этой раскаленной духоте.

Графиня нервно комкала кружевной платок.

— Ах, вот в чем дело? — усмехнулся Савин.

— А ты этого не знал? — вспыхнула графиня.

— Знал, слышал, мой ангел, но я уже гово-

рил тебе, что мне необходимо пробыть здесь еще несколько дней.

— Да зачем? Зачем?

— Это мое дело. Я не обязан отдавать отчета.

— В таком случае и я не обязана исполнять всех твоих прихотей. Я уеду одна.

— Что?

Медленно, точно тигр, собирающийся к прыжку, поднялся с кресла Савин...

Голова гордо откинулась назад, в глазах мелькнули огоньки гнева.

— Что? — повторил он, подходя к графине. — Это с каких же пор ты решила не подчиняться моей воле?

Та под этим пристальным, властным взглядом потерялась, как-то съежилась, пригнулась. Точно птичка под взглядом удава.

Любуясь ее смущением, довольный своей победой, Савин начал уже другим, ласково-вкрадчивым голосом:

— Ах, женщины, женщины, все-то вы на один покрой! Ну, давай мириться, Лили.

Он обнял ее и властно притянул к себе. Она, с глазами полными слез, но и восхище-

ния, прижалась к его широкой, сильной груди своей красивой головкой.

— Слушай же, моя капризница, слушай внимательно, что я буду тебе говорить. Скажи: ты хотела бы сделаться княгиней?

Графиня удивленно посмотрела на своего супруга:

— Что такое? Княгиней? С какой стати? Какой княгиней?

Савин тихо рассмеялся.

— Ты думаешь, что графский титул не стоит менять на княжеский? Я был бы согласен с тобой, если бы тот княжеский титул, который я хочу предложить тебе, был обыкновенный, заурядный... Но дело в том, что моя корона будет поважнее простых графских и княжеских.

— Я тебя не понимаю...

— Сейчас поймешь. Ты должна войти вместе со мной на престол.

— Что? — даже отшатнулась от Савина-«графа» настоящая графиня.

— Да, на престол.

— Ты с ума сошел? На какой престол?

Несмотря на то, что графине не были тайной гениальные проделки ее супруга, кото-

рый с циничной откровенностью посвятил ее в них, зная что она все равно пойдет за ним в огонь и воду, несмотря на это она была поражена, как никогда.

«Он смеется... Он шутит...» — пронеслось в ее головке.

— Ты спрашиваешь: на какой престол? Изволь, я тебе отвечу: на Болгарский.

— Это... это шутки?

— Нимало. Знай, что я — претендент на Болгарский престол.

— Ты?!

— Я.

— По какому праву? При чем ты и Болгарское княжество?

— Скажи, Лили, ты католичка?

— Да.

— Историю папства хорошо знаешь?

— Знаю.

— Так вот скажи, как мог пастух сделаться папой? А такой случай был. Итак, если пастух мог занять папский престол, то почему русский корнет, сделавшись графом Тулуз де Лотреком, не может взойти на престол Болгарского княжества? Ведь ты пойми: в настоящее

время престол этот свободен. А раз он свободен, отчего мне его не занять? Черт возьми, это было бы чрезвычайно глупо отказаться от такого удобного и приятного помещения!

Графиня глядела на своего самозванного супруга широко раскрытыми глазами. А Савина словно волна какая-то подхватила. Он преобразился, горел, пылал жаром своей необузданной фантазии.

— О, Лили, моя верная подруга, какая блестящая, славная будущность открывается нам! Я — коронованный князь болгарского народа, я — в дружбе и сношениях с венценосцами всего мира.

— Но... как же это все устроится? — лепетала в величайшем смущении графиня.

— Все, все устроится! Вот для этого-то я и нахожусь в Константинополе. Теперь ты понимаешь? Теперь ты согласна ждать и задышаться в жаре? Пойми, что мы отсюда поедем прямо в Болгарию.

И многое еще говорил «будущий» болгарский князь, а пока — наглый самозванец, авантюрист величайшей марки.

Политические эмигранты. Тайное совещание

В начале раннего вечера Савин — граф Тулуз де Лотрек — вышел из своего фешенебельного отеля и как-то тайком, крадучись, стараясь не обращать на себя ничьего внимания, направился пешком в один из отдаленных, грязных, вонючих кварталов «великолепной» столицы Оттоманской империи.

Жар еще не спал. Тучи пыли стояли над узкими улицами, кишевшими столичной рванью и массой бродячих голодных собак, похожих на шакалов, тощих, озлобленных.

Нарядный, сверкающий Константинополь остался там, позади.

Тут был тот главный Константинополь, который олицетворял собою всю неряшливость, всю грязь Востока.

«Экие свиньи!» — мысленно ругался претендент на Болгарский престол, попадая в кучи отвратительных экскриментов.

Подойдя к небольшому домику, ставни которого были наглухо закрыты, он тихо постучал в одно из окон и приблизился к двери.

— Кто там? — послышался вопрос.

— Это я, Цанков, отворяйте.

Дверь быстро распахнулась, впустила гениального авантюриста и так же быстро хлопнулась за ним.

— А наконец-то вы, ваше высочество! — с улыбкой проговорил высокий черномазый субъект, одетый в сюртук, с типичным видом болгарина.

— Не слишком ли рано — «ваше высочество»? Пока еще только ваше сиятельство, — рассмеялся Савин, крепко пожимая руку болгарина.

— Пустяки. Для такого умницы, как вы, сроков не существует. — Болгарин говорил довольно чисто и правильно по-русски.

— Все в сборе, Цанков?

— Все.

— А Хильми-паша?

— И он прибыл, Савин.

— Дану?

В голосе экс-корнета послышалась радость.

— А все-таки вы, Цанков, лучше величайте меня графом де Лотреком. Знаете, это звучит более внушительно.

Тихий смех болгарина смешался с таким же смехом «графа».

— Слушаю-с, ваше высочество!

В комнате, небольшой и тонувшей в полумраке, благодаря закрытым ставням, на креслах и широком диване сидели несколько человек.

Большинство из них были болгары, за исключением двух лиц, принадлежавших к сынам правоверного пророка Магомета.

— Простите великодушно, господа, что я запоздал! — весело, непринужденно проговорил Савин по-французски, здороваясь со всеми и особенно почтительно с Хильми-пашой.

— Ваше превосходительство, как мне благодарить вас за ваше любезное посещение? — склонился он перед ним.

Тот благосклонно улыбался.

— Ничего... Я так сочувствую, граф, этому делу, — ответил Хильми-паша.

— Позвольте мне, ваше превосходительство, в знак моей глубокой благодарности предложить вам на память о сегодняшнем вечере эту безделушку.

Савин вынул из кармана роскошный фу-

гляр и, раскрыв его, подал турецкому сановнику.

На голубом бархате, переливаясь всеми цветами радуги, сверкал драгоценный перстень с огромным бриллиантом-солитером.

— О! — вырвалось у всех.

Алчный взгляд паши загорелся восторгом.

— Ах, граф, какая прелесть! Но к чему это? Мне совестно принимать такие ценные сувениры.

— О, это такие пустяки, ваше превосходительство. Эта безделушка — одна из моих фамильных, — небрежно, с апломбом бросил великий авантюрист. — А это позвольте вручить вам.

И Савин протянул другой футляр младшему турку.

— Чисто работает, — прошептал болгарин Цанков своим соотечественникам.

Те взглядами подтвердили это.

— Ну, господа, мы можем приступить к сощещанию, — пригласил всех Цанков.

И когда все заняли места за круглым столом, продажный турецкий сановник начал первым:

— Я должен сообщить вам, господа, что по полученным мною тайным сведениям русское посольство что-то разнюхало и, кажется, послало донесение. Поэтому я советовал бы вам торопиться.

Граф Тулуз де Лотрек, претендент на Болгарский престол, чуть-чуть побледнел.

— Оно узнало, что я здесь? — спросил он.

— Да.

Савин-«граф» рассмеялся.

— О, ваше превосходительство, я этого не боюсь. Меня взять не так-то легко.

— Его снимут только с Болгарского престола! — стукнул рукой по столу один из присутствующих болгар. — Верно, братушки?

— Верно! Верно! — прокатилось по комнате дико нелепого, преступного совещания.

— Мы — политические эмигранты Болгарии. Мы должны были бежать, спасаясь от дикого произвола и зверств временного регентства, самовольно захватившего власть в свои руки. Но, покинув отечество, мы оставили там массу верных друзей-приверженцев. Они за нас, они за общее дело. Трон Болгарии теперь свободен. Мы только должны распоря-

даться им!

— А много ли вас, господа? — осторожно, мягко, дипломатично спросил турецкий саванник.

— Нас-то много ли? — вмешался Цанков. — Вполне достаточно для того, чтобы сломить регентство и одержать полную победу. Еще на днях я получил от своих известие, что большинство войск, духовенства, народа совершенно готовы примкнуть к нам.

Савин сидел и слушал с замиранием сердца.

«Вот оно... вот оно, это недостижимое, волшебное! Не сон, а явь, явь!» — так все и пело, ликовало в нем.

— И мы, — продолжал оратор-заговорщик, — после зрелого обсуждения пришли к решению, что лучшего кандидата на Болгарский престол, как граф Тулуз де Лотрек, не может быть.

В эту секунду поднялся самозванный граф. Он был поистине великолепен, этот мошенник высокой марки!

— Господа! — начал он таким властным, уверенным тоном, точно уже чувствовал себя

на ступенях болгарского трона. — Господа! Благодарю вас за то высокое доверие, которым вам было угодно почтить меня. Если судьбе будет угодно, чтобы я занял Болгарский престол, даю клятвенное обещание заботиться о судьбе и благе моего народа.

Хитрый турецкий сановник еле заметно усмехался, любуясь блеском драгоценного перстня, уже одетого на палец.

— Я, — продолжал искренно вдохновляться Савин, — я уже наметил состав кабинета министров. Говорить ли вам, господа, кто эти избранные? Назвать ли их имена?

Молчание. И опять взволнованный, вкрадчивый голос «будущего болгарского князя»:

— Вы, Цанков, конечно, не откажетесь принять портфель первого министра?

— Если будет угодно вашему высочеству, — с низким поклоном ответил душа заговора.

— Вы, Малевич, — портфель военного министра?

— С радостью, ваше высочество!

— Вам я могу предложить, дорогой Маравелов, пост министра финансов...

И, называя всех поименно, «его высочество» распределял портфели, посты.

— Господа! Я, как вам известно, граф Тулуз де Лотрек. Но не забывайте, что я — славянин, русский, в котором бьется горячее сердце.

И он повернулся к турецкому сановнику.

— Болгария меня должна принять, ваше превосходительство... Но, став ее князем, я буду должником Блистательной Порты, прошу вас верить этому. Вы меня понимаете?

— О, как нельзя лучше, ваше... ваше сиятельство! — запнулся паша.

— Я весь полон желанием поставить Болгарию на иной путь...

— Так! Так! — послышались голоса политических эмигрантов-заговорщиков.

— И я... я это сделаю! — закончил Савин.

— Теперь — «черная работа», ваше высочество... Необходимо выяснить детали и план.

— Да, да, это важно.

И тут, в этой темной комнате, началось таинственное совещание о деталях выполнения фантастического плана, равного которому — по безумной дерзости и утопичности — едва

ли знала любая история любых стран.

«Прямо уже в полной форме»... — «Две казармы будут приготовлены»... — «Амнистия, самая широкая»...

Глаза гениального авантюриста сверкали торжеством...

«Важнейшее» поручение Путилину

Около четырех часов дня в служебном кабинете Путилина появилась фигура министерского курьера.

— От его сиятельства вашему превосходительству в собственные руки! — протянул он Путилину пакет.

Путилин вскрыл его, прочел и сказал курьеру:

— Ступай. Я сейчас еду.

В письме от важного сановника графа Т. содержалась просьба о «немедленном прибытии» Путилина.

— Что-нибудь стряслось необыкновенное, — бормотал великий сыщик.

— ...Дело необычайной важности, любезный Иван Дмитриевич! — взволнованно проговорил граф Т., встречая Путилина.

— Что случилось, ваше сиятельство?

— А вот садитесь, пожалуйста, мы побеседуем. — Сановник нервно закурил сигару.

— Вы, конечно, Иван Дмитриевич, Савина знаете?

— Знаю.

— Так вот-с, чтоб черт его побрал, нам необходимо его изловить. Чувствуете? Не-об-хо-ди-мо!

Путилин молча наклонил голову.

— Знаете ли вы, где он теперь находится?

— Нет. Я знаю только, что он удрал за границу и что его в России нет.

— Так извольте, я вам скажу: он в Константинополе.

— Ого! Вот куда попал, — усмехнулся Путилин.

— И вы... вы не можете себе представить, что он там делает!

Волнение графа Т. было так велико, что он даже сигару выронил из пальцев.

— Что же именно?

— Он... он хочет сесть на какой-то престол! — выпалил сановник.

Путилин (как он потом мне рассказывал)

еле удержался от смеха, настолько трагична была физиономия графа.

— Сесть на престол? Что же, он собирается совершить кощунство? — невозмутимо спросил Путилин.

— А нет, вы меня плохо поняли! — с досадой вырвалось у графа. — Не на церковный сесть престол, а, так сказать, взойти на трон.

— Болгарский? — быстро задал вопрос Путилин.

— А вы... вы откуда же это знаете? — удивленно и растерянно спросил сановник.

— Положительно — я этого не знаю, ваше сиятельство, но ввиду того, что в настоящее время есть только один свободный трон, а именно болгарский, я и полагаю, что наш удалой экс-корнет точит свои зубы именно на него.

— Вы — удивительный человек, честное слово! — пробормотал всесильный человек, глядя на Путилина с искренним восхищением.

— О, вы преувеличиваете, ваше сиятельство!

— Да, вы не ошиблись. Вчера мы получили

секретное донесение от посольской миссии. В нем говорится, что один турок выдал присутствие в Константинополе русского «эмигранта», составившего заговор с политическими преступниками Болгарии о попытке взойти на Болгарский престол.

— И этот доносчик назвал имя...

— Савина.

— А не другое имя? Другого имени нет в донесении? — спросил Путилин.

— Нет. Позвольте, какое же другое имя вы ожидали встретить в донесении?

Сановник даже привстал.

— Графа Тулуз де Лотрека, ваше сиятельство.

— Как? Стало быть...

— Да, да... Я ведь слежу за этим господином, я только не знал о его прибытии в Константинополь и о его новой аванюре... Так чем могу служить вашему сиятельству?

— И вы... вы спрашиваете?

— Стало быть, ехать туда? Но у меня здесь есть несколько важных дел...

— А, это подождет! Поручите кому-нибудь. Вы ведь, дорогой Иван Дмитриевич, сами по-

нимаєте, насколько важно изловить этого молодчика. Ведь скандал-с произойдет, срам на всю Европу! Бывший русский офицер, а ныне — мошенник — и вдруг трон... Безумная политическая авантюра... Черт знает, что такое!

Граф Т. схватился за голову.

— Нет, как хотите, а вы нам его поймайте. Вы ведь в этом отношении — гений, Иван Дмитриевич. Но только должен вас предупредить вот о чем: его надо изловить на русской территории.

— Непременно на русской?

— Обязательно. «Брать» его, если только это вообще удастся, ибо он, как вам известно, плут гениальный, на чужой территории крайне нежелательно, а то и прямо невозможно: придется завести дипломатические переговоры, поднять целую кутерьму. Другое дело — у нас. Тут мы его сцапаем великолепно.

Путилин сидел, задумавшись.

— Помилуй бог, нелегко... нелегко, — вырвалось у него.

Граф Т. подошел к нему и крепко пожал ру-

ку.

— Постарайтесь, Иван Дмитриевич!

— Попытаюсь, ваше сиятельство, хотя должен признаться, что задачу вы задали мне нелегкую...

Игра двух гениальных игроков началась

В Константинополе стояла адская жара. Дышать было трудно, почти нечем. Раскаленный воздух золотистым туманом колыхался над знаменитым городом.

К подъезду роскошной «Европейской» гостиницы, той самой, где пребывал граф Тулуз де Лотрек, подъехал фаэтон, из которого вышел седой джентльмен-англичанин.

— Хорошее отделение найдется? — обратился он по-французски к выскочившим швейцару и комиссионерам отеля.

— Какое угодно, господин лорд!

«Недурно! У этих господ наметанный взгляд», — усмехнулся лорд.

Этот лорд был Путилин.

Он только что прибыл в гордую столицу Блистательной Порты и чувствовал себя

несколько утомленным после длинного пути.

— Скажите, граф Тулуз де Лотрек у вас? — быстро спросил он лакея, несшего за ним его чемодан.

— Нет... Граф и графиня изволили выбыть.

— Давно?

— Вчера.

На секунду лицо Путилина нахмурилось, но почти сейчас же осветилось улыбкой.

— А много у вас теперь стоит знатных посетителей?

— Есть несколько.

— Кто прибыл вчера, например?

— Маркиз да Коста дель Ривольто.

— С супругой.

— Да-с, — несколько удивленно ответил лакей.

Вдруг посередине коридора, почти нос к носу Путилин столкнулся с элегантным господином!..

Черные, высоко поднятые усы, эспаньолка, загорелый цвет лица...

Путилин пристально посмотрел на незнакомца, тот на него, и... оба остановились, как вкопанные.

— Господин маркиз да Коста дель Ривольта? Великий Боже, как трудно выговаривать вашу фамилию! Мы... мы, кажется, немного знакомы?

Маркиз отшатнулся.

Смертельно побледнев, он растерянно про-
бормотал:

— Простите, я не имею чести вас знать.

— Будто бы? Вы запомнили, дорогой маркиз... Я — граф Тулуз де Лотрек.

Теперь настала очередь и лакею выпучить в удивлении глаза.

Тихое проклятие слетело с уст маркиза.

Но... надо отдать ему справедливость: он моментально пришел в себя, оправился от смущения и даже чуть-чуть улыбнулся.

— Пусть лакей несет ваш чемодан в номер... Мы побеседуем несколько секунд.

— Отнесите чемодан в отделение! — отдал приказ лакею Путилин.

«Маркиз» и «граф» остались в коридоре с глазу на глаз.

— Путилин? — спросил маркиз уже по-русски.

— Савин? — в тон ответил ему граф. И од-

новременно оба рассмеялись.

— А не сесть ли нам? Признаюсь откровенно, я чертовски утомлен, — первым проговорил Путилин, указывая на крытый красным бархатом коридорный диван.

Два врага сели совершенно спокойно. Савин закурил сигару.

— Вы только что прибыли, Иван Дмитриевич? Pardon, ваше превосходительство.

— Только что, только что, господин экс-корнет. А насчет титулования не стесняйтесь. «Ваше превосходительство» — долго, длинно произносить.

— Я... догадывался, что вы приедете.

— А я не сомневался в том, что рано или поздно я вас сцапаю.

Савин расхохотался.

— Итак, вы приехали за мной?

— Завами.

— И вы думаете меня поймать?

— А разве вы уже не пойманы?

— Нет. Не забывайте, где я нахожусь. Я ведь на турецкой территории.

— Так что вам угодно, «ваше высочество», чтобы я вас взял на территории русской? —

усмехнулся Путилин. — Слушайте, Савин, а не лучше ли без дальнейшей борьбы, проводочки? Без шума, скандала и прочего?

— Это чтобы я покорно и добровольно попросил вас отвезти меня в русскую тюрьму? А однако вы меня ловко это «вашим высочеством» назвали!

Я Путилин, Савин.

— А я — Савин, господин Путилин.

— Итак — борьба?

— Не советую, ваше превосходительство.

— Почему?

— Потому, что вам несдобровать; потому, что я, а не вы, выйду победителем.

Голова гениального авантюриста гордо откинулась назад.

— Слушайте, ваше превосходительство: я искренне люблю и восхищаюсь вами, вы — огромный талант...

— Позвольте мне ответить вам тем же комплиментом, Савин... Ну-с? Дальше что?

— А то, что если вы меня не оставите в покое, если вы меня станете преследовать, то даю вам слово, что вам — несдобровать.

— Увы, дорогой мой экс-корнет, никак не

могу оставить вас в покое, а то вы, того гляди и в самом деле на Болгарский престол вскочите! — иронически рассмеялся Путилин.

— А вам-то что до этого? — злобно вырвалось у Савина.

— Вот-те раз! Как, что за дело? Или вы мне в вашем будущем княжестве пожелаете предложить пост министра тайной полиции?.. Помилуй бог, я служу честно России и...

— И... вы будете убиты, Путилин! — прохрипел Савин.

— Кем? Вами?

— Ну нет, для этого я слишком умен, чтобы убивать самому... Для этого найдутся...

— Наемные убийцы? Так называемые «бра-ви»? Ай-ай-ай, Савин, мне стыдно за вас: я о вас был лучшего мнения... Вы ведь только вообразите такой конфуз: претендент на Болгарский престол — и... вдруг убийца из-за угла начальника русской сыскной полиции...

И Путилин иронически рассмеялся.

Вся кровь бросилась в голову бывшему офицеру. Вся былая гордость, не промененная еще на «интернациональную тогу» авантюриста-мошенника, проснулась в нем с побед-

ной силой.

— Вы с ума сошли! Я никого не убивал из-за угла! — гневно вырвалось у него.

Путилин внимательно наблюдал за ним.

— Сдайтесь, Савин... Ей-богу, лучше будет.

— Ни за что, ни-ког-да!.. — отчеканил Савин.

— Вы едете в Болгарию?

— Еду.

— Но я ведь вас арестую!

— Вам не удастся этого, Иван Дмитриевич. Я сильнее вас в настоящую минуту.

— Чем, Савин?

— Я окружен друзьями-приверженцами, я даже среди важнейших сановников Турции имею сообщников. Вы — один.

— Я это знаю. Вы — недаром Савин. Вы — умница большой руки. Но...

— Что «но»?

— Вы не уйдете от меня. В ту минуту, когда я, «один», как вы предполагаете, скажу вам «Именем закона я вас арестую», вы... вы протянете мне ваши руки.

Лакей, отнеся чемодан гениального сыщика в номер, стоял, в недоумении глядя на двух

беседующих «знатных путешественников».

— Ну-с, мне пора идти, — вставая, произнес Путилин.

Встал и Савин.

— Прошу вас засвидетельствовать мое почтение вашей супруге, — тоном великосветского дэнди бросил Путилин. — Маркиза следует с вами?

— О, разумеется, милорд...

И... разошлись...

Путилин, войдя в роскошное «отделение», сел в кресло и погрузился в глубокое раздумье.

Изредка с его уст срывались тихие бормотания:

— Молодец... какой ход... так? Нет... а если так?... Гм... Гм...

И вдруг через полчаса такого выведения «кривой» он вскочил и радостно, прерывисто прошептал:

— Ах, эти черномазые, черномазые!..

Савин, войдя в свои апартаменты, был бледен, как никогда.

— Лили! — громко крикнул он.

— Что с тобой? — выскочила графиня Ту-

луз де Лотрек, замечая бледность лица своего супруга.

— Ступени трона шатаются под моими ногами!

— Что?!

— Приехал человек...

— Он тоже претендент на Болгарский престол? — наивно спросила графиня.

— Дура! — злобно, по-русски, выругался «граф». — Сию минуту, скорее... укладывай чемоданы! Мы едем через несколько часов.

— Слава богу! Наконец-то, — вырвался у графини радостный и облегченный вздох.

Последний пассажир «Ольги». Путилин посрамлен. Торжество Савина

В великолепной гавани Константинополя два парохода готовились к отплытию. Погрузка уже кончилась. Вся эта громада разношерстных людей, «снарядивших» гигантские пароходы, отирала с лиц обильно струившийся пот.

По трапу входили последние пассажиры.

Они, испуганные, боящиеся опоздать, были нервны, суетливы.

«Скорей! Сейчас последний звонок... А вещи?»... — «Все сдано... все сдано...»

На пароходе прямо у трапа стоял Савин — «граф Тулуз де Лотрек», «маркиз да Коста дель Ривольто» — претендент на Болгарский престол, окруженный своей свитой.

— Ваше высочество бледны... Вам худо?

— Пустяки, Цанков, пустяки... Но, говоря откровенно...

— Вы боитесь этого дьявола?

В голосе болгарина, политического эми-

гранта, слышалась тревога.

— Да, я боюсь Путилина. Вы, конечно, не знаете, что это за огромный талант... До сих пор он был непобедим.

— Но его противники?

— Ах, Цанков, он боролся с Домбровским, со Шпейером, и...

— Всех победил?

— Всех.

— Но вы, ваше высочество, не им чета. Вы...

— Послушайте, Цанков, вы хорошо осмотрели весь пароход?

— Чудесно.

— И... и его нет?

— Если он не обратился в мышь, даю вам слово, что его нет.

Вздых облегчения вырвался из груди Савина, «его высочества».

— Ну, а я-то его не пропущу. Я узнаю его, хотя бы он загримировался самим дьяволом.

Последние пассажиры непрерывной лентой проходили мимо претендента и его свиты.

Как жадно, с каким жгучим вниманием

впивался знаменитый корнет в их лица!

Мимо него проходили дамы, мужчины, молодые, старые.

«Не он, не он»... шептал про себя претендент на Болгарский престол.

— А тот, другой пароход? — вдруг услышал Савин взволнованный голос Цанкова.

Савин усмехнулся:

— Во-первых, Цанков, мы отплываем раньше, стало быть, если бы он догадался, то не стал бы терять времени, а во-вторых, какой смысл ему миновать борт нашего парохода? А впрочем, дайте-ка бинокль.

— Пожалуйста, ваше высочество!

Савин наставил бинокль на трап другого парохода, готовящегося к отплытию.

Вдруг из его груди вырвался подавленный крик радости.

— Смотрите, Цанков, смотрите: он, он!

— Кто «он», ваше высочество?

— Путилин! Путилин!

— Да не может быть? Да неужто?!

— Да, да, смотрите... Вот он идет... Видите этого джентльмена, седого, с сумкой через плечо? Вот он обгоняет даму!.. Вот он припод-

нял свою панаму, извиняясь за то, что чуть-чуть толкнул ее, эту красавицу. Это он, он!

И Савин расхохотался безумно радостным смехом.

— Попался! Попался! Пароходом ошибся, гениальный сыщик!..

Те несколько болгар, которые составляли свиту будущего «князя», во главе с душой заговора Цанковым, — поддерживали своего будущего повелителя.

«Ловко! Ловко!», «Иди, иди, проклятая собака-ищейка!»

На пароходе шли последние приготовления.

— Давай сигнал! Сейчас! К отплытию! — раздалась команда.

Бросились уже убирать трап.

— Стойте! Стойте! — на ломаном языке слышался испуганный крик.

По трапу бежал низенький, горбатый католический священник.

Его ряса-сутана смешно раздувалась, словно парус, поднятый ветром.

— Эдакое животное! — недовольно пробурчал капитан, злясь на опоздание. — Не мог во-

время поспеть!..

Минута, другая — и католический священник входит на борт парохода «Ольга».

— Отчаливай! — послышалась команда капитана. Винты парохода зашипели, зашумели, пеня и бунтуя тихую гладь великолепной бирюзовой воды.

Медленно и горделиво покачиваясь, пароход отвалил. Свита будущего Болгарского князя почтительно взяла под козырек.

— Ваше высочество, поздравляем вас с вступлением на престол!

— Не рано?

— Нет. Вы сами говорили, что последний враг ваш, проклятый Путилин, попал на другой пароход.

— А остальное, друзья мои?

— Остальное позвольте довершить нам, ваше высочество. За это мы ручаемся...

Восторг засветился в глазах Савина.

— В таком случае... надо выпить шампанского? Не правда ли, друзья мои?

— Если угодно вашему высочеству, — ответствовала свита.

И через несколько секунд лакей подавал

шампанское. Савин, взяв в руки бокал с искрометной влагой, торжественно начал:

— Я подымаю бокал, господа, прежде всего за посрамление моего врага — Путилина.

— За посрамление Путилина! За здоровье вашего врага! — подхватила свита.

Встал Цанков.

— А мне, ваше высочество, позвольте выпить за здравие будущего князя Болгарии... Господа, за здоровье нашего повелителя!..

Радостный клич пронесся по палубе первого класса.

— За князя! За князя!

— За болгарский народ! — вторично поднял бокал Савин.

— За народ! За народ!

В эту секунду к группе ликующих заговорщиков подошел католический священник.

— Простите, господа... Я не знаю, не имею чести знать, кто вы. Но ваш тост за посрамление Путилина меня глубоко растрогал. Как вам, быть может, известно, он вмешался даже в дела церкви и иезуитского ордена. О, этот проклятый нечестивец!

Голос «последнего пассажира» задрожал от

глубины негодования и скорби.

— Я знаю, padre, эти его розыски-похождения, — с чувством произнес Савин.

— Ну не наглец ли? Я... я... с удовольствием выпью бокал шампанского за его посрамление.

И палуба парохода «Ольга» огласилась восторженным криком:

— За гибель Путилина! За посрамление его!

— А вы все-таки, padre, чуть-чуть не сыграли ему в руку! — улыбнулся Савин.

— Я? — удивился padre — католический священник.

— Вы. С чего это вам пришла такая фантазия запоздать на пароход до последнего звонка?..

— Задержался... Давал святыне дары умирающей женщине.

В каюте претендента. Туалет болгарского князя

Пароход «Ольга» подходил к Бургасу. В комфортабельно убранном салоне-каюте претендента на Болгарский престол было весело, шумно.

Весь будущий кабинет министров во главе с премьером Цанковым окружали великого русского авантюриста-самозванца.

Графиня Тулуз де Лотрек мирно и покойно почивала.

Во сне, наверно, ей грезились ослепительные курорты и трон Болгарского княжества. То и дело хлопали пробки от бутылок шампанского.

— Друзья мои! — обращался к своим министрам, политическим эмигрантам, Савин. — Мы переживаем исторические минуты!

— О, еще бы, ваше высочество!

— Честное слово, это напоминает мне Наполеона! С той только разницей, что великого императора везли на Эльбу в заточение-изгнание, меня же везут в Софию на престол на воцарение.

Подошел Цанков.

— Ваше высочество, вам следовало бы теперь облачаться в полную парадную форму.

Савин, искренно вошедший в свою роль, горделиво простер руку вперед.

— Дайте все, что мне следует!

— За исключением короны, ваше высочество... Ее вы возложите на себя там, в Софии, во время коронавания.

И началась сцена, знаменитая, единственная в истории авантюры: патентованный мошенник облачался — не маскарада ради — а всерьез в форму одного из венценосцев.

— Кушак, господа.

— Пожалуйте, ваше высочество.

— Цанков, где звезды?

— Здесь, ваше высочество.

— Ха-ха! Я дорого бы дал, чтобы Путилин посмотрел на меня теперь. О, он понял бы, что шутить со мной нельзя!

— Охота вам, ваше высочество, тревожить себя воспоминанием о каком-то сыщике... Позвольте, я лучше вам стяну мундир.

— Еще, еще, Цанков.

— А не будет туго?

— Нет. Слушайте, господа: мне так понравился этот милейший падре, что я хотел бы пригласить его к нам и угостить бокалом шампанского. Почтенный иезуит, ха-ха-ха, кажется, не дурак выпить...

Глаза Савина горели.

Он не отводил взора от зеркала, которое отражало его красивую, стройную фигуру, облаченную в парадную форму Болгарского князя.

Теперь уже никто и ничто не могли бы разуверить его в том, что он — только жалкий безумный самозванец.

— Когда я войду на Болгарский престол, я с трона произнесу такую речь. «Господа! В то время, когда политический горизонт Европы обложен мрачными тучами, я возвещаю вам с высоты престола, что Болгария ничего не боится. Почему? Да потому, что во главе Болгарии стою я, Сав... — Савин спохватился, поправился и продолжал, все более и более воодушевляясь: — Стою я, ваш великий князь. Верьте в меня слепо так, как верили старые гренадеры Наполеону, и мы утрем нос и Германии, и России, и Путилину...»

Савина слегка качнуло.

— Ваше высочество... вы бы отдохнули, — обратился к самозванцу Цанков.

Выпитое шампанское сказывалось: язык Савина путался, заплетался.

— Нет, я не буду, я не хочу спать. Пригласите сюда, господа, католического священника. Я хочу побеседовать с ним о Ватикане. Нам (гениальный авантюрист сделал ударение на этом слове) необходимо знать о положении дел Святейшего Престола.

Прошло несколько минут, и один из заговорщиков, Мацавелов, вернулся.

— Я нигде не мог найти его, ваше высочество. Каюта его пуста.

— Ну... Ладно... Черт с ним, — совсем уж не по-великокняжески бросил Савин. — Я продолжаю, господа: «Политика, которой мы будем держаться по отношению к России...»

В это время в каюте капитана происходила не менее любопытная и важная сцена.

— Могу я переодеться у вас? — спокойно обратился к капитану парохода католический священник, входя в каюту.

— Переодеться? У меня? Это с какой же

стати? Разве у вас, падре, нет своего помещения? — удивленно спросил капитан.

— Есть, но, видите ли... — начал католический монах что-то объяснять капитану.

Говорил он довольно долго. С каждой секундой лицо капитана все более и более бледнело и принимало глупо-растерянное выражение.

— Стало быть, вы?

— Да.

— И сейчас?

— Сейчас.

— А если сопротивление?

— Вы обязаны оказать мне поддержку. Помилуй бог, у вас команды хватит.

Капитан схватился за голову.

— Вот не думал! Вот не чаял!

— Бывает, — усмехнулся католический священник...

Арест «болгарского князя»

До прибытия в Бургас оставалось всего несколько минут. Те пассажиры, которым надо было высаживаться здесь, толпились на палубе.

Из капитанской каюты вышел высокий, представительный господин с роскошными седыми бакенбардами, одетый в безукоризненный черный сюртук.

За ним вышел капитан с взволнованным, бледным лицом.

«Кто это»? — «Не знаю. Такого пассажира не было видно».

Спокойной, размеренной походкой подошел элегантный господин к каюте-салону, занимаемому претендентом на Болгарский престол и его блестящей свитой. Савин давал клятву политическим заговорщикам.

— Вы должны, ваше высочество, поклясться в том, что будете свято и нерушимо поддерживать нашу партию.

Знаменитый авантюрист, совершенно уже претворивший в себе новый высокий титул, с пафосом ответил:

— Даю вам в этом слово, господа. Клянусь.

— Вы никогда не должны забыть наших услуг.

— Я это понимаю.

— Вы всегда должны помнить, что только благодаря нам вы вошли на Болгарский престол.

— О, я этого не забуду, господа! — с чувством произнес маскарадный князь.

Он сделал театральный жест.

— В ту минуту, когда я войду на трон...

— Вы никогда на него не войдете, Савин! — раздался звучный, спокойный голос.

На пороге салона, раздвинув портьеру, стоял элегантный старый барин.

Это был Путилин.

Если бы тут, сейчас с оглушительным треском разорвалась бомба, это не произвело бы такой паники, такого ошеломляющего эффекта, как слова и внезапное появление гениального сыщика.

У всех присутствующих вырвался громкий крик испуга.

Савин — в парадной форме Болгарского князя — в ужасе отшатнулся.

— Путилин?! — слетело с его побелевших губ.

— С вашего разрешения, ваше бутафорское высочество? — с неподражаемой иронией, насмешкой ответил Путилин.

«Что? Кто это?», «Как, Путилин?»

Цанков просто замер, окаменел. Путилин сделал несколько шагов по направлению к великому авантюристу.

— Именем закона я вас арестую, бывший корнет Николай Савин!

Страшным усилием воли растерявшийся Савин взял себя в руки.

— Что? Вы желаете меня арестовать? — произнес он, гордо откидывая назад голову.

— Да. Имею твердое намерение.

— По какому праву?

— За вами, господин Савин, накопилось слишком много... недоимок русскому храму Фемиды. Пора свести счеты.

— Но вы забываете, любезнейший, что здесь не Россия! — гневно вырвалось у Савина.

— Но и не турецкая территория, любезнейший экс-корнет. Здесь водная территория,

здесь палуба корабля. На такой почве я имею право вас арестовать.

— Ни за что! Я не отдамся в ваши руки, слышите? Господа, вашего князя хотят арестовать. Вы должны заступиться, — обратился будущий болгарский князь к своим верно-подданным.

Яростный вопль вырвался из грудей политических заговорщиков.

Кулаки судорожно сжались, глаза засверкали бешенством.

— Мы не выдадим вас, ваше высочество, этому сыщику!

— Как вы смеете посягать на нашего князя?! — выступил Цанков.

— На вашего князя? — саркастически расхохотался Путилин. — С каких пор русский авантюрист сделался болгарским князем? И по какому праву вы, кучка политических эмигрантов, выбираете народу, который вас вышвырнул, претендента на престол?

— Полегче, полегче! Я страшен в гневе! — заскрипел зубами Цанков.

Путилин стоял невозмутимый.

— Вы... вы что же, любезный господин Пу-

тилин, серьезно желаете вести с нами борьбу?

— В каком смысле «борьбу?» Драться, бороться с вами? О, этого я совершенно не предполагаю. Слушайте, Савин, вы очень умный человек, и потому предлагаю вам прекратить этот жалкий маскарад, эту высокую комедию.

Поймите, сознайтесь и придите к выводу, что вы попались. Вы в моих руках.

— Я буду бороться! Я... я... — совсем обезумел претендент на болгарский престол.

В его руке сверкнуло дуло револьвера.

— Господа! — властно крикнул он своей свите.

Несколько револьверов и ножей-кинжалов были моментально выхвачены.

И только Путилин стоял безоружный, с голыми руками.

— Великолепно. Это мне нравится. Итак, вы желаете меня убить? — ни йоты тревоги, ни признака испуга не слышалось в этих словах.

Это поразительное хладнокровие изумило даже его врагов, и не только изумило, но и восхитило.

«Молодец! Какая смелость, выдержка!» — тихо пробормотал Цанков своим товарищам-заговорщикам.

— Теперь, Савин, я должен сказать вам следующее: моя смерть не принесет вам спасения потому, что я, предвидя возможность ее, принял все, понимаете, все меры для того, чтобы вы все-таки были арестованы.

— Дьявол! Вы лжете! — прохрипел авантюрист.

— Я лгу? Разве вы не знаете, что Путилин никогда не лжет? Капитан парохода предупрежден. Телеграммой я уведомил консула в Бургасе о вашем следовании на Болгарский престол. Он встретит вас с достаточным количеством людей для вашего ареста.

Вопли бешенства опять прокатились по каюте-салону.

— Извольте видеть: имея дело с обыкновенными мошенниками, я всегда прибегал к револьверу. С таким же, как вы, я считал это излишним. У меня в кармане два револьвера. Не угодно ли взглянуть на них? — И Путилин быстро их выхватил.

— Но, смотрите, я их кладу на стол. Что же

вы медлите, господа? Убивайте меня, я беззащитен, я — один среди вас.

Савин стоял, низко опустив голову.

Свита его — точно под влиянием какого-то гипноза — безмолвствовала.

— Вы что же, хотите замарать ваши ручки еще и убийством? Вы думаете, что это облегчит вашу совесть и ответственность за все, что вы наделали?

— Как... как вы попали сюда?

— Да я с вами шампанское пил, ваше высочество.

— Вы?! Со мной?!

— И с этими господами, вашими верноподанными. Разве вы забыли католического священника?

— Это были вы, Путилин?!

— Я, Савин.

С тоской оглянулся кругом Савин.

— Рушится все. Все мечты разлетелись. Господи, а я так жаждал... — и зарыдал ужасным, нудным мужским рыданием. — Вы... вы... победили, Путилин... Но, клянусь Богом, я., я был бы идеальным князем Болгарии.

Даже в эту минуту гениальный авантю-

рист не потерял веры в свое княжеское призвание!

— Снимайте скорее этот маскарадный костюм, Савин. К чему привлекать к себе всеобщее внимание? Вам будет тяжелее.

— Вы... вы правы... К черту! Все к черту!

— Ваше высочество... Что вы делаете? —
послышались возгласы свиты.

Савин, безумно хохоча, плача, срывал с себя парадную форму Болгарского князя.

— Ну?! — иступленно крикнул он, подходя к Путилину. — Берите меня. Я ваш! Но... но помните, что ненадолго.

Мельница в Гусевом переулке

Таинственное появление трупа в СЫСКНОМ

Покончив с визитацией больных, приехав домой и отобедав, я только что собирался прикурнуть, как лакей мой доложил мне о прибытии любимого курьера моего гениального друга Путилина. Я поспешно вышел в переднюю.

— В чем дело, дружище?

— Письмо к вам от его превосходительства Ивана Дмитриевича.

Он протянул мне знакомый конверт.

— Что-нибудь случилось важное? — спросил я, поспешно распечатывая конверт.

— Случай, можно сказать, господин доктор, необыкновенный...

Но я не слушал его, весь погрузившись в чтение записки.

«Доктор, приезжай немедленно. Торопись,

ибо я не могу из-за тебя находиться черезчур долго в страшном соседстве. *Твой Путилин*».

— Что такое? — начал было я, махнув рукой и зная любимый загадочный стиль моего друга, наскоро надел пальто и помчался в сыскное к моему другу.

Курьер на своей неизменной тележке-тарантасе следовал за мной.

В сыском, когда я туда приехал, я заметил на лицах служащих испуг, растерянность.

«Что такое случилось?» — мозжила меня мысль. Я быстро прошел знакомой дорогой в служебный кабинет Путилина, порывисто распахнул дверь.

— Ради Бога, Иван Дмитриевич, что такое?

Путилин, отдававший приказания своему помощнику, обернулся ко мне.

— А, это ты, доктор?..

— Как видишь.

— Так вот, не можешь ли ты оказать помощь этому несчастному господину?

И он сделал знак по направлению дивана. На нем, свесившись мешком, полулежал, полусидел молодой щеголь в бобровой бекеши,

с лицом сине-бледным, с таким лицом, на котором мы, врачи, безошибочно различаем печать смерти.

— Дайте знать, Виноградов, прокурору, судебному следователю и нашему врачу.

— Сию минуту, Иван Дмитриевич.

Пока они говорили, я приступил к господину. Но лишь только я раскрыл его бекеш, как волна крови вырвалась и залила диван. Брызги крови ударили в мое склонившееся лицо. Голова господина зашаталась и свесилась еще ниже.

— Ну? — спросил Путилин.

— Да ведь он мертв. Это труп! — воскликнул я, неприятно пораженный тяжелым зрением.

— Ты исследовал?

Я открыл его глаза... Веки были свинцовые, зрачок — мертво остекленевший.

— Когда, приблизительно, наступила смерть, доктор?

— Сейчас, до подробного осмотра, это трудно определить, но судя по сокращению глазных нервов, можно думать, что не так давно. Часа два, полтора.

Помощник вышел отдавать распоряжения.

— Откуда у тебя появился этот несчастный?

— А-а, это крайне загадочная история. Видишь ли, минут сорок тому назад ко мне вбежал испуганный агент-дежурный и заявил, что на лестнице лежит тело какого-то господина... Я бросился туда и увидел этого господина. Думая, что он еще жив, я велел перенести его ко мне в кабинет. Но, увы, это был, как ты видишь, труп.

— Но как он попал на лестницу вашего сыскного отделения?

— Этого никто не знает, доктор. Один из недавно прибывших агентов, правда, видел, что какая-то карета, запряженная отличными лошадьми, остановилась у подъезда сыскного. Но, занятый другим делом, он не обратил ни малейшего внимания на это обстоятельство. Мало ли кто останавливается у нас в каретах?

— Ужасная рана! — вырвалось у меня. — Пуля попала, очевидно, в сердечную сумку. Смотри, какая масса крови!

— Ну и годок! — печально произнес Пути-

лин. — Преступление за преступлением... Я начинаю думать, что криминальный Петербург скоро заткнет за пояс Лондон и Париж.

Не скажу, чтобы присутствие страшного посетителя-гостя было особенно приятно. Его открытые глаза, в которых застыл ужас предсмертных мук, были прямо устремлены на нас.

— Теперь ты понял, доктор, почему я тебя торопил?

— Да.

— Откровенно говоря, мне не особенно улыбается мысль затягивать визит неожиданного гостя.

Путилин посмотрел на часы.

— Они сейчас придут. Ну а пока скажи, каково твое мнение: убийство это или самоубийство.

Я еще раз сделал поверхностный осмотр трупа и ответил:

— Мне кажется, что самоубийство. В это место, то есть в сердце, очень редко целятся убийцы. Висок и сердце — это прицел тех, кто добровольно кончает жизнь.

— Браво, доктор, кажется, ты на этот раз не

ошибся!

В кабинет входили спешной походкой представители власти.

— Что случилось, Иван Дмитриевич? У вас в кабинете? — здороваясь, спросил прокурор.

— Перенесен с лестницы. Ну, господа, приступайте.

Началась тяжелая, длительная процедура. Мой коллега совместно со мной осматривал труп. Путилин стоял рядом с судебным следователем, не сводя взора с трупа. Вдруг он быстро наклонился над ним.

— Что это вы так пристально разглядываете, ваше превосходительство? — спросил судебный следователь.

— Мел на жилете и на сюртуке самоубийцы, — ответил Путилин.

— Самоубийцы?.. А разве вы уверены, что это — самоубийство?

— А вот, не угодно ли, — усмехнулся Путилин, подавая тому листок бумаги, вынутый им из бобровой шапки мертвого человека.

Он протянул его следователю.

Тот громко прочел:

— «Сегодня — моя последняя ставка. Если

она будет бита — я застрелюсь. Я проиграл все, что имел, и даже чужое... А. Г.».

— Ну вот и разгадка всей таинственности! — нервно рассмеялся Путилин.

Следователь и прокурор были озадачены.

— Значит, игра? Неудачная?

— Как видите, господа. Очевидно, ставка, последняя ставка этого господина была бита.

И он указал рукой на труп молодого человека.

— Да, но остается вопрос, кто этот господин... где он ставил свою финальную карту? — глубокомысленно изрек следователь, злясь на то, что Путилин по обыкновению первый пролил свет на загадочное происшествие.

— А это уж наш дорогой Иван Дмитриевич узнает. Ему и книги в руки, — облегченно вздохнул прокурор, радуясь упрощению дела.

— Но как вы предполагаете, ваше превосходительство: каким образом труп самоубийцы мог очутиться на лестнице сыскного отделения? — задал вопрос судебный следователь.

Путилин, низко склонившийся над трупом и исследовавший пальцы самоубийцы, вы-

прямился.

— Я оставляю за собой право ответить на этот вопрос позже, — сухо отрезал он. — Если бы сложные дела объяснялись и решались в полчаса, тогда... тогда, наверное, мы с вами, господин следователь, не были бы нужны русскому правосудию. Тогда вахтеры и курьеры могли бы исполнять обязанности следователей и начальников сыскной полиции...

Предварительное следствие было окончено. Труп увезли в анатомическое отделение Военной медико-хирургической академии.

— Вся надежда на вас, ваше превосходительство, — прощаясь, произнес прокурор.

— А отчего же не на господина судебного следователя? — иронически спросил Путилин.

Когда мы остались одни, я осторожно задал вопрос моему великому другу:

— Отчего ты, Иван Дмитриевич, так демонстративно-сурово и насмешливо отнесся к судебному следователю?

Путилин сделал досадливый жест рукой.

— Ах, оставь, доктор... Этот господин, едва соскочивший со скамьи привилегированного

учебного заведения, ни бельмеса не понимает в настоящем, живом деле сыска, несколько раз язвительно пробовал «утирать мне нос». Моя слава стала ему колом поперек горла. Посмотрим, что он-то сделает.

Прошло несколько секунд, минут.

Путилин, погрузившийся в раздумье, вдруг стремительно вскочил.

— Что с тобой? — испуганно вырвалось у меня.

— Я... я вывожу мою «кривую», любезный доктор. Поезжай домой. А впрочем... скажи: ты играешь в карты? Ты помнишь штоссе, банчек?

— Ну да... Помню... Знаю, — удивился я страшно.

— Так давай с тобой сыграем...

Он подошел к шкафчику и вынул оттуда колоду карт.

— Только вдвоем играть-то скучно... Не раздобыть ли нам третьего партнера?

Путилин позвал помощника и что-то тихо начал ему шептать.

— Хорошо, Иван Дмитриевич.

Урок путилина у знаменитого «мастера»

Приблизительно через полчаса в кабинет вошел, почтительно сгибаясь, худощавый господин, уже очень немолодой, с наружностью, говоря откровенно, преотвратительной. Он был, очевидно, крашеный, так как только концы волос были черные, корни же — седые.

Узкие, противные, масляные глазки. Усы, распушенные, как у кота.

— А вот и вы, любезнейший господин Статковский!

— Имею честь кланяться вашему превосходительству. Ясновельможный пан Путилин имеет до меня дело?

Он говорил с сильным польским акцентом.

— Да, да. Это мой бывший клиент, доктор, но теперь пошедший по другой дороге, по дороге честного труда. А это, пан Статковский, мой знаменитый доктор.

Мы поздоровались.

— Извольте ли видеть, голубчик, какая история. Мне необходимо освежить в памяти

всевозможные приемы шулерства высшей школы.

«Что такое?» — подумал я.

Статковского передернуло.

— Ваше превосходительство изволит шутить?

— Нимало.

— Но для чего же?

— Для того, чтобы обыграть наверняка некоторых негодяев, а главное, для того, чтобы поймать их.

— А-а, — улыбнулся, как я потом узнал от Путилина, знаменитый экс-шулер, артист своего дела. — Новое дело, ваше превосходительство?

— Да. Ну-с, так вы можете преподать мне несколько уроков? Вы многое знаете?

— О! — только и произнес великий «мастер».

В этом невольно вырвавшемся восклицании было столько гордости и самодовольства, что я невольно улыбнулся.

«Вот оно, профессиональное самолюбие!» — мелькнула мысль.

— Приступим, Статковский.

Бывший шулер преобразился. Глаза за-
сверкали восторгом, чуть не вдохновением.

— Прошу садиться, пане. Пан доктор игра-
ет?

— Как сапог! — ответил за меня Путилин.

— Ха-ха-ха! — почтительно рассмеялся шу-
лер-виртуоз.

— Вот колода в моих руках. Прошу внима-
ния.

Он, точно хирург, собирающийся присту-
пить к операции, засучил рукава.

— Это для чего же? — спросил я.

— Для того чтобы показать вам, как можно
чисто работать даже голыми руками!

Путилин внимательно следил за всеми ма-
нипуляциями «мастера».

— Какую угодно игру вашему превосходи-
тельству? — спросил Статковский.

— Да начнем с польского банчка. Игра эта
теперь очень распространена в игорных до-
мах.

— О, то есть, то есть! — согласился с этим
исправившийся шулер.

Он попросил меня «срезать» колоду и обра-
тился к Путилину.

— Сейчас я буду метать. Кого угодно, чтобы вы бил — вас, ваше превосходительство, или пана доктора?

— Ну, хоть меня, что ли... А то доктор испугается, — рассмеялся Путилин.

— А может, бить вас вместе?

— И это можете?

— Сколько угодно. Я начинаю. Вы, ваше превосходительство, не возьмете ни одного удара.

Карты были даны.

— Бита! — произнес Путилин.

Новая сдача.

— Бита!

— А теперь хотите взять?

— Хочу. Раз, два, три.

— Дана!

Статковский торжественно поглядел на нас.

— То есть игра!

— Ловко! — вырвалось у Путилина. — Сколько способов, голубчик?

— О, очень много, ваше превосходительство: «по крапу», «по срезке», «по передергиванью», «по накладке».

— Ну, теперь объясняйте и демонстрируйте каждый отдельный способ и его приемы.

Началась целая лекция.

— В то время, когда вы режете, я делаю то-то... Когда я сдаю, то получается так...

— Ага, ага... А если так? — задавал вопросы Путилин.

— Тогда я делаю вот так. То вам ясно, ваше превосходительство?

— Повторите-ка еще раз, Статковский! Впрочем, дайте-ка карты теперь мне в руки. — И Путилин уселся метать.

Я ровно ничего, говоря откровенно, не понимал в этой карточной абракадабре.

Путилин начал игру.

— Так?

— А то ей-богу хорошо! Як Бога кохам, ваше превосходительство — удивительный человек! Так быстро усвоить...

— Что поделаешь, любезный пан Статковский, в нашем деле все надо знать.

— Бита?

— Бита!

— Дана?

— Дана!

— Помилуй Бог, если бы я не был начальником сыскной полиции, я мог бы, стало быть, сделаться недурным шулером?

— Без сомнения, ваше превосходительство! — с восторгом и искренним восхищением поглядел на своего ученика знаменитый маэстро.

Путилин расхохотался.

Урок длился еще часа два. С редким терпением и упорством добивался этот необыкновенный человек результата, необходимого для его планов.

— Ну, баста!.. Довольно! Спасибо, Статковский. Имейте в виду, вы можете мне понадобиться. Может быть, нам придется играть очень скоро вместе. Вас ведь забыли? Теперь не знают?

Статковский вспыхнул.

— Простите, голубчик... Я спрашиваю об этом для пользы моего дела.

— Нет, нет, меня никто не знает. Прошрое умерло. Теперешние же «мастера» знать меня не могут.

Когда мы остались одни, я спросил Путилина:

— Кто этот субъект?

— Знаменитый некогда шулер. Он попался мне в руки. Он на коленях клялся и умолял, что исправится, что больше никогда не будет заниматься своим позорным ремеслом. Я спас его. И он сдержал слово. Теперь он служит, у него уже взрослые дети.

— И не играет?

— Никогда. Даже в дурачка.

Мы распрощались.

— Я уведомяю тебя, лишь только случится что новое.

Личность самоубийцы опознана. Сибирский золотопромышленник и его свита

На другой день, не утерпев, я заехал к Путилину.

— Ну что, Иван Дмитриевич, нового ничего пока?

— Работаем, — неопределенно ответил он.

В то время, как мы болтали, Путилину доложили, что его желает видеть дама, госпожа Грушницкая.

— Попросите.

В кабинет вошла молодая, миловидная дама, отлично одетая. Она была очень взволнована. Лицо заплакано.

— Чем могу служить, сударыня? Садитесь, пожалуйста.

— У меня... у меня исчез муж. Я не обратила бы внимания на то обстоятельство, что он не ночевал ночь, но по городу ходят слухи, что вчера, кажется, у вас был найден труп самоубийцы. Я страшно встревожена, ваше превосходительство... У меня является ужасное предчувствие... Я бросилась к вам... ради бога, если что-нибудь вы знаете...

Путилин выразительно посмотрел на меня. Облако грусти легло на его прекрасное лицо.

— Вашего мужа звали... его имя начинается с буквы А?

Дама вздрогнула.

— А вы откуда это знаете? Да, его имя Александр. Александр Николаевич Грушницкий... Ради бога...

Путилина нервно передернуло.

— Успокойтесь, сударыня... Не надо волно-

ваться... Скажите, ваш муж любил играть?

— Да. Вы и это знаете? Стало быть... вы его знаете?

Дама в волнении вскочила с кресла.

— Ах, не мучьте меня, скажите скорее, он жив? Да? Этот самоубийца не он?

— Доктор, будь добр, приготовь, — быстро бросил Путилин.

Я понял, что это значит. Из аптечки, находящейся в кабинете моего друга, я вынул вальерьяновые капли и поспешно накапал их в рюмку с водой. О, сколько раз мне приходилось это делать здесь, в этом помещении, видевшем столько слез, обмороков, потрясающих сцен...

— Сударыня, вы так взволнованы... выпейте капель. Это — мой друг, доктор... Он вам приготовил.

Г-жа Грушницкая начала пить, но подавилась. Очевидно, истеричный шар уже подступил к горлу бедной женщины.

— Это почерк вашего мужа? — показал ей записку Путилин, закрывая последнюю строчку, где говорилось о намерении самоубийства.

— Да! — вскрикнула она.

И испуганно, жалобно-жалобно посмотрела на нас. Сколько ужаса, мук засветилось в этом взоре!

— Стало быть... стало быть... — пролепетала она и покачнулась.

— Увы, сударыня, будьте тверды, соберитесь с силами — ваш муж застрелился.

Я подхватил бедную молодую вдову.

Минутный обморок сменился жестокой, но и благодетельной истерикой. Я возился около нее, оказывая ей медицинскую помощь, а Путилин, не выносивший женских слез, нервно потирал виски.

— Эдакие сумасброды... этакое легкомыслие...

Спустя немного времени, давясь слезами, Грушницкая поведала нам грустную историю, разразившуюся для нее такой потрясающей катастрофой, как самоубийство мужа.

— Все проклятый картежный азарт... Это он погубил мужа.

— Он сильно и давно играл?

— Как он играл, вы можете судить по тому, что в течение полутора лет он спустил три

наших именина. Мы ведь были очень богатые...

— А теперь?

— Теперь не осталось ничего, буквально ничего, кроме долгов. Мы с пятилетней дочерью — нищие.

— А скажите, госпожа Грушницкая, про какие чужие деньги он упоминает в своей предсмертной записке? Вам известно это или нет?

Несчастливая женщина закрыла лицо руками.

— Боюсь думать, но предполагаю, что речь идет о деньгах сиротки Юлии Вышеславцевой, нашей очень отдаленной родственницы, девочки четырнадцати лет, опекуном которой он был назначен. О, какой ужас! К довершению всего — еще позор, преступление, запятнанное имя.

Путилин с искренним сочувствием смотрел на вдову.

— Вы не знаете, где играл ваш муж?

— Нет. Он никогда сам ничего не говорил мне об этом, а мне тяжело и противно было спрашивать.

— Ну-с, последний вопрос: на пальцах ва-

шего мужа были кольца?

— Да, он всегда носил кольца, но особенно не разлучался никогда с двумя: одно — большой кабошон-изумруд, другое — опал, осыпанный бриллиантами.

— Вот и все... Тело вашего супруга должно находиться теперь в анатомическом театре. Торопитесь туда.

Грушницкая опять зарыдала.

— Дайте мне ваш адрес. Может быть, я сумею что-нибудь сделать для вас...

— Чем вы можете теперь мне помочь, господин Путилин? — подняла бедняжка глаза, полные слез, на Путилина.

И вскоре вышла из кабинета.

Не успела еще закрыться за ней дверь, как в кабинет вошел Статковский.

— Ну? — быстро задал ему вопрос Путилин.

Экс-шулер уныло покачал головой.

— Очень мало утешительного, ваше превосходительство.

— А именно?

— Ходят слухи, что в Петербурге действительно находится «варшавский гастролер»

Сигизмунд Иосифович Прженецкий. Это король шулеров. Это звезда первой величины. Но где он пребывает, где играет, узнать об этом не удалось.

— Но его сообщники?

— Очевидно, он и от них держится в секрете. Як Бога кохам, он задумал один, без дележки, заработать десятки, сотни тысяч! Прошу верить, я с отвращением вошел в переговоры с несколькими мелкими «мастерами». В одном клубе я сразу заметил «чистую» игру такого господина. Я подошел к столу и сделал условный знак ему. Он побледнел и с испугом поглядел на меня. Кончив талию метки, он вызвал меня в другую комнату и спросил: «Наш?» — «Ваш», — ответил я. «А вот скажите, пан: где вы еще играете?» — «Больше нигде. Дела ничего не стоят». — «А как же говорят, что одного богача обыграли?» — «Не знаю. Може это пан-черт Прженецкий?»

Путилин расхохотался.

— Так и сказал: пан-черт?

— А то есть истина!

Путилин на секунду задумался, прошелся, потом круто остановился перед нами и ска-

зал:

— Ну, господа, прошу покорно в мою гардеробную!

В комнате, находившейся рядом с его служебным кабинетом, хранились знаменитые «путилинские чудеса» по части поразительных, волшебных превращений.

Несколько шкафов были сплошь набиты костюмами, одеяниями всевозможного характера.

Тут рядом с мантией антихриста висел костюм трубочиста; там бок о бок с блестящим мундиром гвардейского полковника красовались отрепья нищего. Какая живая панорама походов гениального сыщика!

Близ больших шкафов находились небольшие, со стеклами шкафчики, в которых были расположены парики, усы, бороды, накладки.

Два туалетных столика, на них все аксессуары грима: краски, пудра, белила, румяна, карандаши, щеточки...

Это была поистине удивительная лаборатория.

— Господа, позвольте мне теперь заняться вами.

— То есть как это? — удивился я.

— Очень просто. Ты и господин Статковский будете свитой сибирского золотопромышленника.

— А ты, Иван Дмитриевич? — вырвалось у меня.

— А я — им самим.

Какая поистине началась любопытнейшая работа! Исключительный талант Путилина по части метаморфоз сказался тут во всем блеске.

— Ты, доктор, будешь у меня плешивым во всю голову... Неудобно ли этот парик. Серые бакенбарды... Так, так... И толщину... И этот вот сюртук... И эти брюки...

Быстро, ловко, поразительно умело он преобразил меня.

— Ну-ка, полюбуйся на себя!

Когда я взглянул в зеркало, я не узнал сам себя: на меня глядел толстый, лысый старик.

— На бриллиантовую булавку... Вот перстни...

Затем он принялся за Статковского.

— Вас, голубчик, помолодить надо... Вас-то особенно. Вы ведь будете моим руководите-

лем. Поняли? Просвещать будете миллионера.

Появился широкий воротник с отворотами; яркий, цветной галстук бантом; вычурный жилет...

— Черт возьми, чем вы не франт первой руки! — Рассмеялся тихим, довольным смехом гениальный человек.

Мы оба с изумлением смотрели друг на друга.

— Да неужто это вы, пан доктор?

— Да неужто это вы, пан Статковский? — ответил я ему в тон.

— Ну а теперь позвольте мне заняться собой! — весело проговорил Путилин. — Господа, идите в кабинет, я сейчас туда приду.

Прошло минут двадцать.

— Скажете, пожалуйста, господа, могу я видеть его превосходительство, господина Путилина? — раздался чей-то хриплый бас.

Мы обернулись.

На пороге кабинета стоял коренастый господин с черными волосами, густыми длинными бакенбардами «котлеткой», с одутловатым лицом. Видимо, он не дурак был выпить.

Одет был новый посетитель в коричневый фрак, белый жилет, белый галстук. Чудовищно толстая золотая цепь колыхалась на животе его.

— Мне-с по экстренному делу! — продолжал оригинальный гость.

— Войдите, господин Путилин сейчас будет здесь, — ответил я.

— А как же это ты, доктор, в моем кабинете, без моего разрешения посетителей принимаешь? — расхохотался господин в коричневом фраке.

Я только руками развел.

Это был Путилин.

Тайное капище Ваала

К каменному особняку, находящемуся в Гусевом переулке, в то время не столь еще застроенному, как ныне, в довольно поздний ночной час подходили разные фигуры.

Если посмотреть с улицы, то дом казался или необитаемым, или спящим. Ни полоски света! Ни звука, ни шороха, ни проблеска жизни!

Высокая массивная дубовая дверь хранила тайну странного обиталища неведомых существ.

Фигуры (были мужчины и женщины) подходили большей частью поодиночке к таинственным дверям и после какого-то условного стука исчезали в недрах распахнувшейся двери, которая затем так же быстро захлопывалась.

Но если дом снаружи не подавал ни малейшего признака жизни, зато внутри он кипел, шумел, волновался. Более разительного контраста трудно представить себе.

Целый ряд комнат, убранных с кричащей роскошью дурного тона, были залиты светом

канделябров, люстр и стенных бра.

Комнаты были переполнены гостями, одетыми элегантно и принадлежащими, очевидно, к хорошему кругу общества.

Правда, среди дам резко бросались в глаза разодетые чересчур ярко фигуры дорогих камелий — кокоток, но это трогательное слияние, по-видимому, не особенно шокировало чопорных петербургских матрон.

Да и не до того им было.

Во всех комнатах стояли карточные ломберные столы, на которых шла бешено азартная игра.

Это было настоящее капище грозного бога Ваала.

Возгласы игроков заглушались шелестом бумажек, таинственно-мелодичным звоном золота.

«Бита!» — «Полторы тысячи?» — «Позвольте сначала получить...» — «Что же, вы мне не верите?» — «Господа, господа, не задерживайте талию...» Вокруг столов толпились зрители. Среди них были такие, которые уже успели все «спустить» и теперь с завистью и холодным отчаянием в воспаленных взорах

жадно глядели на чужую игру, на чужое золото. Лица играющих были бледны, возбуждены. Переход от радости выигрыша к ужасу проигрыша, надежда, разочарование, злоба, ненависть, бешенство — все это составляло пеструю, разнообразную гамму.

Весь воздух этого тайного капища, воздух, наполненный запахом духов, табачного дыма, косметики и острого разгоряченного пота, казалось, был пропитан «золотой пылью», патологическим безумием цинично откровенного азарта. И дышать было трудно, почти нечем.

Сердце билось тревожно, руки дрожали, кровь бешено бросалась в голову, мутя рассудок.

— Золото! Золото! — проносился таинственный, насмешливый голос незримого духа.

Кого тут только ни было!

Рядом с блестящими офицерами гвардии терлись субъекты неопределенной профессии, с великолепными манерами, но, может быть, с клеймом каторжников на спине; там, около молодых купеческих сынков, играю-

щих на деньги, захваченные из тятенькиных касс-выручек, вертелись «золотые мухи» Петербурга, золотящие свои крылья в притонах подобного рода; чиновники, проигрывающие свое скудное и жирное жалованье; биржевые артельщики; маклеры, «зайцы», альфонсы и даже служители искусств — актеры и актрисы.

Среди всей этой разношерстной толпы особенное внимание обращал на себя горбатый старый еврей с длинной седой бородой.

Он переходил от стола к столу, внимательно ко всему приглядываясь и прислушиваясь.

Почти с каждым гостем он перекидывался фразой, другой.

— Господин барон что-то грустен, не играет. Почему?

— Я проигрался, Гилевич.

— Так возьмите у меня немного. Завтра отдадите!

— О, непременно! Спасибо вам! Честное слово!

— Так вот, пожалуйста.

И отводя в сторону барона, незаметно со-вал ему в руку депозитку.

— А вы что, милая барынька? — обращался старик-еврей к даме с красными пятнами от волнения на лице.

— Увы, ничего не осталось.

— Так отчего же вы не хотите принять услуг этого вот старца? Он ведь безумно влюблен в вас.

— Господин Гилевич, вы забываетесь. Я — честная женщина, я не торгую собою...

— Пхе! Честная женщина... Но разве вы сделаетесь бесчестной от того, что у вас станет больше денег? Смотрите, как набит его бумажник, вот он его раскрывает, сколько там денег...

И взор честной женщины, помимо ее воли, приковывается к бумажнику того, кто давно уж точит свои гнилые зубы на ее молодое тело.

Этот вездесущий и всеведающий старик-еврей был хозяином тайного капища Ваала.

Прибытие золотопромышленника. Радость «польского магната»

Было около двенадцати часов ночи. Оживление во всех комнатах нарядного игорного притона было необычайное. Игра шла на всех столах. Почтенный хозяин, Гилевич, довольно потирал руки.

Он стоял у окна и вел тихий разговор с высоким худощавым господином типично польского облика. Темные, распушенные усы, маленькие бакенбарды на щеках, широкий воротник, большой галстук бантом, светло-клетчатые брюки и масса сверкающих камней на пальцах рук.

Что-то бесконечно хищное вспыхивало, сверкало в его больших глазах.

— Итак, ваше сиятельство, вы сегодня не играете? — спросил старик еврей.

— Не стоит, ваша светлость, — усмехнулся тот.

— А почему, Прженецкий?

— Игра мелкая, Гилевич. Не стоит рук мартать.

— Еще бы! Поели такого огромного куша,

который ты схватил на днях...

— Кажется, ты получил из него свою долю с лихвой?

Старик еврей прищурился.

— Но эта «лихва» пришлась мне за огромный риск доставить труп застрелившегося Грушницкого в гости. Ха-ха-ха! К самому дьяволу — Путилину. Видный малый! Он, наверное, не предполагал, что после смерти его душа попадет в пекло... сыскного ада, к Вельзевулу!..

На пороге комнаты появилась группа из трех лиц. Впереди стоял коренастый человек в коричневом фраке и белом жилете.

— Кто это? — тихо шепнул Прженецкий, гениальный шулер, Гилевичу, показывая глазами на вновь прибывших.

Гилевич удивленно ответил:

— Я сам не знаю. Эти субъекты в первый раз у нас.

И он с вкрадчивой, ласковой улыбкой на губах направился к необычным гостям.

— Извольте быть в первый раз у нас?

— Вот-те на! Конечно, в первый раз, милый человек! — трубной октавой загремел ко-

ричневый фрак. — Как же я мог быть у тебя раньше, когда я только что прибыл с моих золотых приисков, из Сибири?

И он расхохотался так, что играющие неподалеку вздрогнули.

— Золотопромышленник, владелец Атканских золотых промыслов, слышал, может? Рухлов Степан Федулывч. А ты, мил человек, кто будешь?

— Я-с? Я-с, господин Рухлов, Гилевич Абрам Моисеевич. Я владелец этого помещения.

— Этой вертушки? Ну, будем здоровы!

И «коричневый фрак» — это был, как вы уже можете догадаться, Путилин — протянул старику еврею свою руку.

— А... а скажите, пожалуйста, достоуважаемый господин Рухлов, как вам удалось попасть сюда, к нам?

Глаза содержателя игорного притона — «мельницы» пытливо впились в глаза лжезолотопромышленника — гениального сыщика.

— Это ты, стало быть, насчет пароля твоего? — А-ха-ха-ха! — опять громовым голосом расхохотался Путилин. — Скажи, пожалуйста,

какая мудреная штука: да нечто мало людей знают, что на вопрос: «Кто идет?» надобно отвечать: «Крылья машут!» Э, миляга, у нас, в Иркутске, тоже немало таких мельниц понастроено. Играть-то мы любим, штуки все эти отлично понимаем. И для того, чтобы, значит, попасть к тебе на игру, вовсе не надо быть Путилиным.

Я увидел, как при этом слове вздрогнули и еврей, содержатель притона, и господин с польской наружностью, стоящий неподалеку от нас.

Признаться, вздрогнул и я. «Путилин!» — он произносит здесь, в этом страшном притоне, где всякие преступления возможны, свое имя! Что за поразительная смелость, что за безумная бравада, что за непоколебимая вера в свой талант, в свой гений!» — молнией пронеслось у меня в голове.

— Хе-хе-хе, — принужденно рассмеялся старый еврей. — И вы про Путилина слышали? Ну, навряд ли он попадет сюда.

— Да и что ему тут делать? Здесь, чай, народ не грабят. А? — добродушно расхохотался Путилин.

— Помилуйте-с, как можно. Здесь игра благородная, обмана не бывает.

— А только я думаю, что игра-то у вас мелкая, игрочишки, поди, вы все больше, а не игроки. Вот у нас, в Иркутске, игроки настоящие, крупные. Я, признаться, мелкой-то игры не обожаю.

— Бывает и у нас игра на сотни тысяч, — усмехнулся содержатель игорного притона.

— Ого! Это вот по-нашему! — крикнул «золотопромышленник» — Путилин. — Ну-с, свиту мою дозволю тебе представить: это вот главноуправляющий мой, а это — ха-ха-ха — милый человек, пан Выбрановский. Обязательный человек, все чудеса столичные показывает мне.

Во все время этого разговора с нас не спускал глаз «великий» шулер Прженецкий. Очевидно, он жадно ловил каждое слово сибирского миллионера и лицо его принимало все более и более довольное, радостное выражение.

— Может, хорошего игрочка подберешь, господин Гилевич? — продолжал Путилин. — Любопытно поглядеть, как играют у вас в Пи-

тере.

Оригинальная внешность Путилина, «нового» посетителя, его грубый раскатистый смех, его толстенная золотая цепь и, наконец, то обстоятельство, что его сопровождает свита, — все это невольно возбудило любопытство у постоянных аборигенов сего тайного игорного притона.

На нас глядели игроки и игрицы со всех столов, на секунду-другую забыв про карты.

— Кто это такой?

— Не знаю. В первый раз вижу.

— Экое сытое животное! — с досадой и завистью прошептал один проигравшийся офицер другому.

Особенно волновались дамы. Они хищно оглядывали фигуру сибирского миллионера, очаровательно улыбались накрашенными губами.

Да, наше появление произвело известную сенсацию в тайном капище бога Ваала.

Игра начинается. Кто кого?

— Ну, милый человек, столик бы нам... Да нельзя ли горло холоденьким промочить? — обратился Путилин к старому еврею. Гилевич суетился.

— Сейчас, сейчас, уважаемый господин Рухлов. Все будет устроено. А пока позвольте представить вам нашего почетного, знатного, богатого гостя-посетителя графа Конрада Тышкевича. — И тихо, вкрадчиво, льстиво добавил: — Такому знаменитому гостю, как вы, господин Рухлов, и партнеров надо подбирать под масть, хе-хе-хе, под пару.

— Это ты правильно! — самодовольно хлопнул себя по животу сибирский миллионер — Путилин.

Перед ним несколько высокомерно, но вместе с тем и предупредительно-любезно стоял, слегка склонив голову, «граф Тышкевич».

— Граф Конрад Тышкевич.

— А я-с, ваше сиятельство, Рухлов. Рухлов Степан Федулыч, сибирский золотопромышленник.

Оба обменялись рукопожатиями.

— Считаю за удовольствие сделать знакомство с вами, — учтиво произнес «граф» польским оборотом речи.

Концы губ Путилина дрогнули от еле заметной усмешки.

— Весьма-с польщен и я! — ответил гениальный сыщик.

Путилин представил и меня.

Польский магнат осчастливил меня благосклонным взглядом.

— Приятно-с.

— Господа, все готово. Если угодно, можете приступить к игре, — низко склонился старый еврей.

— Что же, побалуемся! — крикнул Путилин. — А, граф? Идет?

— С величайшим удовольствием. А кто же еще играть будет?

— Вы, я, мой управляющий. А его, кстати, — ха-ха-ха! — надо бы пощипать! Скуп ты больно, Иван Николаевич! Порастряси, порастряси десяточек тышченок, не убудет! А то неравно еще мой прииск у меня же купишь!

«Граф Тышкевич» уже гораздо приветли-

вее и нежнее поглядел на меня.

— А еще кто? — спросил великий шулер.

— Да вот милый сей пан Выбрановский. Он поменьше, мы побольше подсыпим! А заодно, пан, ты уж помоги мне играть и насчет, значит, денежных расчетов имей за меня наблюдение. Не люблю я, признаться, этой путолки! У меня в Иркутске, при моей особе всегда состоит адъютант, когда я играю, ха-ха-ха!

Громовой хохот сибирского миллионера опять заставил вздрогнуть многих игроков.

— Эк, как его пробирает! — раздался откуда-то недовольный возглас.

— Во что?

— Это играть-то будем?

— Да-с, *monsieur* Рухлов, — ответил польский магнат.

— А по мне все едино, лишь бы весело было. Что ж, из уважения к Польше и к вам, ваше сиятельство, может, перекинемся в банк?

— Отлично, отлично, — потер руки «граф».

Путилин сел напротив него, я — против Статковского.

— Ну что, трусишь, Иван Николаевич? — обратился ко мне Путилин. У меня чуть не со-

рвалось с уст: «Иван Дмитриевич!» Великий Боже, что наделал бы я! А трусить я действительно трусил: парик мой, положительно, не давал мне покоя.

— Ну, кто-то кого! — стукнул Путилин ладонью по столу и вынул чудовищно толстый бумажник.

Шах и мат. на волосок от смерти

«Граф» взял в руки нераспечатанную колоду карт.

— Какие у вас, ваше сиятельство, прекрасные кольца! — воскликнул сибирский миллионер — Путилин.

«Граф» нервно улыбнулся:

— Да, недурные, господин Рухлов. А какие же вам особенно нравятся из них?

— Вот эти: изумруд-кабошон и опал с бриллиантами. Эх, сибиряк я, знаю толк в камнях! Чудесные камни, отменная игра!

«Графа» передернуло.

— Так... так кто же заложит банк? — обратился он к Путилину.

— У нас в Иркутске на этот счет существует такое правило: у кого из играющих туз бу-

бен — тому и метать.

— Отлично.

Поддельный граф, великий шулер, с треском распечатал колоду.

— Проверим, правильная ли колода, все ли карты?

— Так, ведь, она запечатанная, новая! — притворно наивно воскликнул Путилин.

— Мало ли что бывает... Случается, что и в запечатанной не все обстоит благополучно. Лишняя попадетса или недочуватка, — любезно пояснил «граф Тышкевич». Он, держа карты рубашкой книзу, быстро, ловко стал их пересчитывать.

Я заметил, что Путилин и Статковский, в особенности последний, не спускают взгляда с его рук.

— Так, все правильно. Ну, теперь кому придется туз бубен?

«Граф» начал сдавать карты. Туз бубен пришелся ему.

— Ловко! Везет вам напередки, ваше сиятельство, — усмехнулся Путилин.

— Ну, знаете, заложить банк — еще не значит выиграть.

— Это вы верно! А как, примерно, сколько в банке будет?

«Граф Тышкевич» на секунду задумался. Затем, вынув из бокового кармана пачку крупных депозиток, он с горделивым апломбом бросил:

— Тридцать тысяч!

— Только-то? — пробурлил с легкой насмешкой Путилин. — У нас в Иркутске крупнее закладывают.

«Граф» вспыхнул.

— Если угодно, я могу добавить еще, — и бросил на стол вторую пачку. — Ровно пятьдесят.

Игра началась.

— Карту, тысяча! — объявил Путилин.

— Ого, что так мало? — усмехнулся в свою очередь «граф».

— А у меня, видите ли, ваше сиятельство, правило такое: пять раз подряд я ставлю по тысяче, а потом — по банку. Меня так уж и знают в Иркутске.

— Дана! — любезно улыбнулся великий шулер.

Пан Выбрановский, сиречь Статковский,

не сводил пристального взора с рук «графа».

— Еще угодно получить тысячу? — спросил тот.

Путилин посмотрел на Статковского.

— Как думаешь, пан Выбрановский?

Статковский, я это заметил, схватился за галстук и поправил его.

— Поставить нечто побольше? А? На твое счастье?

— Как угодно ясновельможному пану Рухлову. Вместо тысячи отчего не взять две, если улыбнется счастье...

«Граф» выжидательно глядел на сибирского миллионера.

— Ну так вот что: по банку! — вдруг грянул Путилин.

Великий шулер, застигнутый врасплох, вздрогнул и побледнел.

— А ваше... правило пять раз по тысяче? — пролепетал он.

— Передумал. Прошу метать.

Последний раз задрожала колода в руках мошенника.

Путилин положил руку с толстым, раскрытым бумажником на две пачки банка. Я зата-

ил дыхание.

— Дана! — крикнул Статковский.

Путилин моментально придвинул к себе деньги.

Лицо «графа Тышкевича» стало белее мела.

Недоумение, бешенство, испуг отразились на нем. Он силился улыбнуться, чтобы замаскировать свое страшное волнение, но из этого ничего не выходило.

— Простите, ваше сиятельство, сорвал! Сам не думал. Ожидал отдать, — насмешливо проговорил Путилин.

— Что делать... ваше счастье, — хрипло вырвалось у шулера. Он встал. — Виноват, на одну секунду я вас покину.

— Пожалуйста, пожалуйста, — усмехнулся Путилин.

— «Граф Тышкевич» — Прженецкий поймал Гилевича в передней.

— Кто эти люди, с которыми ты, старый пес, меня усадил? — бешеным, свистящим шепотом начал он, хватая еврея рукой за грудь.

— Что с тобой? Ты с ума сошел?

— Нет, я — не сошел, а ты — сошел с ума, негодяй. Знаешь ли ты, что я проиграл пятьдесят тысяч?

— Ты?!

— Да, я!

— Но как же это могло случиться?! — пролепетал пораженный содержатель игорного притона.

— А черт его знает! Я подготовил колоду на четыре удара, раз — дано, раз — бито, дабы на первых порах не смущать этого золотопромышленника. А между тем на втором ударе я отдал весь банк.

— Кто срезал?

— Этот каналья, пан Выбрановский. Я теряю голову... Уж не на своих ли мы напали?

«Графа» всего колотило.

— Но, честное слово, если это так, им солоно придется! — прохрипел он, вынимая и быстро осматривая револьвер.

— Что ты задумал?! Сохрани тебя Бог! Это ведь будет скандал... Мы погибнем. Черт с нами, с деньгами. Мы больше заработаем от нашей мельницы.

— В таком случае, давай деньги. Я должен

отыграть пятьдесят тысяч...

— Сколько?

— Тысяч тридцать. Хватит.

Еврей схватился за голову.

— Ой, не могу столько, не могу!

— В таком случае...

И блестящее дуло револьвера вновь блеснуло перед глазами негодяя-сообщника.

— Ну-ну, не надо... спрячь... На вот, бери...

«Граф» вернулся к столу.

— Теперь кому метать? — спросил он.

— Опять по бубновому тузу, — ответил Путилин.

Колода карт была в руках Выбрановского.

— Давайте!

Туз бубен пришелся Выбрановскому.

— Сколько же вы заложите? — вызывающе спросил шулер.

— Двадцать пять тысяч, — ответил за Статковского Путилин.

— Ого! У этого господина столько денег?

— Он получил от меня половину выигрыша: я ведь играл ва-банк на его счастье.

И началось!

С замиранием сердца следил я за борьбой

двух «мастеров», двух гениальных артистов.

«Граф» не спускал глаз, в которых светилось нескрываемое бешенство, с Путилина и Статковского.

Статковский бил «польского магната» каждый раз. Лицо того становилось все страшнее и, наконец, яростный вопль прокатился по игорным залам мельницы:

— А-а, шулера?! Так вот же тебе, мерзавец!

Прежде чем я успел опомниться, «граф»

Прженецкий выхватил револьвер и выстрелил в Путилина.

Путилин предвидел возможность этого и отшатнулся. Пуля пролетала мимо виска и ударилась в картину.

Быстрее молнии он бросился с револьвером на знаменитого шулера и сильным ударом свалил его на пол.

— Берите его, берите Прженецкого! — громовым голосом загремел он.

Началась невообразимая паника. Все игроки, испуганные, с перекошенными лицами, бежали к нашему столу. С дамами сделались обмороки, истерики.

— Что такое? Что случилось?

— Защитите меня! — кричал великий шулер. — Этот человек и его приятели — шулера! Они обыграли меня!

Публика стала наступать на нас.

«А-а, так вот оно что... Бить их!»

— Назад! — крикнул Путилин. — Позвольте представиться: я не шулер, а начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции Путилин.

Все замерли, застыли. Старый еврей и Прженецкий стояли с перекошенными от ужаса лицами.

— Путилин?!

— К вашим услугам, господа. Не делайте попытки бежать, дом оцеплен. Да вот — не угодно ли.

В залу входил отряд сыскной и наружной полиции.

— Ну-с, Прженецкий и Гилевич, вы остроумно сделали, что доставили мне в сыскное ваш страшный подарок — труп застрелившегося в вашем вертепе Грушницкого. Я вам, по крайней мере, оплатил визитом. А хорошо я играл, Прженецкий?

— Дьявол! — прохрипел тот в бессильной

ярости.

Начался повальный осмотр всей мельницы и опрос всех присутствующих.

— Колечки снимете, граф Конрад Тышкевич, их надо отдать вдове того несчастного, которого вы гнусно довели до самоубийства, — сказал Путилин.

Так погибла знаменитая мельница в Гусевом переулке. Выигранные деньги благородный Путилин вручил вдове, г-же Грушницкой. Он спас ее с дочерью не только от нищеты, но и от позора: из шестидесяти девяти тысяч она внесла тридцать, растраченные ее мужем, как опекуном Юлии Вышеславцевой.

Как благодарила Грушницкая этого удивительного человека!

Пытка Ивана Грозного (IV)

Лютый помещик

Судьба забросила Путилина в имение его дальних родственников, Х., в Н-й губернии.

Я настойчиво советовал моему талантливейшему другу несколько отдохнуть после его непрерывных трудов.

— Друг мой, не будет ли это роскошью? — улыбался Путилин.

— Ты считаешь, Иван Дмитриевич, отдых роскошью?

— Что поделаешь... Я, как тебе известно, не принадлежу самому себе.

— Но ты рискуешь не принадлежать никому, кроме Нирване, если будешь так форсить своим здоровьем. Не лучше ли немного отдохнуть, собраться с силами?

Он внял моим увещаниям, и мы очутились в имении Х.

— Веди растительную жизнь. Пей молоко, собирай грибы, а главное — не думай!

Путилин усмехнулся.

— Так-таки ни о чем?

— Ни о чем. Я знаю, дорогой Иван Дмитриевич, твою непоседливость, ты и в мирно шумящих соснах готов видеть следы страшных преступлений.

— А ты, доктор, вполне убежден, что здесь, в этих окрестных поместьях, все благополучно?

— Да ни о каких разбоях не слышно. Вообще, ты можешь, мой знаменитый друг, хоть на короткое время забыть свою знаменитую «кривую»?

— «Знаменитый» и «знаменитую»... Гм... гм, — усмехнулся Путилин. — Ты говоришь это так уверенно...

Кормили нас как на убой. Цыплята, молодые двухнедельные барашки, жирные «полотки», всевозможные соленья, варения, настойки.

— Скучно, — сказал мне как-то великий сыщик.

— Почему? Посмотри, как дивно хорошо кругом. В огороде чудесный запах овощей: как пахнет укроп; какая завязь огурцов; как алеют и синеют головки мака. Какая красота

разлита во всем, повсюду!

— А кто знает, доктор, может быть, в этой благодатной природе кто-нибудь плачет, тоскует.

Мысль моя о мозговом переутомлении Путилина получила реальную окраску.

«Ну разумеется, он — переутомился. Ему во всем чудятся ужасы преступлений, злодейств».

На пятый или шестой день нашего пребывания в имении Зеленые лужки, принадлежащем Х., Путилин обратился ко мне:

— Итак, все спокойно?

— Все.

— И в этом ты твердо уверен?

— Полагаю. Думаю. Убежден.

— Подойди ко мне!

Я с живейшим любопытством подошел к моему великому другу.

— Смотри прямо!

Голос его зазвенел знакомой мне резкостью.

— Куда?

— Все прямо. Видишь ли ты там, вдали, красивую усадьбу, расположенную в лощине?

— Вижу.

— Ты не знаешь, кому она принадлежит?

— Откуда я могу это знать? Я первый раз в этой местности...

Я пристально, сильно заинтересованный, впился взором в эту усадьбу.

Большой белый каменный дом.

Он выдается из парка, густого, тенистого, которым, словно кольцом, охвачен.

— Это недалеко отсюда. Всего с полверсты. Прекрасно. Дом как дом. Усадьба как усадьба. Дальше-то что?

Гениальный сыщик чертил палкой по песку.

— Там, доктор, дьявол живет... — тихо про-
бормотал он.

— Как дьявол?

— Очень просто. Там живет лютый помещик...

— Почему «лютый», отчего ты называешь его дьяволом?

Я во все глаза глядел на знаменитого сыщика. А утро было на редкость хорошее: в воздухе немолчно звучала песнь птиц, к которой робко, несмело примешивался стук тра-

вяных кузнечиков.

— Тюи-тюи... Ку-у-ку! Ку-у-ку!.. Тюи-тюи..

— Ток-ток-ток... Чик-чик-чик. Природа справляла свой великолепный пир. Гимн ее несся к тому бездонному небу, где жаворонки купаются в синеве воздуха и где они так сладостно поют.

Путилин выпрямился.

— Слушай. Сегодня поутру ко мне пришел крестьянин этой проклятой усадьбы. Она принадлежит...

— Кому?

— Не догадываешься?

— Нет.

— Она принадлежит богатейшему дельцу из «потомственных русских дворян», наградившему деньги и решившемуся отдохнуть на «новой земле». Это Ехменьев — барин хоть куда. Он женат... Одна дочь от прежней жены в пруду утопилась.

— Но при чем же здесь ты, Иван Дмитриевич?

— Слухом земля полнится, доктор. Крестьянин — он арендует у барина хуторок один. Как его угораздило узнать, кто я, — не знаю,

знаю только, что он мне поведал историю. В лицах, в подлинных диалогах я ее изображу тебе...

— Батюшка, ваше превосходительство, спасите!

— Кого? Что? Почему?

— Лютый помещик живет у нас. Нас всех в кабалу взял. Ты ему и так, и этак работай.

— Кто же он?

— Ехменьев. И-и, зверь, одно слово! Шкуру дерет с человека.

— А чем же?

— А чем попало. Бьет мужика, который ему задолжался, а сам таково гневно кричит: «Будете с... с-ны... понимать теперь, как на волю стремиться?! Мы, божьей милости, отцов ваших на конюшне драли, а вы — о свободе возмечтали?! Бить вас! Всю дурь выбить из ваших хамьих костей».

— Да это еще что... Мы, значит, привыкли, чтобы нас били. А вот как он супружницу свою мучает.

— Ты, доктор, понимаешь, что я насторожился.

— Как же мучает он супругу свою? — спра-

шиваю его.

Ухмыляется он.

— Вот до чего ревнивый черт — не приведи Господи! Одно слово — зверь лютый! Не только к господам ревнует, к парню каждому. А барыня Евдокия Николаевна — хоро-о-шая барыня, не только лицом, а прямо, можно сказать, обхождением всем. Уж она, голубка, никого не обидит, никого без внимания не оставит. А он, постылый, мучениям ее преда-ет.

— Каким же таким мучениям?

— А вот на глазах ее бить, драть, сечь велит Ирод великий тех, значит, кого барыня любит. Держит ее, а сам кричит своим пала-чам: «Растяни, всыпь до последней кожи! Пусть полюбуется!» Сомлеет, это, барыня, дух в ей от жалости сопрется.

— Подлец ты, самый настоящий подлец! И что ты это делаешь? Ведь кровь их, мужиков, на тебе, проклятом, отольется!

Хохочет только лютый помещик.

— Жалко?

— За тебя стыдно...

Путилин в волнении прошелся по саду.

— Ты понимаешь теперь, что рассказал мне крестьянин?

— Понимаю, Иван Дмитриевич.

— И ты... ты полагаешь, что я могу оставить это дело без расследования? Я, стало быть, должен быть немым свидетелем того, как лютый помещик будет предавать мучениям, издевательствам всех, вплоть до своей горемычной жены?

Что я мог ответить благороднейшему человеку? Борьба во мне происходила: с одной стороны, мне дорого было его здоровье, с другой, — я чувствовал, что он глубоко прав. Разве не было необходимо расследовать и, главное, пресечь, зверства лютого помещика? Это был зверь, по-видимому.

Когда мы заканчивали наш разговор, к нам подошел высокий, рослый господин с толстым лицом, обрамленным густой каштановой бородой.

— Позвольте представиться: соседний помещик Евграф Игнатьевич Ехменьев.

И он протянул мне руку.

Как-то невольно я отшатнулся. Противно было пожимать руку подлецу.

Путилин выразительно поглядел на меня. Это был особенный, путилинский взгляд.

— Вы-с господин Ехменьев? — чрезвычайно ласково и любезно спросил гениальный сыщик, находившийся «на отдыхе».

— Я-с.

— Я очень, очень рад познакомиться с вами. Это доктор мой, ипохондрик, нелюдим.

Подходили члены семьи Х.

— Нашли нашего великого, непобедимого? — смеясь, спрашивал сам Х., обращаясь к Ехменьеву.

— Орла видно по полету! — расхохотался лютый помещик деланным смехом.

— А ястреба — по когтям?

И когда Путилин это произнес, Ехменьев вздрогнул.

— Почему вы называете меня ястребом, ваше превосходительство?

— Это я в ответ на ваше птичье сравнение, вы меня — орлом, я вас — ястребом.

— Тюи-тюи-тюи!..

— Чок-чок-чок!..

Прозрачной дымкой окутывается старинный барский сад. Пахнет левкоями, резедой,

настурциями.

Ночь, благодатная летняя ночь, полная особой, нежной прелести, уже спускает свой полог над полуспящим имением.

*В кустах прибрежных влюбленно
Перекликались соловьи...
Я близ тебя стоял смущенный
Томимый трепетом любви...*

Из окна барского дома, где все полно стародворянскими традициями, доносятся аккорды рояля.

И эту прелестную песнь весне поет милый, нежный, серебристый голос.

Путилин подошел вплотную к Ехменьеву.

— Я влюблен в вашу усадьбу. Как мне хотелось бы осмотреть ее поближе.

Ехменьев — это была еле уловимая секунда — пристально поглядел в глаза знаменитому отдыхающему сыщику и насмешливо ответил:

— Мой дом к вашим услугам, Иван Дмитриевич.

— Спасибо! Ваша роца мне так нравится... И эти огни... И эта чудесная дорога...

«Врешь!.. Не того добиваешься...» — донес-

лось до меня бормотание соседа-помещика Х.

Я поспешил сообщить это моему благородному другу.

— Смотри, Иван Дмитриевич, ты раскрыл карты.

Путилин, прислушиваясь к пению какой-то ночной птицы, как бы рассеянно ответил мне:

— Мы узнали друг друга.

— Как так? Ведь ты друг и родственник Х., он сам — помещик.

В друге и родственнике Х. он разгадал другого Путилина. Того Путилина, который до сих пор старался по мере сил и возможностей приносить пользу униженным, оскорбленным, истерзанным. Итак, борьба объявлена. Посмотрим, кто кого победит.

«Лесной царь». «Эй, ловчего сюда!»

Окутанный дымкой лесного тумана, стоит заповедный лес. Спит он своим заколдованным сном. Лишь изредка его сон нарушают резкие звуки... О, не шутите с ними: это особенные звуки, звуки ночи!.. Прокричит птица, раздастся шелест чьих-то огромных крыльев, кто-то как будто заплачет, кто-то засмеется...

*Ой ты, Лада, Лада,
Заповедный лес!..*

Темнее тучи мчится Ехменьев к усадьбе:

«Кто выдал? Кто, проклятый? Этому я бы кол осиновый в глотку забил! Учужал... разнюхал... Ведь он — не человек, а черт. Кто еще его борол?..» Хлещут ветки всадника Ехменьева, словно Авессолома, по лицу.

«Убью! Шкуру спущу. Только бы добиться, только бы вызнать!»

Гневен, лютен прискакал он к усадьбе.

А его, конечно, уже ждут. Уже стоят, выстроившись, те рабы — «худые людишки», которые под ударами плетей готовы целовать

его загаженные стремяна. И он прошел в свой барский дом (ибо барство свое он почитал только по записи в шестую бархатную дворянскую книгу).

И когда он вошел, то крикнул:

— Эй, ловчего Сергуньку сюда!

Несколько минут прошло.

И вырос перед барином «холоп верный».

— Где жена? — заскрипел зубами Ехменьев.

— В опочивальне своей.

У Ехменьева было принято выражаться по-старинному с соблюдением стиля и колорита чуть ли не Домостроя.

— Скажи ей, туда иду. К ней. Пусть приготовится. Меня жди!

А сам думушку думает.

«Неужели? Да неужели?»

Вот и она, эта красивая, большая спальня.

Навстречу Ехменьеву робко поднялась молодая красивая женщина, жена его.

С ненавистью во взоре встретила она грозного мужа-палача.

— Здраваться вам не угодно? — Говорит, а сам кривится от бешенства.

— Мы виделись уже с вами, — сухо ответила Ехменьева.

— Так-с... А вот спросить мне надо вас кое о чем.

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Скажите, это вы изволили пожаловаться на меня знаменитому Путилину?

— Что такое?

— То, что слышите.

— Какому Путилину? Я даже не знаю, кто это такой.

— Будто бы? Так, стало быть, не вы? Вы никого не послали к нему в имение Х.?

— Вы или пьяны, или с ума сошли! — негодуяще-гневно вырвалось у нее.

— Хорошо-с... Мы еще побеседуем с вами.

Лютый помещик вышел и прошел на свою половину.

— Сергунька! Меду стоялого, живо!

Любимый ловчий, как верный пес, зардовался.

Он знает, что если дело начинается с меду, то быть великой потехе-попойке.

И радуется этому лукавый, кровожадный раб, прошедший всю ехменьевскую науку, ох

страшна она, эта наука!

— Слушай, Сергунька! Слушай меня внимательно. Надо нам с делом одним покончить.

— С каким-с?.. — рабски склоняется ловчий.

— Не догадываешься?.. А?..

Грозен голос, да и ответ страшен. Знает он, о чем речь ведет Ехменьев... Ну конечно, о барыне... Не в первый раз заводит об этом разговор он. А только жуть берет, робость, страх.

«Страшное ведь дело... И в ответе, случись что, ты первый будешь».

— Слушай же, Сергунька. Жил-был царь Иван Васильевич Грозный, — начал Ехменьев, отхлебывая мед стоялый из золотого кубка. — И грозен он, правда, был, но и велик... Так вот, однажды пришла ему на ум мысль: можно ли убить человека так, чтобы следов насильственности не было? Думал он, думал... Надоели ему обычные казни: и смола, и олово, и печь огненная... И придумал он особенную пытку... Запытаешь человека, умрет он, а следов никаких не видно.

— Какая же такая казнь, пытка эта? —

спросил любимец помещика-палача.

— А удумай! Ну-ка?

Отрицательно покачал головой ловчий:

— Где же мне, глупому, задачу такую мудреную решить...

Задумался на секунду Ехменьев.

— Девок или баб наших, Сергунька, многих знаешь?

Усмехнулся противной, развращенной улыбкой Сергунька.

— Есть тот грех, благодетель...

— Кто из них чего особенно боится? Не знаешь?

Невдомек ловчему-любимцу, о чем спрашивает барин.

— К-ха, — усмехнулся он. — Мало ли чего они боятся.

— Ну, а...

И склонив свое барское лицо к лицу своего верного холопа, Ехменьев начал ему что-то подробно объяснять.

— Боятся?

— Ох, как еще благодетель!..

— А кто особенно боится?

Хихикает опять ловчий, верный участник

барских оргий.

— Да Варвара...

— Девка? Молодуха?

— Молодуха.

— Ну так вот что, Сергунька: сегодня ночью мы устроим пробу. Понял?

— Как не понять...

— Доставь ее. Скажи, барин требует. Жалко тебе ее?

— Да я... Господи... для вас-то!

В доме Ехменьева есть одна заповедная комната. В этой комнате всегда происходили оргии. Это были такие попойки, от которых волосы становились дыбом. То, что проделывал тут Евграф Игнатьевич Ехменьев, превышало всякое вероятие. Но все это, под страхом смертельных мук, хранилось в глубокой тайне.

Сюда-то, в эту мрачную комнату-застенок, должен был привести ловчий Сергунька Варвару.

Пошел он звать ее, а самого сомнение, тоска берут:

«Для чего это он Варвару зовет? Нетто интересна она ему? Про какую такую «пробу»

диковинную говорил он сейчас?»

Взбеленилась Варвара, голосом взвыла:

— Злодей, злодей ты! К чему же ты сам-то меня на поругание ведешь к зверю нашему? Есть ли крест на вороту у тебя?

Неловко, нехорошо ловчему.

— Да ты, слышь, дура, не бойся. Он не тронет тебя... Поспросить тебя о чем-то хочет.

И около часу ночи приволок ее насильно в знакомую ехменьевцам комнату.

Упиралась она, плакала, а «милый» ее — Сергунька — подталкивал:

— Говорю тебе, не бойся ничего! Дура!

— Зачем же тогда? Охо-хо-хо!

— А про то от барина узнаешь.

«Проба» лютого помещика. Объяснение с женой

В красной шелковой косоворотке сидит на высоком сафьяновом кресле зверь-человек. Ехменьев уже пьян.

— Ну, привел?

— Привел, благодетель.

Жарко в комнате барина. Так жарко, что дух спирает. А ему, барину, нипочем. Смеется, хохочет отвратительным смехом.

«Га! Меня перехитрить задумал, славный господин Путилин! Врешь, сыскная приказная строка! Я тебя перехитрю! Хитер ты, а я тебе нос утру!»

Бормочет, радуется.

— Помнишь план мой, указ, Сергунька?

— Помню.

Молчание.

— Скажи же мне, поклянись страшной вековечной клятвой: правда то, что ты видел, как супруга моя, Евдокия Николаевна, с братом управляющего моего целовалась?

Спрашивает, а у самого пена изо рта показывается.

— Правда.

— Видел?

— Видел.

— Клянешься?

И, встав с кресла, подошел к ловчему. Сгреб его рукой за шиворот, грудь ходуном ходит.

— Клянусь, батюшка-благодетель, Евграф Игнатьевич.

— Проклятая! Ну так слушай, Сергунька: душу из нее измотаю, жилу по жиле вытяну... Нашел я «место» ее больное, хуже ножа острого будет. Эй, веди сюда Варвару, устрой ты мне над ней пробу. Озолочу!

— Неужто до смерти? А тогда...

— Ответа боишься? Разве меня не знаешь? Разве мало мы с тобой концов в воду схоронили?

И послышался глухой-глухой голос ловчего:

— За что бы... жалко... В чем провинилась...

— Ну хорошо. Тебя любя, позволяю не до смерти. Пойми ты, важно мне проверку сделать.

Ловчий на минуту скрылся.

И вдруг, очень скоро, в загульной комнате появилась совершенно раздетая Варвара.

Ужас, страх кривит лицо красивой молодой.

— А ну-ка ее пыткой Ивана Грозного! — иступленно заревел Ехменьев. И даже в ладоши забил.

Бросился к Варваре ловчий Сергунька.

— Ай-ай! Что ты делаешь?! Ох, не могу, ох, оставь!

Безумно страшный крик прокатился по жаркой комнате.

А что же делал ловчий Сергунька?

Да ничего страшного: просто щекотал бедную женщину.

— Так-так! Возьми ее под бока! Еще, еще!

И послушный велению своего барина, раб продолжал свою «заплечную» работу.

Сначала ему было неприятно, тяжело: ведь он любил эту молодую женщину. За что он ее мучает? Но мало-помалу зверь, проклятый, постыдный зверь, живущий в душе каждого палача, хотя бы и подневольного, стал просыпаться в этом детище тьмы, вековой рос-

сийской власти тьмы.

Теперь он уже с остервенением истязал «особой» пыткой свою милую...

— Стой! Стой! Не вывернешься!

— Хорошенько ее, хорошенько!

Лицо Ехменьева выражало непередаваемое наслаждение.

— Ай! Ай! Господи! — дико вскрикивала несчастная пытаемая, стараясь вырваться из рук палача. — Сергей... ой, пусти!

Но Сергей ее не отпускал.

Он щекотал ее подмышки, бока. Один сплошной, непрекращающийся крик повис в комнате. Лицо молодой женщины посинело. Глаза почти вылезли из орбит, на губах проступила пена.

Теперь уже весь огромный ехменьевский дом наполнен криками:

— Спасите! Спасите!

Дрожит челядь. Бледнеет. Как ни привычна она к таким крикам, все же жуткость ее берет.

Кончилась «проба».

Полумертвым пластом, с еле заметными признаками жизни лежит Варвара.

— Молодец, Сергунька, хорошо сработал! — доволен зверь Ехменьев.

Пьяной, покачивающейся походкой отправился он к жене.

Дверь спальни заперта.

— Открой! — гневно крикнул он.

— Ни за что! — послышался ответ Евдокии Николаевны.

— Открой, говорю! Хуже будет! Эй, не дразни меня!

— Хуже того, что есть, не может быть, изверг, палач.

Ехменьев начал ломиться в дверь, стараясь сорвать ее с петель. Но крепка дубовая дверь, не поддается.

— Ты, может быть, с любовником своим там милуешься? А? Которого целовала.

— Может быть...

— Убью!..

И опять бешеные удары в дверь.

— Знаю я тебя, тихоню. Богу молишься? За всех — великая заступница? А, чтоб тебя!

Выпитое в огромном количестве вино дало о себе знать: Ехменьев пошатнулся и грянулся тут же у дверей. Верный ловчий потащил

его за ноги, как тушу.

А Евдокия Николаевна действительно молилась. Стоя на коленях перед образами, озаряемыми кротким сиянием лампад, вся в слезах, она шептала жаркие слова молитвы:

— Господи! Ты видишь мучения людей, поругаемых этим зверем... Ты всемогущ. Яви же свою великую милость, укроти его, спаси неповинных от лютости его... Страшно мне руки накладывать на себя, ибо грех это большой. Но если ты, Господи, не желаешь этого, прибери лучше меня!

И долго-долго молится горемычная жена лютого помещика. Скоро ли явится благодарный сон? Скоро ли он успокоит страдальницу?

Приятель «доносчика»

В то время, как происходило все это в барском доме, в крохотном «хуторке» крестьянина-доносчика робко мигал огонек.

За столом рядом с «доносчиком» Бесчастным сидел высокий старик-крестьянин. Большая седая борода, загорелое лицо.

— Да неужто это вы взаправду, ваше превосходительство? — в глубоком удивлении восклицал Бесчастный.

— Как видишь, любезный Егор Тимофеич.

— Как же это так? Ведь личина-то другая?

Для темного хуторянина чудесное превращение Путилина казалось необъяснимой загадкой.

— В своем виде, как сам ты понимаешь, опасно было сюда прийти. Увидеть могут, ему донесут, и все дело пропало. Вот и одел личину, вырядился.

— Ловко! — тоном искреннего восхищения вырвалось у Бесчастнова.

— Отчего же вы не жалуетесь на дикости и безобразия Ехменьева?

— Кому, ваше прев...

— Зови меня, Егор Тимофеич, просто Иваном Дмитриевичем, — хлопнул Путилин симпатичного хуторянина по плечу. — Длинно больно «превосходительство» выговаривать.

— Помилуйте-с, как можно-с...

— Прошу тебя. Слышишь? Так почему, говорю, не жаловались? Ты вот спрашиваешь: кому? Да начальству ближайшему.

— Эх, барин хороший.

Махнул рукой Бесчастный, досадливо, насмешливо.

— Начальству... Да что толку из этого выйдет, коли само начальство наше дружит с ним? Вместе в карты режутся, вместе попойки устраивают. Коли жалиться, одно только выйдет: и барин шкуру спустит, да и господа в кокардах в морду залезут.

— Не знаешь ты, Егор Тимофеич, за что он на жену свою так взъелся?

— Слышал... Бают, будто приревновал ее к брату управляющего. А только грех это. Не такая Евдокия Николаевна. Ангел, одно слово, святая барыня.

Путилин посмотрел на часы и встал.

— Что же, пойдём, Егор Тимофеич.

— Куда, барин хороший?

— Да туда, к барскому дому. Ты дорогу лучше знаешь. Проведи меня.

— А для чего-то?

— Хочу, голубчик, поближе все рассмотреть.

Они вышли.

Ночь была на редкость темная. словно черным саваном окутала она ехменьевское имение. Идти пришлось недолго.

Скоро в ночной тьме засверкали огоньки помещичьего дома. И вдруг, один за другим, пронеслись в тишине ночи страшные, отчаянные крики.

Как вкопанные, остановились хуторянин и Путилин.

— Свят, свят, свят! Господи Иисусе! Слышите, барин?

Бесчастный в испуге даже схватил Путилина за руку.

— Слышу, голубчик. Это его, верно, работа?

— Его, проклятого... На ночной потехе забавляется.

— Изверг! Чудовище! О, с каким удовольствием я поймаю тебя! Идем!

— Ой, страшно, барин! — трясся Бесчастный.

Крики то затихали, то возобновлялись с прежней силой.

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Казалось, кричит человек, у которого вырывают все внутренности.

— Голос женский... Где происходят его «забавы», Егор Тимофеич?

— На половине его. Баят, в зале большом, со столовой рядом.

— Куда выходят окна этих комнат?

— В сад прямо, барин.

Они стояли около дома.

Послышалось грозное рычание собак.

— Вот это скверно! Собаки нам не на руку. Во-первых, разорвать могут, а во-вторых, переполох вызовут.

— Не беспокойтесь, барин хороший. Они, почитай, все меня знают, потому частенько приходится у Ирода бывать. И Бесчастный тихо свистнул:

— Жучка! Барбос! Ралька!

С добродушным ворчанием подбежали огромные овчарки к своему знакомому, но

недружелюбно посматривая на Путилина.

— Со мной не тронут...

— Сад караулят?

— Нет. Кто сюда придет? Всякий подальше сторонится от лютого помещика.

Тихо крадучись, шел садом Путилин, направляясь к окнам, из-за которых продолжали нестись дикие возгласы, хохот, крики.

Окно было невысоко от земли.

Путилин приподнялся, заглянул в него. Оно было занавешено шторой, но оставалась узкая полоска. Долго глядел в нее гениальный сыщик.

— Ужасно! — вырвалось у него. — Первый раз в моей жизни я вижу подобное скотское озверение.

Так же тихо они пошли вон из сада.

У калитки Путилин остановился. Он был страшно взволнован.

— Скажи, Егор Тимофеич, как относится челядь к этому зверю?

— Как сказать? Одни, конечно, ненавидят его, другие обожают, потому он в пьяном виде любимчикам деньги так и швыряет. Верховодит всем ловчий его любимый, Сергунька.

Души не чаает в нем, Ирод проклятый.

— Но среди челяди есть же хоть кто-нибудь, кто любит, обожает барыню Евдокию Николаевну?

— Есть, барин. Девушка одна, сиротка, Наталья. Прислуживает она барыне, почитай что молится на нее.

Путилин задумался на минуту.

— Ну, так слушай меня внимательно, Егор Тимофеич. — И он начал что-то подробно ему объяснять.

«Спасите меня!» Два врага обедают

Тихо в роскошно убранных комнатах лютого помещика. Он сам после безумно пьяной, дикой потехи, спит мертвецким сном.

По коридору, уже освещенному светом утренней зари, тихо движутся две фигуры.

Одна из них — Путилин, другая — милостивая скромная девушка с бледным измученным лицом.

— Идите, ваше превосходительство, смелее, — звучит тихий, приятный голос.

— Половицы скрипят, голубушка.

— Не извольте тревожиться: никому этот

шум не помешает. Зверь наш так крепко спит, что хоть в барабаны бей, до утра поздно не разбудишь.

Девушка подошла к массивной дубовой двери.

— Обождите здесь, барин, я к барыне пройду, упрежу ее.

— Хорошо, хорошо...

Прошло добрых минут десять.

— Пожалуйте-с! — прозвучал тихий шепот девушки.

Путилин вошел в спальню несчастной барыни Евдокии Николаевны.

Навстречу ему сделала несколько шагов жена лютого помещика. Испуг, страх, недоумение лежали на ее красивом лице, истомленном непрерывными нравственными муками. Одетая она была наскоро в капот.

— Простите, — смущенно пролепетала она.

— Госпожа Ехменьева?

— Да.

— А я Путилин. Вы, бедная барынька, о таком не слыхали человеке?

— Нет... простите... Муж сегодня упоминал мне ваше имя.

— Что же он говорил?

— Он спрашивал, не я ли дала знать о том, что он творит здесь.

— Ага!.. Ну так слушайте. Я начальник Петербургской сыскной полиции, случайно очутившийся по соседству с вашим имением. Судьбе было угодно дать мне много случаев раскрытия темных, мрачных дел. Я узнал о вашем муже-тиране от Егора Тимофеича. Знаете такого?

Светлая, хорошая улыбка озарила лицо мученицы.

— Ах, Егор Тимофеич?! Знаю, знаю его! Славный, добрый мужик.

— И узнав обо всем, я решил, счел своей нравственной обязанностью помочь вам, сударыня. То, что рассказывали мне о безумных выходках вашего мужа, то, наконец, что я видел собственными глазами...

— Вы? Видели собственными глазами? Как же так? Каким образом вы могли видеть это?

— Я здесь уже около двух часов. Я видел в окне, что проделывал ваш муж.

Ехменьева закрыла лицо руками.

Она плакала, нудно, тяжело.

— Господи, Господи! Будет ли предел его жестокости? — И вдруг она, эта красивая, милая женщина-барыня грохнулась на колени перед Путилиным.

— Спасите меня от этого зверя! Спасите и многих других!

Растроганный, взволнованный Путилин бросился ее поднимать.

— Все усилия употреблю. Успокойтесь, голубушка... Бедная вы моя! Давайте говорить теперь о деле.

Преданная служанка Наталья утирала глаза передником.

— Вы предполагаете возможность покушения с его стороны на вашу жизнь?

— О, да! Он чуть не ежедневно твердит мне, что я ему опостылела святостью своей, что он убьет меня.

— Я слышал, что одной из причин является ревность? — Румянец залил щеки молодой женщины.

— Это гнусная клевета, клянусь вам, господин Путилин! — Сколько скорби, негодования, оскорбленного самолюбия зазвенело в голосе барыни Евдокии Николаевны!

— О, я вам верю, мое бедное дитя! Вы простите, что я вас так называю, я в отцы вам го- жусь.

Путилин нервно потер руки.

— Извольте видеть: то, что я видел сейчас в окне, не дает мне еще права арестовать ва- шего мужа. Хотя все это глубоко возмутитель- но, но... но это могут отнести к категории «невинных дворянско-помещичьих шало- стей». Поэтому мне нужны более веские ули- ки. Таковой могло бы служить его реальное, фактическое покушение на вашу жизнь.

Евдокия Николаевна побледнела.

— О! Что вы говорите? Ведь он тогда убьет меня. Вы не знаете его.

Путилин ласково взял ее за руку.

— Дитя мое, барынька моя хорошая, неужели вы думаете, что я, Путилин, поведу вас на убой? Доверьтесь мне. Повторяю, нам надо нанести ему решительный удар, а для этого необходимо вызвать с его стороны ре- шительные меры, иначе он выскользнет из наших рук. Слушайте же внимательно, что вы должны делать. Прежде всего спрятать ме- ня. Вы должны дать мне какой-нибудь укром-

ный уголок, хотя бы вроде чуланчика, куда бы никто не мог проникнуть. Найдется?

— Милая барыня, да вот рядом со спальней маленькая гардеробная ваша, — вмешалась Наташа.

— Вот, вот, отлично! — улыбнулся Путилин.

— А потом? — посмелела Евдокия Николаевна.

— А потом... у вас есть коленкор, красный кумач?

Удивление все больше и больше овладевало двумя женщинами.

— Есть.

— Видите ли, я приехал налегке, не захватив ровно ничего из своего «багажа сыскного отдела». Так вы мне соорудите мантию, длинную, с капюшоном, а посредине, на груди — крест из кумача изобразите. Понимаете?

— Понимаю, — говорит бедная барыня Евдокия Николаевна, а саму трясти начинает со страху.

— Сегодня к вечерку я наведуясь к вам.

— Как же вы попадете, добрый, дорогой господин Путилин?

С тревогой смотрят на гениального сыщика глаза бедной Евдокии Николаевны.

— Не беспокойтесь, попаду. А вы вот что, главное, помните: вы должны всячески раздражать, приводить в ярость вашего супруга.

— Зачем?

И опять смертельный страх в голосе молодой красавицы.

— Это уже мое дело. Старайтесь вызвать его на припадок того бешенства, которым он страдает. Лучше, если это случится при мне, чем без меня. Тогда ведь вас ничто не спасет. Знаете ли вы, что я предвижу, от какой смерти вы можете умереть?

— Где ты был, Иван Дмитриевич? — спросил я моего великого друга, когда, вдруг, неожиданно, около девяти часов утра он появился предо мной в барской усадьбе X.

Путилин молчал.

Лицо его хмурое, утомленное.

— Я всю ночь беспокоился за тебя. Куда, думаю, девался ты?

— А я сейчас тоже спать хочу, доктор. Оставьте меня в покое.

Путилин действительно скоро заснул глу-

боким, свинцовым сном.

Он проспал почти до обеда. Но к обеду вышел бодрый, с какой-то бесстрастно-загадочной улыбкой на лице.

Обед был роскошный, один из тех былых дворянских обедов, которые прожрали все разноцветные «выкупные». Дворянство тогда, впрочем, еще не терялось: впереди ведь вырисовывался во всем сверкающем блеске ослепительный золотой дворянский банк, этот могущественный оплот одряхлевших в разврате и пьянстве российских патрициев.

К обеду к Х. приехал и Евграф Игнатьевич Ехменьев.

При виде Путилина его опять передернуло.

— Вы плохо выглядите, господин Ехменьев, — за шампанским обратился Путилин к лютому помещику.

— Чем-с, ваше превосходительство?

— У вас глаза что-то полны кровью.

— А-а... Я плохо провел эту ночь... Бессонницей страдаю.

— Я тоже сегодня плохо спал, — начал Путилин, не сводя сверкающего взора с лица Ехменьева. — Всю ночь гулял. А скажите, пожа-

луйста, кто это у вас в усадьбе так дико кричит? Сегодняшней ночью я слышал ужасные крики.

Путилин задал вопрос быстро, по-своему. Лицо Ехменьева искривилось насмешливой улыбкой.

— Ах, вы и это изволили слышать, ваше превосходительство?

— Как видите.

— Так вас интересует, кто кричал? А это, извольте видеть, один из моих слуг частенько учит уму-разуму свою жену. Она — почти гулящая баба, имеет нескольких обожателей. Как ни бьется с ней, бедняга, никак не может выбить из нее эту дурь. Своего рода Мессалина моей усадьбы.

— Как поживает супруга ваша, Евграф Игнатьевич? — обратились Х. к своему соседу. Лицо Ехменьева стало грустным-грустным.

— Очень плохо. За последнее время с ней стали делаться ужасные припадки сердца. Завтра я хочу пригласить докторов, созвать консилиум. У ней и прежде были задатки грудной жабы, теперь, по-видимому, болезнь стала прогрессировать. Я боюсь рокового ис-

хода.

— Так вот, господин Ехменьев, мой приятель ведь доктор, — иронически проговорил Путилин. — Отчего бы вам не воспользоваться его советом?

Я молча поклонился в сторону лютого помещика.

— Ах, в самом деле, вот счастливый случай! — воскликнул Ехменьев. — Вы не откажетесь?

— О, с удовольствием! Это моя обязанность!

— Так завтра. Можете?

— А отчего не сегодня? — спросил Путилин. — Раз вы так беспокоитесь...

— Видите ли, ваше превосходительство, супруга моя просила сегодня ее не тревожить. Я предлагал послать нарочного за доктором, но она ответила, что это ее расстроит, что она хочет отдохнуть после припадка, который с ней случился третьего дня.

Путилин выразительно посмотрел на меня и ответил:

— Вы правы, нервнобольных не следует насиловать. Это их больше раздражает.

Обед окончился.

Последнее совещание. Привидение

Опять, как и вчера, темнее тучи черной приехал в свою усадьбу поздно вечером Евграф Игнатьевич, лютый помещик.

— Ох, этот дьявол, этот Путилин! Чую я в глазах его недоброе. Точит он когти на меня, ох, точит.

Тоска, злоба грызут его.

И опять перед ним появился любимый ловчий Сергунька.

— Пей!

И сам протянул, своей собственной дворянской ручкой, холопу верному огромную чару вина.

Болят у того с тяжелого похмелья голова. Обрадовался холоп, духом выпил чару и к ручке барской припал.

— Ну, слушай, Сергунька, сегодняшней ночью опять пробу будем делать.

— С Варварой?

— Нет, не с Варварой, а с той, кто побольше ее этого боится.

— Кто же это, господин милостивый?

— Жена моя, Евдокия Николаевна. Хочется мне ее пощекотать, да такой щекоткой, чтобы она... — Ехменьев, с налитыми кровью глазами, понизив голос, добавил: — Чтобы она больше не мешала мне. Понял, Сергунька?

Грузно подошел Ехменьев к денежному шкафу, вынул из него кипу бумажек и протянул своему развратному наперснику.

— На, держи. Вперед за дело плачу.

Шумит в голове Сергуньки, выпитое вино на старые дрожжи попало. Еще пуще вчерашнего охмелел он, а хмель его всегда несла с собой ярость, хорошо вспоенную его великолепным барином.

— Когда же?

— Да вот, когда все уляжется, успокоится. Часов около двух ночи. Ступай пока!

— А... коли кричать начнет? Вроде, как Варвара...

— Не будет. Все, все, Сергунька, удумал я. А только обязательно сегодня дело надо окончить, потому что дьявол стережет меня. Сегодня не сделаем — никогда не сделаем.

Ушел Сергунька.

Ехменьев пришел к жене.

— Что тебе надо, пьяное чудовище? — вызывающе спросила его Евдокия Николаевна.

Стоит, сама белее полотна, а глаза горят злобой, ненавистью.

— Ого! Со мной, со мной так разговаривать изволите?

— Да, с тобой! Ты думаешь, я тебя боюсь? Ни капельки!

— И... и с любовником своим целоваться опять будете?

Побагровел весь в лице лютый помещик.

— Буду. При тебе буду! Я ненавижу тебя, ты гадок мне, а он, Васенька, мил, любезен сердцу моему.

Рев дикого зверя пронесся по комнате Евдокии Николаевны.

Ехменьев бросился на жену со сжатыми кулаками.

— Постылая! Проклятая! Убью! — Хоть и бледнеет все пуще и пуще Евдокия Николаевна, а сама злобно, вызывающе хохочет.

— Не боюсь! Не боюсь! Изверг пьяный, изверг!

Ехменьев вдруг преодолел свой безумный гнев.

— Хорошо... хорошо-с. Мы... мы сведем наши счета! — прохрипел он и вышел из комнаты жены.

Было около полуночи. Тяжело ему. Спать хочется. Голова, наполненная винными парами, клонится к мягкой пуховой подушке.

И заснул зверь-человек.

Это был хотя и свинцовый сон, но полный кошмарных видений.

Снится, грезится ему, что он идет по озеру. А озеро-то все из крови. Пенится, хлещет и жалобно стонет кровавое озеро. Страшно ему. Почему вместо воды кровь? Откуда она взялась? Все выше и выше поднимаются кровавые волны, грозя его захлестнуть...

И вдруг на пурпурно-красной поверхности озера начинают появляться фигуры. Одна, другая, третья... Изможденные лица, все в крови. Перебитые руки, рассеченные спины плетьюми дворянскими, записанными в шестую дворянскую бархатную книгу. И протягивают руки эти мученики к нему и скорбно-скорбно говорят:

— За что ты нас мучил? Что мы сделали тебе худого, изверг?

Ужас охватывает то, что называется у Ехменьева душой. Волосы становятся дыбом.

— Пустите! Дьяволы! Пустите!

И, весь облитый холодным потом, вскочил Ехменьев.

Вскочил — и затрясся: перед ним стояло белое привидение. Белая мантия, длинная-длинная. Большой красный крест на груди.

Сомлел лютый помещик. Хочет перекреститься — пьяная рука не подымается.

А голос, таинственно-чудный, гремит ему:

— Покайся, нечестивец! Покайся, пока не поздно! Дашь ли ты мне клятву в том, что не будешь больше мучить, пытаться горемычных бедняков?

— Кто... кто ты? — в смертельном ужасе лепечет Ехменьев.

Я кровь замученных тобой. Я — совесть твоя. Во мне все муки, все страдания бедных рабов тьмы.

Широко раскрыты глаза Ехменьева. А страшный призрак все удаляется, удаляется...

И исчез.

С полчаса сидел лютый помещик, как оглу-

шенный. Потом вдруг вскочил, словно зверь разъяренный:

— Сергунька!! Эй! Сюда!

И когда тот предстал перед ним, хрипло бросил ему:

— Дьявольское искушение. Пора теперь. Идем.

Мертвенно-тихо было в старопомещичьем доме. Слышно было, как скребутся мыши, как тикают часы.

Пытка Ивана Грозного. Арест лютого помещика

Страшно Евдокии Николаевне.

Хоть и хочется ей, мучительно хочется верить в то, что этот неведомый, загадочный Путилин спасет ее, а все же страх холодной змеей заползает ей в душу.

— Защити, спаси, помилуй! — молится она.

Шаги... что это? Как будто не один он идет. Кто же с ним может быть?

С ужасом уставилась она на дверь.

В дверях стоял Ехменьев, а за ним — ловчий Сергунька.

— Что это значит? Как вы смеете приводить ко мне в спальню ваших слуг?

Гневом загорелись глаза бедной женщины. О страхе даже забыла.

А муж-зверь все ближе и ближе подходит к ней.

— Зачем ловчего к тебе привел? Сейчас узнаешь. Молись! Настал твой последний час. И умрешь ты такой смертью, что тайна ее никем не будет разведена.

— Ты с ума сошел, зверь?! Ты — пьян. Поди, проспись.

Ехменьев мигнул пьяному ловчему.

Миг — и тот бросился на свою госпожу. Только теперь, когда она очутилась в сильных, потных лапах челядинца, Евдокия Николаевна поняла, что ей действительно готовится что-то страшное, роковое.

Она громко, жалобно закричала:

— Спасите! Боже мой, за что? За что?

— За измену, проклятая!

— Богом клянусь, не изменяла тебе я!

— Вали ее на кровать! Да держи рот, дьявол, чтоб она не кричала!

Грязная рука зверя-ловчего зажала рот ба-

рыне. О, этого еще не приходилось испытывать холую! И он совсем осатанел.

Он бросил ее на кровать грубо, с наслаждением.

— На полотенца! Вяжи ее, руки и ноги привязывай к кровати!

Лицо Ехменьева было страшно.

В смертельном ужасе билась Евдокия Николаевна. Но что она могла сделать с двумя негодьями?

— Начинай!

И ловчий начал ее щекотать.

Безумно страшный крик пронесся по спальне. Так кричала и та горемычная Варвара, над которой Ехменьев сделал пробу пытки Ивана Грозного.

— Насмерть ее! Слышишь, насмерть! — иступленно выкрикивал он.

— Стойте, подлецы! Ни с места! — раздался громовой голос.

Испуганный крик Ехменьева и ловчего был ответом на него.

В страхе и ужасе обернулись они и... остолбенели: в дверях с револьвером в руке стоял Путилин.

— Ого! За пытку Иоанна Грозного принялись? Стало быть, никаких следов? Правильно! Кто от щекотки умрет, знаков насилия иметь не будет. Ловко придумали! Но только Путилину иногда удается и такие дьявольские махинации разрушать.

Первым опомнился Ехменьев.

С перекошенным от бешенства лицом рванулся он к своему врагу.

— Выглядел?

— Выглядел.

— Дьявол! Не человек, а черт!

— Спасибо на добром слове, господин Ехменьев, а только ручки позвольте: в кандалы вот ручки заковать следует.

Быстрым движением Путилин разрезал путы несчастной Евдокии Николаевны, находившейся в глубоком обмороке.

Ехменьев был багровый.

— Как вы смеете касаться моей жены?

— Если ваш ловчий позволяет себе это, то я полагаю, что мне сам Бог простит.

Ловчий Сергунька стоял окаменелый.

— Бери его! Ну? — крикнул Ехменьев указывая на Путилина. — Кончай его.

— Браво! Вот это еще больший козырь в моих руках! Я полагал, что вы, господин Ехменьев, окажетесь остроумнее.

Путилин быстро подскочил к портъере и отдернул ее.

— Прошу, вас, господа. Теперь вы поверите, быть может, что у вас под носом живет настоящий преступник. Вы, надеюсь, слышали все? Вы видели все?

В спальню несчастной Ехменьевой входили власти города Н-ска.

— Именем закона я прошу вас арестовать помещика Евграфа Игнатьевича Ехменьева по обвинению в предумышленном покушении на ее убийство.

— Это... это клевета!.. — заревел от бешенства лютый помещик.

— Извините, господин Ехменьев, ни о какой клевете не может быть и речи. Мы сами, помимо господина Путилина, все слышали, все видели.

Арест богатейшего лютого помещика произвел необычайную сенсацию во всей Н-ской губернии.

Было назначено секретное расследование,

результатом которого явились «раскрепощение» жены тирана и отдача последнего под опеку и надзор полиции.

Тьма египетская

Страшный день для семьи миллионера Когана

Да, этот день, такой солнечный, ликующий, был самым страшным днем для миллионера Когана и его почтенной семьи.

А разве мало черных дней выпадало на его долю? О, много! Он видел горе, слезы своих единоплеменников во время двух погромов, когда еврейские дома падали, словно карточные, под бешеными ударами разъяренной черни. Он пережил момент, когда все его крупное состояние висело на волоске благодаря двум безумно рискованным предприятиям, чуть-чуть не сделавшим его нищим.

Он... да мало ли еще каких лихолетий приходилось испытывать Вениамину Лазаревичу Когану?

И однако он сильный, предприимчивый, с железной силой воли, никогда не терялся так, как растерялся сегодня, и никогда не испытывал такого леденящего душу ужаса.

Что же такое случилось с Коганом, какая страшная беда свалилась на его голову, чуть-чуть посеребренную сединой?

В роскошном кабинете перед Вениамином Лазаревичем стояла его младшая дочь Рахиль, семнадцатилетняя девушка. Две другие дочери были уже несколько лет замужем за очень дельными, состоятельными правверными евреями.

Редкой красотой обладала Рахиль.

Это была классически точеная красота, которой мы любуемся на картинах древних мастеров, изобразивших во всем блеске «божественно прекрасные» черты великого Востока. «Роза Ливана», «Пальма Кедронского потока», «Звезда Иерусалима» — так величали Рахиль безумно влюбленные в нее родители и сородичи.

И как странно было видеть эту античную фигуру на фоне мелкой, буднично пошлой, буржуазно-еврейской жизни небольшого губернского города М.

Ожившая старинная гравюра на улицах с изрытой мостовой, с огромными лужами грязи, в которой мирно-буколически купались

провинциальные свиньи.

Коган стоял перед дочерью с бледным, перекосенным лицом.

— Что? Что ты говоришь? Что ты сказала?

— Ты уже слышал, отец.

— Ты... ты решилась даже помыслить об этом?

— Да.

— Ты — моя дочь, дочь честного, любящего и исполняющего свою религию еврея, ты — Рахиль Коган — решаешься изменить веру твоих отцов?

Девушка, стоявшая с опущенной головкой, подняла ее и посмотрела отцу прямо в глаза.

— Я думаю, что у всех людей, у всех народов существовал и существует один Бог.

— Как? — отскочил от дочери Коган.

— Так, отец. Это страшное заблуждение, извечное проклятие над человечеством, что оно делит божество на религии, касты.

Божество — общее для всех и всего сокровище. Оно — источник справедливости, любви, милосердия, правды, красоты. Разве язычник, идолопоклонник не так же прославляет красоту и мощь, развитую в природе, как про-

славляет ее еврей, чтущий своего Иегову, или христианин, прославляющий своего Христа? Небо — одно, солнце — одно, цветы — одни, желания и помыслы людей — одни и те же. Зачем же эти перегородки между людьми, искусственно ими созданные?

Стареющий еврей-миллионер схватился за голову.

— Это... это тебя в вашей проклятой гимназии учили?

Рахиль отрицательно покачала головой.

— О, пусть трижды будет проклят тот день, когда, поддавшись на твои упрасивания, я отдал тебя туда! Это там развратили твою душу, привив ей свой христианский яд!

— Ты ошибаешься, ничему подобному там нас не учили. Нас там учили научным предметам. Мы там не философствовали на религиозно-богословские темы.

Коган привлек к себе дочь.

Какой отеческой любовью загорелись его глаза!

— Рахиль, ты — мое любимое дитя. Ты — самое для меня дорогое в жизни. Ты посмотри, ты вникни, чем сильны мы, почему мы

еще держимся и представляем из себя крупную силу. Мы — живы Иеговой, мы сильны своей сплоченностью, мы — несчастный, гонимый, но избранный народ. Ты помнишь, Рахиль, великий завет нашего Бога: «И будешь ты, Израиль, царить над всеми народами, потому что ты — мой избранный народ, потому что с тобою и над тобою — Я, Бог твой, Иегова. И склоню я перед тобою все племена и все народы и ослепятся глаза их пред блеском сияния Израиля. Я являл тебе чудеса милости моей, я подвергал тебя испытаниям, дабы лучше закрепить тебя в вере моей, поднять дух твой».

— Это проповедь не божества, а его искажателей. Бог сотворил мир не для нас одних, а для всех, кто хочет склоняться к общему божеству. Оставим этот разговор, отец, ты меня не переубедишь.

Грустно, но твердо звучал голос девушки-еврейки. Тогда краска гнева бросилась в лицо оскорбленному в лучших своих чувствах отцу-еврею.

— О, горе мне, горе мне! Такое поношение я должен слышать из уст моей дочери! Для

чего же ты, несчастная, захотела изменить вере предков своих?

И впился тревожно-выжидательным взором в лицо дочери.

А самого так и трясет.

«Не попусти, Боже, не попусти услышать еще более страшное», — бьет мозг испуганная мысль.

— Я перехожу в христианство, во-первых, потому, что мне более нравятся догмы его учения, а во-вторых, потому, что я полюбила православного русского, и хочу выйти за него замуж.

Яростный вопль прокатился по кабинету.

— А-а, негодница, я так и думал, я так и думал! — Страшным сделалось лицо почтенного Вениамина Когана.

— Как ты осмелилась?

— Что это, полюбить-то? Разве любовь, честная, хорошая — такое страшное преступление?

— Но кого ты полюбила?!

— Повторяю тебе — русского.

— Молчи! Молчи! О, зачем ты, Господи, не поразил меня глухотой? Зачем ты, великий

Бог Израиля, караешь меня своей десницей?

Коган заметался, как раненый зверь, по кабинету.

— А-а, проклятые, я узнаю вашу подпольную работу! Вы хотите подкопаться под Израиль, вы хотите расшатать наши вековечные устои! Будьте вы прокляты, будьте вы трижды прокляты! Вы все взяли у нас: наше царство, наше могущество; вы заставили нас скитаться, подобно бродячим псам, по лицу всей земли; вы издеваетесь над нами, вы плюете нам прямо в лицо. Теперь вам показалось этого мало; вы хотите красть наших жен, дочерей! О, Иегова, Ты карающий, как ты не испепелишь нечестивцев?

Разъяренным зверем бросился Коган к дочери.

— Кто он? Кто он?

Рахиль, бледная, но решительная, слегка отшатнулась от отца.

— Я не назову тебе его имени.

— Почему? — затопал в бешенстве ногами отец.

— Потому что наш бог — Адонай — есть бог гнева и мести. Вы все станете мстить то-

му человеку, которого я любила, а ваша месть... о, я слышала про нее, страшна, беспощадна!

Коган был близок к апоплексическому удару.

— А-а-а... м-м-м, — хрипло вырывалось у него.

— Отец, мой милый отец, — начала красивым, контральтовым голосом девушка, делая шаг к отцу. — Успокойся... Подумай хорошенько, ну что тут такого страшного? Ты — такой умный, образованный — неужели ты готов идти за темной, невежественной толпой? Отрешись от этих старых предрассудков... Ты любишь меня?

— О! — стоном вырвалось у пораженного горем отца.

Он опустил свою седеющую голову на руки.

Как вздрагивали эти руки, доселе не знавшие трепета!

— Так неужели тебе, папа, не дорого мое счастье? Неужели тебе дороже мнения и пересуды, чем счастье твоей Рахили? Ах, папа, папа!

Она хотела обнять за шею своего отца, но тот, отшвырнув ее, вскочил:

— Не подходи ко мне! Такая дочь не может дотронуться до меня своими руками. А-а! Ты говоришь: предрассудки? По-твоему, переход в иную веру — предрассудок? Почему же этот... ну как его? — не хочет перейти в Иудейство?

Рахиль пожала плечами.

— Потому что русский закон карает за это. Какой же он будет муж мой, если он сделается преступником? Нам надо тогда бежать из России.

— А знаешь ли ты, как они глядят на вероотступников? Кто, как не они сами, выдумали поговорку: жид крещеный, что вор прощенный. Что же, и ты хочешь получать в лицо подобное оскорбление? Но, клянусь святой Торой, этого не будет! Я лучше задушу тебя своими руками, чем отдам в лапы врагам нашего народа.

— Я убегу, отец, — сверкнула глазами девушка.

— Посмотрим! — захлебнулся от гнева Коган.

Вскоре вся семья миллионера узнала о страшной новости. Дом Когана наполнился плачем, воем, причитаниями. Мать застыла, замерла. С бабушкой сделался легкий паралич. Братья Рахили злобно сжимали кулаки.

Необычайные гости из М. у Путилина

«Дмитрий Николаевич Быстрицкий, преподаватель М-й женской гимназии», — прочел Путилин на поданной ему дежурным агентом визитной карточке.

— Он хочет меня видеть, Жеребцов?

— Да, ваше превосходительство. Говорит, по крайне важному делу.

— Что же, попросите его, голубчик.

— Кажется, пахнет опять гастролью, Иван Дмитриевич? — спросил я моего славного друга.

— О, как ты любишь забегать вперед, доктор! — тихо рассмеялся он.

В кабинет нервной, торопливой походкой вошел высокий суровый молодой господин.

Он был очень красив. Густые волнистые белокурые волосы были зачесаны назад. Прекрасная курчавая бородка. Большие вырази-

тельные синие глаза. Чрезвычайно правильные черты лица.

После краткого представления Путилин предложил посетителю кресло, задал стереотипный вопрос:

— Чем могу служить вам, господин Быстрицкий?

Тот нервно потер руки.

— Я к вам прямо из М., ваше превосходительство. У меня... со мной случилось несчастье: два дня тому назад у меня была похищена... вообще пропала моя невеста. Обезумев от горя, я бросился к вам... Ради Бога...

Волнение посетителя усиливалось все более и более под холодным, пристальным взглядом удивительных глаз великого сыщика.

— Виноват, вы изволили употребить два выражения: «была похищена» и «пропала». На каком из этих двух заявлений вам угодно остановиться? — спросил Путилин.

— Я, право, сам еще не знаю... ничего не понимаю...

— Вы немного успокойтесь, не угодно ли воды? Ну-с, прежде всего вы мне скажите: кто

ваша невеста?

— Рахиль Вениаминовна Коган.

— Рахиль Коган? Как же еврейка может быть вашей невестой? Вы ведь православный?

— Да.

— Так стало быть, она — выкрестка?

— Нет. Пока еще она — иудейка. Но...

— Я вас попрошу, господин Быстрицкий, рассказать мне все подробно. Я вас слушаю. Если вы желаете моей помощи, необходима полная откровенность.

— Я — преподаватель русского языка и словесности в М-й женской гимназии. В этой же гимназии училась только что окончившая курс Рахиль Вениаминовна Коган.

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Кто ее родитель?

— Миллионер Коган.

— Продолжайте.

— Как, отчего, почему случилось то, что мы полюбили друг друга, — я не буду вам подробно рассказывать. И думаю, вам это, ваше превосходительство, не важно знать?

— Да-да, вы правы. За исключением только вот чего: как вы полюбили друг друга.

— А именно? — смутился клиент Путилина.

— Во-первых, была ли эта любовь девицы Коган к вам серьезным, глубоким чувством, или же это — сто первая вариация обожания юниц учителей русской словесности?

В голосе великого сыщика я расслышал иронию.

Быстрицкий вспыхнул.

— Нет, это не детская забава, а сильная.

— Pardon, я вынужден задать вам еще один, быть может, несколько щекотливый, но нужный мне вопрос: ваши отношения не перешли известных границ?

— Нет! — резко ответил М-й педагог.

— Отлично. Прошу вас продолжать.

— Итак, мы полюбили друг друга и решили обвенчаться. Рахиль Коган — девушка сильного характера. Она решила перейти в христианство. Зная любовь отца к ней, она призналась ему во всем этом, полагая, что тот даст согласие. Но, увы, этого не последовало. Ее встретил бешеный взрыв гнева. Ее заточи-

ли в комнате, приставив к ней караул. Но с помощью денег ей удалось подкупить одну русскую прислугу, которая и переслала мне записку: «Нам остается только одно: бежать. Будь наготове. Сегодня вечером я убегу. Будь на вокзале. С ночным поездом мы должны выехать из М. Твоя Рахиль».

Получив эту записку, я, наскоро уложив чемодан, бросился на вокзал. Говорить ли вам, что я испытывал в эти ужасные минуты ожидания? Наконец, — о, счастье! — вот и она. Билеты у меня были взяты. Мы, крадучись, как воры, сели в вагон. Когда поезд тронулся, я перекрестился. «Теперь ты моя, теперь ты моя, дорогая! — целовал я ее ручки. — Теперь никто тебя от меня не отнимет». И вот тут-то вскоре случился этот ужас, господин Путилин. Мы подъехали к первой станции. Я отправился в буфет, чтобы взять с собой бутылку какого-нибудь вина и закусок. Моя невеста была так измучена, слаба, что необходимо было подкрепить ее силы. Когда я вернулся в вагон, — поезд стоял три минуты, — я не нашел там Рахили. А поезд уже тронулся, пошел. Вне себя от страха, я бросил-

ся разыскивать ее по всему поезду. Ноги дрожали у меня, я был сам близок к обмороку. Увы, в поезде ее не оказалось.

Быстрицкий закрыл лицо руками и затрясся в нудном плаче.

— Что было... что было мне делать? Я совсем потерял голову, ехал все дальше и дальше. Потом меня озарила мысль: поеду к Путилину. Это единственный человек, который может пролить свет на это таинственное исчезновение моей Рахили. О, ваше превосходительство, во имя всего святого, помогите мне в моем горе!

Путилин слушал внимательно, чертя — по своей привычке — ногтем указательного пальца по столу.

— Скажите, на дебаркадере М-го вокзала вы не заметили ничего подозрительного?

— Ничего. В этот поздний ночной час платформа была почти пуста. Пассажиров совсем почти не было.

— А в вагоне?

— Там было полутемно. Почти все купе были пусты. В одном только сидели три почтенных господина.

Путилин задумался.

— Скажите, господин Быстрицкий, вы не допускаете мысли, предположения, что ваша невеста, девица Коган, добровольно вышла из вагона и спряталась в вокзале этой станции?

Тот даже привскочил.

— Зачем же она сделала бы это?

— Представьте, что в последнюю минуту ею овладела борьба: идти ли на этот шаг или не идти. Как-никак — она еврейка. Голос крови в ней силен, как и в нас с вами.

— Нет-нет! Этого быть не может. Вы не знаете Рахили, на такую измену она не пойдет.

— Что же вы предполагаете? Ваше личное мнение?

— Ее украли. Я убежден в этом!

— Вы думаете, что родители проследили за ней?

Путилин не успел закончить. Ему подали новую карточку. Едва проглядев ее, он быстро встал.

— Мы закончим наш разговор, господин Быстрицкий, через несколько минут. Я должен принять посетителя по экстренному делу. Потрудитесь следовать за мной. Я вам ука-

жу, где вы можете меня обождать.

Путилин внутренним ходом из кабинета провел Быстрицкого и вскоре вернулся.

Он потирал руки, что делал он всегда, когда дела начинали принимать неожиданный, странный оборот.

В кабинет вошел отлично одетый полуседой господин.

— Вениамин Лазаревич Коган, — представился он моему знаменитому другу.

Я вздрогнул, насторожился.

«Вот так штука! Коган! Да ведь Быстрицкий только что говорил о Когане, об отце исчезнувшей девушки. Неужели это он?» — подумал я.

Второй посетитель был взволнован не менее первого. Один только Путилин был беспристрастен.

— Господин Коган из М.? — спросил он.

— Да, ваше превосходительство. А вы, простите, откуда же это знаете?

Ироническая улыбка пробежала по губам великого сыщика.

— Я обязан знать всего понемногу. Чем могу быть полезен вам?

Коган хрустнул пальцами.

— Не только полезны, а можете прямо спасти меня. Я готов заплатить десятки тысяч...

— Виноват, я просил бы вас помнить, что вы находитесь не у комиссионера, а у Путилина, поэтому разговор ваш о деньгах я нахожу более чем неуместным и странным.

Миллионер-еврей из М. осекся.

— Простите, ваше превосходительство...

— Объясните, что привело вас ко мне.

— Горе, страшное горе. У меня исчезла дочь.

— Рахиль? — быстро задал вопрос Путилин.

Коган подпрыгнул на кресле:

— Как? Вы и это знаете?

Изумлению, почти священному ужасу почтенного еврея не было границ.

— Ну-с, господин Коган, потрудитесь рассказать, что такое стряслось с вашей дочерью.

Перепуганный, взволнованный миллионер начал длинный, подробный рассказ.

Он мало чем разнился от того, что было уже нам известно от Быстрицкого, за исключением лишь вокзала, вагона и непостижи-

мого исчезновения из него девушки.

— Я поклялся святой Торой, ваше превосходительство, что не допущу совершиться этому ужасу — переходу моей дочери в христианство. Я глубоко убежден, что вы понимаете мои отцовские чувства и чувства верного, чуждого свою религию, еврея. Станете ли вы осуждать меня за это?

— Ни на одну секунду. Я сам держусь взгляда, что всякий человек должен жить и умереть в своей вере.

На глазах Когана выступили слезы.

— О, я не ошибся в вас, глубокоуважаемый господин Путилин! Недаром многие из нас благословляют вас за дело Губермана, когда вы сняли с нас позорное обвинение в совершении ритуального убийства девочки.

— Ваша дочь бежала вечером?

— Да! — изумлялся все более и более М-й крез. — Я на другой день решил повезти ее за границу. Я был убежден, что там она успокоится, что угар этой первой молодой любви, обычный в ее возрасте, пройдет, что она забудет мимолетное увлечение. И вдруг все пошло прахом. Моя дочь исчезла!

Голос Когана перехватывался волнением.

— Что же вы думаете относительно этого?

— Что! Разумеется, только одно: она бежала к нему, к этому, простите, проклятому со-
вратителю.

— Вы его не знаете?

— Нет. О, если бы я его знал! — Угроза, смертельная ненависть зазвенели в голосе бедного отца.

— Вы обращались к М-м властям?

— Обратился. Но, говоря откровенно, я плохо верю в талант наших местных властей.

— Так... так. Скажите, господин Коган, у вас много врагов?

Коган печально улыбнулся.

— Если у всякого человека, ваше превосходительство, их немало, то у богатого их особенно много. Зависть — плохой пособник дружбы.

— Среди какого населения у вас большее количество врагов, недоброжелателей: среди русского или еврейского?

Коган развел руками.

— Я затрудняюсь ответить на этот вопрос: ей-богу, не считал.

— Итак, вы просите моего содействия?

Миллионер-еврей схватил Путилина за обе руки.

— На коленях готов умолять вас, господин Путилин! Отыщите мою дочь! О, если бы вы знали, как я люблю мою Рахиль!

Путилин подумал минуту.

— Хорошо. Ваше дело меня очень заинтересовало. Сегодня вечером я выеду в М.

Когда Коган ушел, великий сыщик привел снова в кабинет Быстрицкого.

— Стало быть помочь вам?

— Господин Путилин! Ваше превосходительство! Сделайте милость!

— Хорошо. Уезжайте в М. Я еду туда.

— Что ты скажешь, доктор?

Путилин стоял передо мной, улыбаясь.

— Могу сказать только одно, что мы едем в М. Остальное для меня так же темно и непонятно, как и все, за что ты берешься.

Путилин рассмеялся.

— А ты сам, Иван Дмитриевич, разве понимаешь что-нибудь в этой абракадабре?

— Нет-нет... Успокойся, доктор, не обижайся. Я... я тоже еще не начал выводить свою

«кривую». Скажу тебе одно: нам надо решить уравнение с несколькими неизвестными.

— Непостижимый случай! — вырвалось у меня. — Отец обвиняет в похищении девушки «тайного» жениха, жених — отца.

Путилин посмотрел на часы.

— Время летит. Мне надо еще распорядиться. Поезжай и собирайся. В девять десять я буду на вокзале.

Первые шаги

Когда я приехал на вокзал, Путилина еще не было. Вскоре явился и он.

Нос к носу, садясь в вагон, мы столкнулись с Коганом.

— Господин Путилин! — так и рванулся к моему другу миллионер.

Путилин холодно заметил:

— Хотя мы и едем в одном поезде, но помните, что встречаться мы с вами не должны. Вы не забывайте, что за нами могут следить...

— Кто? — побледнел Коган.

— Если бы я знал, кто, то, поверьте, не поехал бы на раскрытие вашего дела, — усмех-

нулся Путилин.

Утомительно долго тянулся поезд.

Путилин почти не спал.

Глядя на моего знаменитого друга, я замечал, что он сильно волнуется. Видимо, какая-то тревожная мысль обуревала его гениальную голову.

— Ты бы отдохнул, Иван Дмитриевич, — посоветовал я ему.

— А? Что? — спросил он меня рассеянно.

Для меня становилось ясным, что он выводит свою хитроумную «кривую».

Для меня, как доктора-клинициста, всегда являлась загадкой поразительная способность этого человека предвидеть то, что было совершенно темно, неясно. В Путилине я видел какого-то особенного прозорливца духа, на нем, поверите ли, я учился.

Мы подъезжали к М.

Оставалась еще одна станция до города, населенного в то время почти сплошь евреями.

Прошел кондуктор.

— Ва-а-ши билеты, господа!

При виде сертификата Путилина, «обер»

взял под козырек.

— Сейчас последняя станция до М.?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Станция «Ратомка»?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Сколько верст до М. от нее?

— Шестнадцать.

Поезд стал замедлять ход.

— Ну, доктор, мы сейчас выйдем на этой станции, — обратился ко мне Путилин.

— Зачем?

— Так... хочется ноги размять. Чемодан свой бери с собой.

Я ровно ничего не понимал.

— Зачем же брать чемодан, Иван Дмитриевич, если мы выйдем на несколько минут?

— Мы, может быть, останемся там до следующего поезда.

Когда мы выходили из вагона, я заметил выглядывавшего из своего окна миллионера Когана.

При виде нас с чемоданами в руках сильнейшее изумление и даже испуг отразились на его лице.

«Что, дескать, это означает, что Путилин со

своим доктором не едут до М., а вылезают на последней станции? Уж не раздумал ли великий сыщик братья за мое дело?» — так и светилось в глазах бедного отца.

Но, помня приказание Путилина, он не осмелился ни подойти, ни спросить.

Путилин направился к конторе начальника станции.

Раздалась трель обер-кондукторского свистка — и поезд отправился дальше.

Станция была маленькая, жалкая, унылая.
— Что вам угодно? — далеко не любезно обратился к Путилину сумрачный начальник станции.

Путилин положил чемодан на кожаный диван.

— Прежде всего, как видите, избавиться от чемодана, а потом...

Начальник станции вспыхнул, как порох.
— Позвольте, милостивый государь, по какому праву вы сваливаете ваши вещи в моей конторе? Для этого есть иное помещение.

— По какому праву? По праву начальника Петербургской сыскной полиции. Я — Путилин.

Эффект получился весьма изрядный.

Начальник струхнул не на шутку.

— Простите, ваше превосходительство... Я не знал... не мог предполагать.

Путилин добродушно похлопал его по плечу.

— Это-то все пустяки, что вы меня чуть не в шею отсюда выгнали, а вот что у вас совершаются преступления под носом и вы их не замечаете — это вот уж не пустяки, а весьма прискорбный факт.

Начальник станции побледнел.

— Преступления? Какие преступления?

Голос его дрожал.

— А вот садитесь и побеседуем.

Путилин пристально смотрел прямо в глаза начальнику станции.

— Скажите, вы хорошо помните прошедшую субботу?

— То есть что именно? — недоумевающе спросил железнодорожный шеф «Ратомки».

— В этот день, в субботу, ничего особенного не случилось?

— Ровно ничего, ваше превосходительство.

— Вы твердо в этом уверены?

— Безусловно. Помилуйте, ваше превосходительство, я ведь почти бессменно дежурю.

— А между тем, — говорю вам, — преступление совершено. В поезде, вышедшем в субботу из М. в десять пополудни, следовала со спутником молоденькая девушка, еврейка Рахиль Коган. Вы слышали такую фамилию?

— Я слышал о М-м богаче Когане.

— Так вот, это его дочь. На вашей станции она исчезла из вагона. У меня есть данные предполагать, что она насильно выкрадена из поезда. Что вы на это скажете?

Начальник станции хлопал глазами.

— Ничего не знаю, ваше превосходительство, клянусь вам.

— Вы не заметили ничего подозрительного?

— Ничего. Поезд, это поезд номер шестьдесят восемь, прибыл к нам в двенадцать сорок.

— Он простоял на вашей станции обычное время? Три минуты?

— Да. Замедления в его отправлении не произошло.

— После отхода поездов вы осматриваете путь?

— Обязательно.

— Из кого у вас состоит служебный персонал? Все — русские или есть евреи?

— Ни одного еврея. Все — русские.

Падали сумерки летней ночи.

Путилин встал.

— Я вас попрошу, голубчик, мой приезд держать в строгой тайне. Никто, понимаете, никто не должен знать, что я — Путилин. Выдайте меня за кого хотите, хоть за вашего дядюшку, что ли.

— Разве, Иван Дмитриевич, ты рассчитываешь здесь долго пробыть?

— Не знаю, доктор. Мне необходимо кое-что здесь осмотреть.

Мы вышли из конторы и отправились на станционную платформу.

Станция стояла в поле. Вдали, приблизительно на расстоянии полуверсты, виднелась кучка домов.

— Что это за поселок? — спросил Путилин.

— Местечко небольшое, Ратомка.

— Кто там обитает? Русские? Евреи?

— Поселок заселен почти сплошь евреями. Кажется, всего одно русское семейство. Это

своего рода пригородное еврейское гетто. До М. ведь всего шестнадцать верст. Сообщаются они с городом или по железной дороге, или на лошадях.

— На лошадях... Кстати, к отходу или приходу поездов, останавливающихся у вас, приезжают какие-нибудь возницы?

— Очень редко. Тут так недалеко, что обыкновенно ходят пешком. Конечно, когда привозят или отвозят груз, тогда приезжают брички, телеги.

— Вы случайно не помните, не заметили — были или нет лошади в субботу к приходу ночного поезда?

— Нет, ваше превосходительство, не обратил внимания. Ни к чему было.

Путилин в глубокой задумчивости оглядывался по сторонам.

— Когда приходит поезд ночной в двенадцать сорок, второй путь бывает свободен или занят?

— Свободен. Поезд в М. проходит «Ратомку» сорока пятью минутами позже. Таким образом, они не встречаются здесь.

— А товарные, балластные поезда? Можете

вы мне сказать, были или нет в субботу такие поезда?

— Нет, таких поездов не было.

— Ну вот и все. Не будете ли вы любезны, голубчик, оказать мне и доктору гостеприимство на сегодняшнюю ночь? Мне не хочется ехать в М., я с удовольствием провел бы время до утра здесь.

Начальник станции просиял и засуетился.

— С радостью, ваше превосходительство, за честь буду благодарить. Только квартирка у меня неважная.

Через полчаса мы находились в комнате начальника станции «Ротомка».

Супруга его суетилась, приготавливая закуску столь неожиданным гостям.

— Ты, матушка, постарайся! — доносился до нас через тонкие стенки взволнованный шепот перепуганного начальника станции. — Знаешь ли ты, кто этот седой господин? Ведь это Путилин, знаменитый начальник Петербургской сыскной полиции.

Поведение моего славного друга, его внезапное решение остаться на ночь здесь, в этой унылой местности, были для меня абсо-

лютно непонятны.

Путилин развязывал чемодан.

Прежде всего он отдал мне приказ:

— Запри дверь на ключ и никого не впускай, доктор!

Он вынул свой знаменитый гримировальный ящик, достал оттуда зеркало, краски, карандаши, парик, волосы для бороды.

И началось великое путилинское «таинство».

Точно под волшебными руками талантливого художника или скульптора лицо моего друга стало поразительно видоизменяться.

Один мазок краской... другой... вот — новые волосы, новая голова... вот вместо седых бакенбард — широкая всклокоченная борода.

— Хорошо, доктор?

— Чудесно, — искренно-восторженно вырвалось у меня.

С каждой секундой Путилин все более и более видоизменялся.

На меня глядело чужое лицо, лицо старого еврея, изможденного горем, страданием.

Эти впалые глаза, эти щеки, эти трясущиеся губы... О, никогда не забыть мне этой вол-

шебной метаморфозы!

— Дай мне, доктор, то одеяние, которое лежит сверху в чемодане! — улыбаясь, проговорил Путилин.

Я подал ему засаленный лапсердак; бархатный, но сильно порыжелый картуз, стоптанные высокие сапоги с голенищами.

— Ну?

Путилина не было. Передо мной стоял старый, трясущийся нищий-еврей, тот горемыка, который прокликает еврейскую буржуазию, захлебывающуюся в золоте, разъезжающую в каретах и вовсе — вопреки расхожему мнению — не обожающий сильных из мира своего.

— Да ты ли это, Иван Дмитриевич? — воскликнул я.

— О, твой язык болтается, как грязная мочала! — с бесподобным еврейским акцентом ответил Путилин. И тихо рассмеялся.

— Чудесно! Непостижимо!

— Это ты говоришь, доктор. Что скажут они, когда я предстану перед ними в сем виде?

— Ты боишься?

— Я не боюсь, но не люблю проигрывать дела.

— Но для чего ты так видоизменился, Иван Дмитриевич?

— Прогулку хочу маленькую совершить, доктор.

— Куда?

— Туда, в пространство, — сделал неопределенный жест Путилин.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Отвори! — тихо шепнул мне мой славный друг.

Я отворил дверь.

— Могу я просить вас и его превосходительство закусить чем Бог послал?

— Ой, что такое? — оттолкнув меня, выросла фигура старого еврея перед начальником станции. Тот отшатнулся.

— Что это такое? Как вы попали сюда? Что вам надо здесь? Господин доктор, где же его превосходительство, господин Путилин?

Тихий смех был ответом...

Начальник станции вытаращил глаза.

Заседание кагала

Душно в небольшой комнате двухэтажного деревянного дома в слободе «Ротомка».

Так душно, что хоть парься: свет свечей, вставленных в серебряные подсвечники, тускло озаряет небольшую конуру.

А народу в ней — масса.

Чуть друг друга не давят. Плечо о плечо, голова к голове.

За большим столом, на котором горят семисвечники, сидят старейшины кагала.

Перед столом в позе исступленного фанатика стоит худощавый еврей. Глаза его горят фанатическо-безумным блеском. Грудь ходунном ходит.

— И я говорю, что вы должны осудить эту проклятую еретичку, — взвизгивает он.

— Скажи, сын мой, почему ты так возмущаешься? Отчего дрожат уста твои, почему грудь твоя не вмещает уже больше воздуха?

Сурово звучит вопрос старейшин кагала.

— А-а-а! — захлебнулся худощавый еврей. — Вы спрашиваете меня: почему? А разве вы сами не знаете этого?

Молчание.

— Вы не знаете, вы — ученейшие мужи? А я — бедный еврей — должен знать? Что же, коли так, я вам объясню. Вы помните нашу священную историю?

Горят глаза фанатика.

— Сын наш, ты задаешь глупые вопросы. Ты вспомни, кому ты задаешь их! Тем людям, которым известны все тонкости Талмуда.

— Так, если вы знаете все это, зачем вы меня пытаете?.. Я помню, что говорится там, а вы забыли. Слушайте: «Израиль, Израиль! Помни и блюди завет Бога твоего. Он извел тебя из плена египетского. Ты помнишь, Израиль, какая египетская тьма царила там? Сынов твоих, Израиль, подвергали мучениям, они были рабами своих угнетателей, которые говорили им: «Псы смердящие! Вы — для нас, а не мы для вас». Но тогда, Израиль, я внял мольбам народа Моего. Я решил вывести вас из Египта. Многие жены еврейские сделались наложницами проклятых закрепостителей. И рек я устами пророка моего — Моисея: приложи камни к груди женщины твоей, поправшей религию Бога твоего, Иеговы. И пусть эти

камни побьют ее до смерти: она преступила завет Мой, она кровь свою смешала с кровью врагов моих».

Жуткое, тяжкое молчание воцарилось в комнате кагального совещания.

— Ну? Что вы скажете, Шолом? — обратился председательствующий кагала.

Встрепенулись все.

Словно искра электрическая пробежала по собранию искренно-верующих, фанатически настроенных евреев.

— Да-да, верно говорит Мордухай!

— Смерть ей, смерть!

— Нет! — прогремел голос. — Вы заблуждаетесь, дети мои!

Произнес это симпатичный старик с огромной библейской бородой.

— И заблуждаетесь вы потому, что забыли завет Бога вашего. А он ведь гласит: «Кто совершил прелюбодеяние в вере своей!» Помните и заметьте, кто совершил. А разве та, которую мы судим, уже совершила прелюбодеяние? Христианский волк забрался в нашу еврейскую паству. Он пытался совратить одну из дочерей Иеговы в веру нашего проро-

ка — Иисуса Христа Назаряетянина; но заметьте, только пытался. Она — у нас. Она — еще наша. Вспомните место из Соломона: «И если ты песчинку можешь сохранить из берега своего, — блюди ее, ибо песчинка образует берега. И что ты будешь плакаться, когда река тебя поглотит, когда ты, Израиль, берега не укрепишь».

— Верно!

— О, сколь мудро глаголит ребэ Шолом! — еще более пронзительно выкрикнул «докладчик» — Мордухай. — Честное слово, он заставил бы заплакать мои глаза от слез, если бы я не... смеялся его рождению!

Фанатик-еврей, как пантера, порывисто бросился к столу.

— Если так, господа старейшины кагала, я — сдаюсь. Я больше ничего не могу сказать, если текст нашего священного писания перевирается таким образом!

— Опомнись! — прокатился испуганный крик.

— О, я опомнился уже давно, покарай меня Иегова! Но вы-то, вы-то когда опомнитесь? Только потому, что речь идет о дочери мил-

лионера, вы, верные талмудисты, готовы слагать завет святой Торы к ногам золота? Я — бедный еврей. Но я — честный еврей. Я говорю, что писание гласит: «Если ты изменишь вере отцов твоих, ты должна быть побита камнями». Я все сделал для того, чтобы доставить вам «гойку». Я — рискуя жизнью — дал вам ее и теперь спрашиваю вас: ну, Израиль, благодаришь ли ты меня?

— Убить ее! Убить ее!

— Вы, — продолжал взвизгивать фанатик, — еще сомневаетесь? Вы говорите: «Она не совершила еще проклятого перехода?» Так вы, стало быть, ждете того момента, когда она уже сделает это? Когда проклятый христианин сожмет в своих объятиях розу Ливана? Этого вам надо?!

— Сын мой... сын мой! Ты — настоящий сын Иакова... ты — грозный представитель Адоная. Но пощади бедного Когана! Он — наш лучший, наш вернейший сын. Слушай, сейчас где находится Рахиль?

— Здесь. Клянусь святой Торой, я позаботился, чтобы она была доставлена сюда.

Фанатик еврей сделал возмущенный жест

рукою и, подойдя прямо к столу, за которым заседал трибунал кагала, гневно произнес:

— О, пусть золото не испортит вашей совести!

— Мордухай! — гневно ответил ему в тон председатель Шолом.

— Так судите ее так же, как судили ваши отцы таких паскудных вероотступниц!

Перед страшным судом кагала

— **И**ди, иди, проклятая! — толкал в спину красавицу Рахиль ее палач — Мордухай.

— Позволь мне идти самой! — негодуя, горделиво произнесла красивая девушка.

Это была Рахиль Коган.

Она выпрямилась во весь свой стройный рост и с улыбкой презрения глядела на торжественное собрание.

— Что вам надо от меня?

В эту же минуту в «зале» заседания кагала появилась сгорбленная, старческая фигура старика еврея.

— Вы кто? — набросился на него Мордухай.

Вновь прибывший показывал на свои уши, на свой рот, жестами объясняя, что он — глухонемой.

— Кто это? — спросил председатель кагала.

— Глухонемой. Смотрите, ребэ Шолом: даже глухонемые камни, и те вопиют Иегове об отмщении! — торжественно произнес Мордухай.

— Ты — Рахиль Коган?

— Да.

Как горделиво, как удивительно спокойно звучал голос девушки!..

— Ты, Рахиль Каган, обвиняешься в том, что хотела изменить вере отцов твоих. Правда это?

— Прежде всего я хотела бы знать, кто меня судит. Кто вы?

— Кагал! — погребальным звуком раздался в ушах девушки ответ страшного трибунала.

«Кагал! Так вот он, этот страшный кагал, властно распоряжающийся судьбой бедного еврейства...»

Худо стало Рахили Коган.

Но страшным усилием воли она взяла себя в руки.

— Ах, вы — кагал? Так скажите мне, почему, на каком основании меня грубо вытащили из вагона и поволокли сюда? Как вы смее-те...

— Тише! — прогремел голос «председателя». — Вы обвиняетесь в том, Рахиль Коган, что решили изменить вере отцов своих. Правда это?

— Правда.

Горделиво откинулась головка Рахили Коган.

— Что? — взвизгнул кагальный трибунал. Мордухай подскочил к столу и потушил одну свечу в семисвечнике.

— Погибла одна из дочерей Израиля! Горе вам, горе Израилю!

Чем-то бесконечно страшным повеяло в мрачной, душной комнате.

— Ты, ты, дочь Израиля, так откровенно, так свободно говоришь о своем страшном преступлении? Ты бросаешь в лицо твоему божеству такое оскорбление?

Торжественно звучит голос библейского старика.

— Я не оскорбляю Бога. Я не могу оскорб-

лять того, кого люблю всеми помыслами моей души. Это вы — фарисеи — оскорбляете Его!

Волнуется Рахиль Коган.

— Как ты смеешь?! — гремит ей негодующий хор голосов.

— А-а! Вы хотите знать, «как я смею»? Извольте, я вам скажу!

Еще горделивее откидывается прелестная головка «рenegатки».

— Вы — талмудисты. Вы говорите, что бог Иегова запретил переход в иную, чуждую веру. Так. А теперь скажите: почему же вы, мужчины, переходите в «проклятую» христианскую веру? Почему вы, купаясь в «проклятой» купели, кротко говорите: «Крещаюся во Имя Твое, Господи...»

— А-а-ах! — прокатывается по судилищу исступленно-озлобленный крик.

— Вам можно? Вы делаете это потому, что вам выгодно, необходимо сделаться «проклятыми» христианами? А укажите мне такое место в заветах Господа, где бы обман получил оправдание? Вы смеетесь над всеми богами: над русскими, над еврейскими, над маго-

метанскими, буддийскими. Иегова, Христос, Аллах, Будда — для вас звук пустой. Как же вы смеете меня, ради любви и веры в общую справедливость божества, идущую на муки, еще оскорблять? О, великий синедрион, я понимаю, почему ты осудил Иисуса из Назарета!

Не успела девушка окончить слов, как десятки плевков полетели ей в лицо.

— Проклятая собака! Ты умрешь, ибо такой волчицы Израиль не потерпит! Ты надругиваешься над всем священным для нас!

— Ну? — ликовал Мордухай.

— От имени кагала тебе, сын мой, объявляется сокровенная благодарность.

— За что вы меня мучаете? Почему вы схватили, выкрали меня?

Зашаталась Рахиль Коган.

— За то, дочь сатаны, что ты — изуверка проклятая. Отрекись! Вернись опять к нам! Согласна?

— Ни за что!

— Это твое последнее слово?

— Последнее.

— Ребэ Шолом, ваше заключение?

Ребэ Шолом поникнул своей седой головой.

Он хотел говорить громко, торжественно, но голос его дрожал.

Какая-то борьба происходила в нем.

— Я... я, как старший из старейшин кагала, объявляю: несмотря на все попытки и старания наши склонить Рахиль Коган к возвращению в лоно истинно правого юдаизма, мы потерпели поражение. Обуянная бесовской слепотой, Рахиль Коган противится этому, произнося хулу на святую Тору, на нашу святую веру. Посему мы постановляем предать ее камням, пыли и смерти.

Глухонемой старый еврей подошел к столу, за которым заседал трибунал кагала.

Он нагнулся, поднял камень каким-то чудом очутившийся в его руках и бросил его в девушку.

— О! Вот истинный сын Израиля! — захлебнулся в восторге Мордухай.

— Ведите ее!

— Сейчас?

— В Библии сказано: «Не пройдет и часа, как ты, преступившая завет, будешь умерщ-

Влена».

Страшный суд

Глухая местность. Дома остались далеко позади.

— Иди, иди, проклятая! — слышится злобный, гортанный говор.

Четыре палача-еврея тащут девушку.

Рот ее закрыт. Она хочет, мучительно хочет кричать, но не может.

— М-м-м, — вырывается из ее рта.

— Клянусь святой Торой, это так! Этот проклятый Коган, несмотря на всю свою «святость», гнетет нас, бедных евреев. О, знаю я его! Он любит говорить: «Я — первый еврей!» А что он делает для того, чтобы утереть слезы бедняков? Ничего! Я узнал про шалости его дочери. И я поклялся ему отомстить. Вот она, дочь его, которую мы с Морисом выкрали из поезда! Пусть кровь ее упадет на голову его! Пусть мозги ее расплывутся в душе его!

Все страстнее, озлобленнее звучит голос еврея-изувера.

— Иди, иди! О, проклятая!

В глазах красавицы девушки застыл смер-

тельный ужас.

— М-м-м! — безумно рвется она из рук еди-
новерцев.

Забор, дощатый.

К нему подвели «розу потока Кедронско-
го».

И сняли с ее лица повязку.

— Смотри! — крикнули ей сороди-
чи-евреи. — Ну, Рахиль, решайся: или отступ-
ление — или смерть.

Жалобный крик прокатился по унылой по-
ляне.

Там, далеко вдали, виднелись постройки
поселка «Ротомка».

— Господи, что вы со мной делать буде-
те? — дрожит смертельно бледная Рахиль Ко-
ган.

— Что мы с тобой делать будем? По Ветхо-
му завету Бога грозного Адоноя мы будем по-
бивать тебя камнями. И помни, что каждый
камень будет прижиматься к лицу твоему, к
груди твоей.

Рахиль стали вязать и притягивать к особо
сделанному оконцу в заборе.

Грубые веревки больно стискивают изне-

женные руки.

— Отступаешься?

Смертельная тоска давит грудь девушки.

«Господи... вот сейчас... ай, страшно».

Мысль, что сейчас ей в лицо полетят тяжелые булыжники, приводит ее в ужас.

Но язык... ах этот проклятый язык, шепчет:

— Не отступаюсь, палачи! Убивайте... Я иду за правду, за любовь. Какое вам дело до моей души, до моего сердца?

Ее крепко прикрутили к забору.

Несколько евреев подняли камни.

— Закрой глаза, заблудшая дочь Израиля, и повторяй за нами: «Если солнце не светит на меня, значит, я недостойна солнца. Если месяц отходит от меня, горе мне; проклята я во чреве матери своей».

Повторять за ними! Да разве она могла?

Что, какие картины рисовались ей в голове?

Там — один сплошной красный туман. И в этом красном тумане вырисовываются ей дорогие образы жениха ее милого, дорогого Быстрицкого, отца, хотя и непоколебимо сурового, но всегда так нежно ее любившего.

— У-у, проклятая! — прямо к лицу девушки протянулся волосатый кулак одного из фанатиков «своей веры».

— Брось!

Раз! — послышался треск камня о забор.

— Стой! — прогремел голос Путилина.

Из-за забора выскочил Путилин.

— Вы что это, несчастные, делаете? Убийством занимаетесь? А разве вы забыли, что кроме святой Торы есть еще русский храм Фемиды? Кто дал вам право убивать девушку, ни в чем пред вами неповинную?

Рахиль Коган бессильно свесила свою престелстную головку.

— Ай? Это вы?.. Что это значит? — отпрянули библейские палачи.

— Слушайте, господа, я — один среди вас, но не думайте, что убить меня легко — у меня два револьвера. Да, впрочем, я знаю, что вы не убийцы, а просто... религиозные фанатики. Я вас пощажу. Я — Путилин... Вы в моих руках, но даю вам слово, что я вас не привлеку к ответственности. Это дело — ваше частное дело. Бог с вами! Вам самим должно быть стыдно за это изуверство. Ну, живо, давайте,

несите Рахиль Коган!

И понесли.

Когда я увидел Путилина с девушкой, у меня вырвался крик изумления.

— Да неужели?

— Как видишь. Некогда. Надо дать депеши. Начальник станции обомлел.

— Давайте первую телеграмму: «М. — Когану. Дочь ваша отыскана. Приезжайте. «Ротомка». Путилин».

— А теперь давайте вторую: «М. — Быстрицкому. Невеста ваша найдена. Приезжайте. «Ротомка». Путилин».

— Как ты достиг этого, Иван Дмитриевич? — спрашивал я.

— Очень просто. Мне после двух визитов, Когана и Быстрицкого, стало ясно, что тут замешано третье лицо. Кто это третье лицо? Я сразу понял: фанатическое еврейство. Когда я переделся евреем, я отправился в «Ротомку». Почему? Да ты разве не помнишь, доктор, что похищение было совершено на станции, первой от М.? А эта станция — «Ротомка». Я проник под видом глухонемого еврея в дом, где было много света, а остальное... об остальном

я тебе рассказал.

Почти одновременно ворвались к нам Коган и Быстрицкий.

— Отдайте, согласитесь, — усовещивал Путилин Когана.

Рахиль плакала.

— Перст Иеговы... Берите ее! — махнул рукой Коган, обращаясь к Быстрицкому.

Ключ поволжских сектантов

Было начало июня. Жара стояла в Петербурге невыносимая. Камни, казалось, готовы были лопнуть под палящими раскаленными лучами роскошного солнца, столь редкого гостя в холодном, гранитном городе.

Путилин как-то приехал ко мне.

— Я чувствую себя не особенно важно, доктор, — шутливо сказал он мне. Я рассмеялся.

— Держу пари, что ты, Иван Дмитриевич, хандришь по отсутствию знаменитых дел.

Однако я, встревоженный (ибо знал, что мой славный друг не любил жаловаться на нездоровье), подверг его тщательному врачебному исследованию.

Результат получился не особенно благо-

приятный: пульс был вялый, сердце работало слабо, давая неправильные перебои.

— Есть бессонница, Иван Дмитриевич?

— Еще какая! Я не сплю все ночи. Пропиши что-нибудь.

— Что я могу тебе прописать, Иван Дмитриевич? Все эти препараты латинской кухни-паллиативы, а не радикальные средства.

— А какое бы средство ты считал более действенным?

— Полнейший отдых, хотя бы на месяц. Отдых умом и телом. Известные развлечения и перемена мест.

— Куда-нибудь поехать?

— Да, но...

Тут я хлопнул себя по лбу и решительно заметил:

— Но только не на Кавказ!

Теперь в свою очередь рассмеялся мой друг.

— А почему не на Кавказ?

— Благодарю покорно! Я еще до сих пор не забыл проклятого дела о «Страшном духане», правда, создавшего тебе еще более громкие славу и популярность, но поистрепавшего и

твои, и мои нервы. Видеть тебя еще раз убитым, окровавленным, в руках кровожадных ингушей, ей-богу, не особенно приятная перспектива. Знаешь что, Иван Дмитриевич? — мелькнула мне счастливая мысль.

— Что, милый доктор?

— Поедем на Волгу? Чудный, свежий воздух; волшебная панорама поволжских берегов с их быстро сменяющимися картинами, полными чарующей прелести. Новые лица.

— Новые преступления, — улыбнулся Путилин.

— Бог с тобой, Иван Дмитриевич! Тебе во всем и всюду чудятся преступления. Вот первый признак, вот лучшее доказательство твоего мозгового переутомления. Черт возьми, нельзя же в самом деле безнаказанно так злоупотреблять своим мозговым аппаратом. А насчет Волги — не беспокойся. Там — тишь и гладь...

— И Божья благодать?

— Да, да, Иван Дмитриевич! Это не то что «погибельный Кавказ»... Пароход... Комфортабельная каюта... Милые лица отдыхающей, жизнерадостной толпы. Какие преступления?

При чем тут преступления? Отчего? Зачем?

О, старый болван! Если бы я только знал, мог бы предвидеть, что сам, собственными руками, невольно, неумышленно толкал тогда моего знаменитого друга на сыскную авантюру такой марки, перед которой побледили многие наши похождения! Но я не прозорливец, а поэтому усиленно поддерживал мое предложение прокатиться по великой реке Волге-матушке.

Мой друг охотно согласился.

— Да-да... Я чувствую, что надо отдохнуть.

— Дел ведь особенно важных сейчас нет?

— Нет-нет... Я могу сдать их помощнику и взять отпуск.

Мы условились о дне выезда.

Ах, эта дивная красавица Волга! Что может сравниться с ней по мощи, удали, по прелести ее именно широкого раздолья? Один восхитительный вид сменяется другим.

И виды эти не носят следов той противной «прилизанности», чем отличаются «очаровательные пейзажи ослепительного Запада», приводящие в восторг недоумков российской интеллигенции, оплевывающих все свое, род-

ное, милое, близкое сердцу.

Вот горы Жигули. Те самые знаменитые Жигулевские горы, где пировал со своими удальцами Стенька Разин. Красивы они, страшны они своей стихийной силой.

Темной стеной стоят синие леса. Да какие леса! Темные, дремучие поволжские боры, с могучими елями в три обхвата, с соснами, верхушек которых не увидишь без того, чтоб шапка с головы не свалилась.

Поселки, села, маленькие городки сменяются все новыми и новыми.

Вот бурлаки идут бичевой. Далеко-далеко разносится по водному пространству их песнь, вернее, тот стон, про который Некрасов сказал, что этот стон у нас песней зовется:

*Ты взойди, взойди-и-и, солнце красное
Над Волгой-рекой...*

И потом — припев-крик:

И вот пошла, и вот пошла...

Это — баржа пошла, политая потом и кровью русских поильцев и кормильцев.

Мы плыли второй день.

Путилин чувствовал себя превосходно.

Вставали мы рано, выходили на палубу, где полной грудью вдыхали свежий утренний воздух.

Розоватая пелена — предвестник восхода солнца — окутывала красавицу-реку.

— Как хорошо! — вырывалось восторженно у Путилина.

— Чего лучше, — вторил я. — И знаешь, Иван Дмитриевич, что особенно хорошо?

— А именно?

— То, что никто вот не может сейчас явиться и сказать: «Ваше превосходительство, Иван Дмитриевич, на вас только вся надежда! Дело такое темное... только вы одни можете пролить свет на это загадочное убийство... исчезновение... Это вот действительно великолепно!»

Мой великий друг расхохотался.

— Честное слово, доктор, мои клиенты надоели тебе, кажется, гораздо более, чем мне!

— Не надоели, но пора ведь и честь знать. Насели на человека, а до его внутренней жизни, до его здоровья ровно никому нет дела. Вынь да положь! Это отличительно русская

черта — не беречь своих талантов. И потому самое лучшее — хоть на время очутиться на нейтральной почве, на воде.

— Так что «на воде» я вне опасности от чьего-либо покушения на мою драгоценную особу?

— Я так думаю, — буркнул я.

— А... а разве ты забыл, что и на воде у меня разыгрывались сражения? Ты забыл про арест «претендента на Болгарский престол» — корнета Савина на пароходе между Константинополем и Бургасом?

Хотя, каюсь, я и был уличен моим славным другом, так сказать, пойман с поличным, но... попытался вывернуться.

— Так ведь это дело, Иван Дмитриевич, ты начал на суше, а окончил его только на шири водного пространства.

— Браво, доктор! Удачный ответ!

Налюбовавшись вдосталь прелестными видами, надышавшись чудным воздухом, мы спускались, обыкновенно, с палубы в большую общую столовую, где подкрепляли наши грешные тела легким утренним завтраком, сдобренным стаканом-другим кофе.

Так было и на этот раз, с той только разницей, что мы спустились не вместе, Путилин что-то задержался на палубе.

Мое посрамление. полицеймейстер. Странная трагедия на пароходе

Лишь только я спустился с последней ступени лесенки, как столкнулся нос к носу с бравым полковником.

Он вежливо приложился к козырьку белой фуражки и задал мне вопрос:

— Простите, я имею честь говорить с доктором Z.?

Моему изумлению не было границ.

«Откуда он знает меня?»

— К вашим услугам, — ответил я.

— Позвольте представиться: рыбинский полицеймейстер, полковник Дворжецкий.

Слово «полицеймейстер» меня неприятно поразило. Сразу запахло чем-то криминальным.

— Скажите, пожалуйста, доктор, где находится ваш знаменитый друг, наш высокочтимый Иван Дмитриевич Путилин?

Я вздрогнул, насторожился.

«Черт возьми, вот так история! Да неужели наше инкогнито раскрыто?» — подумал я.

Но я решил геройски защищать моего друга.

— Виноват, я вас не понимаю, полковник, почему вы спрашиваете о Путилине. Его здесь нет. Он в Петербурге.

Полицеймейстер хитро прищурился на меня, слегка улыбаясь сквозь пушистые усы.

— Pardon, доктор, мне известно, что знаменитый Путилин находится здесь, на пароходе, — ответил он.

Я начинал беситься.

— То есть почему это вам может быть известно, что Путилин находится здесь?

— Потому, что двое из публики первого класса его узнали. — «Вот, — сказали они, — идет Путилин со своим другом, доктором».

Я пробовал еще не сдаваться.

— Они могли ошибиться, вот и все! — отрезал я. — А... а скажите, пожалуйста, полковник, вы вообще для чего спрашиваете меня о Путилине?

— Извольте видеть, доктор: сейчас в каюте первого класса нашего парохода, где едет из-

вестный рыбинский миллионер, случилось загадочное исчезновение его больного сына. Я лично знаю его, этого миллионера. Он в ужасе. Он бросился ко мне. Я, узнав случайно, что еду вместе с высокочтимым Путилиным, решил обратиться к нему.

— Послушайте, полковник, скрыватья теперь нечего, да, со мной едет Путилин. Но, как доктор, я должен заметить вам, что Иван Дмитриевич нуждается в известном покое, отдыхе. Ради Бога, оставьте вы его в стороне. Неужели, на самом деле, он не имеет права никуда сунуть носа без того, чтобы его не сцапали? Обойдитесь собственными средствами. Вы — власть. В вашем распоряжении — все средства.

— Но, дорогой доктор, просто бы посоветоваться... Я, признаюсь, сам чувствую всю неловкость моего вмешательства... Я вовсе не желал бы беспокоить вашего знаменитого друга, но, поверьте, горе несчастного отца так велико.

— С кем ты говоришь, доктор? — прозвучал голос Путилина. — В чем дело?

По лесенке спускался великий, благород-

ный сыщик.

— Ты так взволнованно говоришь...

Я с отчаянием махнул рукой и отошел.

«Все потеряно! О, проклятье!» — чуть не вслух вырвалось у меня.

Полковник-полицеймейстер так и рванулся к Путилину.

— Я так счастлив видеть вас, ваше превосходительство. Признаюсь, ваш друг, доктор, не хотел допустить меня до вас.

Полицеймейстер представился.

— О, мой милый доктор меня оберегает! Что такое? Что случилось?

Полковник пролепетал те же слова, что и мне. Путилин, улыбаясь, обратился ко мне:

— Итак, доктор, на воде безопасно?

Конечно, только я один понял тонкий сарказм этого вопроса моего друга, полицеймейстер просто глупо хлопал глазами.

— И никто, доктор, «на шири водного пространства» не смеет меня арестовать?

— Оставь! Не добивай! — со злобой вырвалось у меня.

Путилин сразу видоизменился. Вместо добродушного туриста перед нами стоял невоз-

мутимо спокойный, строго официальный, служебный Путилин.

— Ну-с, ведите меня к вашему миллионеру, полковник.

Каюта рыбинского богатея находилась почти рядом с нашей, через одну.

Полковник вошел первым и подошел к сидящему в позе глубокого отчаяния красивому старику с большой окладистой бородой.

— Вот, Пров Степаныч, единственный человек, который может помочь тебе. Кланяйся и проси. Это его превосходительство господин Путилин.

Старик порывисто вскочил с дивана.

— Явите божескую милость, ваше превосходительство! — старик был очень взволнован.

— Хорошо, хорошо. Сядемте и давайте беседовать. Что с вами стряслось? Я слышал, у вас с парохода исчез сын?

— Да, ваше превосходительство.

— Ну, теперь отвечайте мне на вопросы. Сколько лет вашему сыну?

— Двадцать восьмой пошел.

— Холост? Женат?

— Год, как женился, а только можно сказать, что холостой он.

— Как так? — удивился Путилин.

— Такая уж странная оказия вышла. Почти насильно пошел он под венец, по моему настоянию. А как женился, так даже ночки одной с женой молодой не провел.

— Что за причина? Полковник мне сейчас сказал, что сын ваш — больной. Чем он болен?

Старик миллионер сокрушенно развел руками.

— А так, что сам ума не приложу, ваше превосходительство. С виду, телом — молодец из молодцов; нельзя сказать, чтоб и рассудком поврежден был, а только чудной какой-то, словно сам не свой, потерянный, вроде на порченого похож.

— Поясните мне, в чем порча-то его заключается, — продолжал опрос мой друг.

— Очень уж на божественное все лют. День и ночь все молится, так и бьет поклоны, так и бьет. Я это его урезонивать начну бывало, что это ты, дескать, Андреюшка, в монахи что ли записался? Али грехов уже столько на-

делал, что отомолить их не можешь? А он это так странно поглядит на меня и тихо, покорно отвечает: «Облеплены мы, батюшка, грехами мира, яко смоква червями». Жену его к нему подсылал все. Красавица-девушка! Авось, думаю, разгорится, образумится, в норму войдет. Та, бедняжка, и так к нему, и эдак. Плачет! Известно дело, что ей за сладкое житье быть, значит, замужней девицей? «Что я тебе сделала дурного, желанный мой, что ты на меня не глядишь, гнушаешься мною?» А он ласково погладит ее по головке и скажет: «Не гнушаюсь я тебя, голубка, а люблю тебя, как сестру мне богоданную, так и будем жить, потому все иное душу грехом оскверняет».

— Религиозный фанатизм, — тихо пробормотал Путилин. — Скажите, откуда вы едете?

— В Москве был, ваше превосходительство. Нарочно его, Андреюшку, с собой взял. Думаю, развлечется... К Иверской, к Трифону возил его.

Путилин живо спросил:

— Вы осматривали себя? Он ничего вам не оставлял перед исчезновением? Вы спали, наверно?

Старик миллионер полез в карманы и из одного вынул записку.

Его даже дрожь пробрала.

— Ага! Дайте-ка мне ее...

Путилин прочел вслух:

«Прощайте, батюшка, на сем свете мы с вами не увидимся. Сын ваш Андрей».

Пров Степанович покачнулся.

— Это... это означать должно, что он жизни лишиться себя порешил? — произнес он заплетающимся языком. И глухо, нудно зарыдал. Тяжелая была картина! Путилин ласково положил руку на плечо старику.

— Успокойтесь, голубчик, погодите отчаиваться. Эта записка еще не говорит, что он решился на самоубийство.

Путилин посмотрел на часы.

— Вы не можете сказать, когда приблизительно, в котором часу вы заметили исчезновение вашего сына?

— Часа два тому назад, — вмешался полицеймейстер.

— Да-да...

— Вы спали? Сколько времени вы спали?

— Я не мог долго спать... засыпая, я видел его. Если и прикурнул, так не больше, как на часок... Короткий сон у меня в дороге.

— Стало быть, это могло случиться часа три тому назад...

Путилин пошел из каюты.

— Я вернусь сейчас. Мне надо повидать капитана.

И Путилин действительно скоро вернулся.

— Что же мне с вами делать, Пров Степанович? — обратился он к убитому горем отцу.

— Помогите! Полковник наш, — миллионер указал на рыбинского полицеймейстера, — на вас, как на последнюю надежду указал.

— И жалко мне вас, Пров Степанович, да и себя-то я чувствую неважно. Дело очень запутанное, странное.

— Ваше превосходительство, помогите старику! — тихо, взволнованно произнес полковник. — Хороший он человек. Столько добра оказывает бедным, столько благотворительных учреждений основал в Рыбинске.

— А вы не справитесь? — спросил поли-

цеймейстера мой друг.

Тот откровенно махнул рукой.

— Как перед Истинным говорю: ровно ничего не понимаю.

Путилин задумался.

— Ну, что делать! Судьба, значит. Хорошо. Попытаюсь.

И обратился к старику, поволжскому купцу:

— Карточки у вас нет с собой вашего исчезнувшего сына?

— Нет, ваше превосходительство.

— Ну так опишите подробно приметы.

Старик начал описывать их.

— Доктор, — обратился ко мне мой великий друг, — скоро будет остановка. Пароход пристанет к пристани у какого-то крупного села. Скорее собирай наши чемоданы, мы высадимся здесь.

Я бросился в нашу каюту.

«Черт возьми, вот так «прогулка» по Волге!» — ругал я сам себя.

Пров Степанович, поволжский купец-миллионер, со слезами на глазах благодарил Путилина.

— Вовек не забуду, ваше превосходительство! В ножки поклонюсь... Господи, чем только отблагодарить вас смогу?

— Ладно, ладно. Если что узнаю, буду сообщать полковнику. Вы к нему навещайте. Ну, пароход причаливает. Это Кречетово?

— Да, ваше превосходительство.

— Доктор, готов?

Я стоял с двумя чемоданами. Полицеймейстер облегчил меня одним.

— Ну, до свидания, господа.

Протяжный унылый звук пароходной сирены прокатился по широкому водному пространству великой реки.

Миллионер-волжанин припал на грудь моего славного друга.

— Спасите... вызвольте... найдите... Простите старика: я совестливый человек... Стыдно мне такого большого человека, как вы, беспокоить, да горе-то мое уж больно велико. Господи, сына потерять! Легко ли?

Путилин по-русски трижды облобызался с купцом.

— Все, что в силах... все, что смогу...

Капитан почтительно повел Путилина к

трапу.

Из каюты опять донеслись рыдания старика.

На перепутье

Недолго стоял пароход. Скоро, посылая нам прощальные клубы дыма, он отчалил, поплыл вверх по Волге. В душе я посылал проклятья и этому полицеймейстеру, и этому поволжскому миллионеру, проспавшему своего полоумного сына.

Пристань была убогая, пустынная какая-то.

На порядочном расстоянии от нее, на отлогой горе, широко раскинулось большое богатое село.

Путилин посмотрел на часы.

— Теперь — четверть двенадцатого. Пароход, как мне сказал капитан, должен быть здесь в два часа дня. Значит, в нашем распоряжении — порядочное количество времени.

— Какой пароход? — спросил я.

— Тот, который остановится здесь.

— Так почему же мы высадились, а не поплыли дальше на том пароходе, который

только что отошел?

Путилин улыбнулся.

— Я сильно боюсь, доктор, что лечить от нервов придется не тебе меня, а мне тебя.

— Да пойми, я ровно ничего не понимаю. Какой тебе, Иван Дмитриевич, нужен еще пароход?

— Тот, который повезет нас обратно.

— Как обратно? Зачем мы поедем обратно?

— Это уже мое дело. А скверно то, что первый раз в моей практике я очутился в глупом положении: я — без рук.

— Как без рук? — уставился я на моего великого друга.

— Очень просто: я выехал налегке, без моего чемодана. Понадеясь на тебя, я не взял с собой ни костюмов, ни грима. Теперь вертись, как знаешь.

— Так ты серьезно решил, Иван Дмитриевич, взяться за раскрытие этого диковинного дела?

— Как нельзя более серьезно.

— Но скажи, ради Бога, неужели тебе стало что-либо понятным из этого дурацкого приключения? А если этот полоумный молодой

отпрыск волжского богатея чебурахнулся головой вниз в Волгу? Что же: ты и на дне реки будешь его разыскивать? Между нами говоря, его записка сильно напоминает: «В смерти моей прошу никого не винить».

Путилин отрицательно покачал головой.

— Нет, в воду он не полезет.

— Ну, так на суку удавится! — желчно вырвалось у меня.

— И этого он не сделает. Вообще, так, такой добровольной смертью он не покончит с собой. Однако нечего болтать. Время бежит... Ах, если бы я мог это предвидеть, если бы я мог!..

Наступила знакомая мне длинная пауза, «путилинская». Потом, встрепенувшись, он подозвал одного из сторожей пристани.

— Вот, любезный, чемоданы. Мы пойдем в село. Сохрани их. Держи целковый. Мы вернемся сюда к пароходу в два часа дня.

Мы быстро шли по главной улице села.

Это было действительно богатейшее село, напоминающее целый городок.

— Куда мы направляемся, Иван Дмитриевич? — спросил я Путилина.

— В церковь.

— Это для чего же, смею спросить?

Путилин не отвечал.

Поведение моего друга казалось более чем странным. «В церковь... При чем тут церковь?» Хотя я и знал его как человека в высокой степени религиозного, но все же обстоятельство это меня весьма удивило.

На нас, элегантно одетых, лиц незнакомых, местные обыватели глядели удивленно, разинув рты.

Около церкви, богатой, сверкающей золотыми куполами, нам повстречался старик, похожий на церковного сторожа.

— Где, любезный, живет пономарь церкви? — обратился к нему Путилин.

Тот, уставившись на нас подслеповатыми глазами, долго молчал, а потом глухим старческим голосом проговорил:

— А вон евойный домишко.

Путилин, сунув старику монету, подошел к скромному домику пономаря.

На пороге сидел, греясь на солнце, высокий тощий человек в засаленном подряснике, с копной полуседых несуразных волос.

— Вы пономарь этой церкви? — спросил властно Путилин.

Тот при виде важного барина быстро вскочил.

— Я-с.

— Могу я с вами разговор иметь приватный, секретный?

— По... пожалуйста, — пролепетал удивленный пономарь.

Он пригласил нас в свое неказистое помещение, в котором, однако, чувствовался известный достаток.

— Что... что угодно вам, господин? — приглашая нас сесть, обратился пономарь к Путилину.

Мой друг внимательно осмотрел церковнослужителя.

— Гм... рост подходит — как будто будет впору... а вот как с доктором быть? — бормотал он.

Помомарь глядел на нас испуганно, почти с ужасом.

— Виноват, господин... что вам угодно?

Голос его дрожал. В глазах светился страх.

— Что мне нужно? Ваш подрясник, почтен-

нейший.

— Мой подрясник? Зачем?

— И при этом я добавлю: нет ли у вас еще более старого?

Пономарь перекрестился, широко, истинно поволжским крестом.

— Чур, чур, чур меня! Наваждение.

Путилин, улыбаясь, вынул бумажник.

— Вот что, любезный: деньги любишь?

И он, раскрыв бумажник, вынул двадцатипятирублевую бумажку.

— Так на, держи! А подрясник скидывай и давай мне.

Пономарь совсем растерялся.

— Это... для чего же?

— А для того, что он мне надобен. Да вот, кстати, подыщи еще какой-нибудь иной, самый захудалый. Ну-ну, живо: двадцать пять рублей, чай, деньги немалые.

Пономарь исчез.

Путилин стал быстро гримироваться.

Чем, вы думаете? Спичкой, простой спичкой! Он, обуглив ее, рукой гениального мастера-гримера провел несколько резких черт на лице. Затусевал... Новой спичкой еще доба-

вил, третьей — оттенил впадину глаз, морщины у щек. Свои великолепные бакенбарды соединил в одну длинную-длинную, узкую бородку.

Ликующий пономарь притащил такую рвань, что я только подивился.

— Одевай на себя, доктор! — приказал мне Путилин. — А я одену вот этот. Ну, скидавай!

Пономарь трясущимися руками скинул с себя свой черно-порыжелый балахон.

— Чудесно, чудесно! — довольно бормотал Путилин.

Пономарь стоял ни жив ни мертв.

Лицо его было глупо до такой степени, что я не мог, несмотря на всю трагикомичность этой минуты, удержаться от смеха.

— Ну, теперь слушай меня внимательно, отче пономаре, — начал Путилин. — Садись. Ах, да, веревку дай, простую, да скуфью. Еще заплачу.

Я невольно залюбовался Путилиным: какая поистине волшебная перемена в нем! Передо мной — сгорбленная фигура не то расстриги-монаха, не то выгнанного заштатного дьячка.

— Держи еще десять рублей. Доволен?

— Милостивец... господин, — лепетал испуганный донельзя пономарь.

Я чувствовал себя отвратительно в засаленном, дырявом пономарском балахоне.

— Язык умеешь держать за зубами?

— Прилипе язык мой к гортани!.. Нем, безгласен, яко жено Лота во столбе соляном, — быстро-быстро проговорил искушенный дьяволом (так он потом рассказывал) пономарь.

— Слышал ли ты что-нибудь о тайных раскольничьих скитах?

— Слыхивал, благодетель, как не слышать.

— Много их здесь у вас, на Волге?

— И-и! Сила!

— Где их больше?

— Да везде много. Вся Волга полна сими вероотступниками. В лесах, на горах хоронятся они, яко звери хищные, от взоров человеков.

Поболтав еще с пономарем, чтобы убить время, подкрепившись молоком, яйцами и черным хлебом, мы вернулись на пристань.

С огромным трудом нам удалось отстоять свои чемоданы. Сторож ни за что не хотел верить, что мы те лица, которые оставили ему

на сохранение чемоданы.

— Те господа важные были, а вы бродяги чернохвостые, прости Господи.

— Да нечто у бродяги может быть столько денег? — спросил Путилин, показывая сторожу толстый бумажник.

— А может, вы убили кого, ограбили, — стоял на своем верный хранитель наших чемоданов.

Только после того, как мы сказали, что лежит в чемоданах сверху и сторож проверил это, он отдал нам их, глупо тараща на нас глаза.

В делях заповедных поволжских лесов

Через три с половиной часа мы сошли с парохода. Это тоже было село большое и богатое. Позади него чернел красавец-лес, высокий, могучий.

— Знаешь, доктор, никогда, быть может, я не выводил своей «кривой», основываясь на столь шатких данных, как в этом случае.

— Ты говоришь, Иван Дмитриевич: шаткие данные. А по-моему, — совсем данных нет. Человек исчез с парохода... А куда он девался? Да Бог его знает...

— Ты прав, доктор. Моя кривая построена исключительно почти на одном инстинкте, который иногда меня и обманывает. Ну-с, в этом селе, доктор, нам надо заготовиться провизантом, ибо нам предстоит несколько дней и ночей провести в лесу.

— Где? — даже подскочил я.

— В лесу, — невозмутимо ответил он.

— С нами крестная сила! Этого еще только не хватало! Мы что же, на съедение диким зверям направляемся?

Мой великий друг усмехнулся.

— На съедение... Гм... В самом деле, как бы не попасться в лапы лесных зверей.

Мы входили в село.

Путилин довольно громко затянул какой-то псалом.

Он держался за мою руку, словно слепец, которого ведет поводырь.

— «И-и-и хо-ди по стопам Иисуса», — пел он высоким, дрожащим старческим голосом.

Помню, как сейчас, к нам подошла какая-то сердобольная старушка и подала мне копейку. Эту копейку я храню до сих пор.

Не знаю, по какому случаю, но на улице села был сход. «Общество» православных мужичков с жаром обсуждали свои сельские дела.

Путилин подошел к сходу.

— О, горе, горе! — громко начал он, высоко потрясая палкой. — Горе нам, несть бо числа нечестивцев, оскверняющих веру нашу единую, православную.

На нас обратили внимание.

— Это кто же такой будет?

— Откелева такой взялся?

— Юродивый... блажной, должно.

Все, видимо, заинтересовались, ибо юродивые всегда пользовались большим почетом на Руси православной, недаром даже цари бледнели пред обличительными речами «блаженненьких».

Путилин входил все в больший и больший обличительный пафос.

— И каркают враны раскольничьи над головами нашими, тучей темною полегли они по полям, по горам, по лесам.

— Ты это насчет чего, дедушка? — обратился какой-то парень к Путилину.

— Нишкни! Нетто не слышишь, про что божий человек речь держит? Известно дело, правильно говорит: тучей залегли раскольники, сколько наших к себе переманили.

— Верно! Верно!

— И аз, раб многогрешный, по слову Господа моего решит к нечестивцам стопы моя направить спасения душ их ради и для. Покайтесь, опомнитесь! — тако буду глаголить, зане близок час страшного судилища Христова. Испепелит вас дождем — смолой огненной! О, змии хитрые! За скобку нашу хватаетесь, ру-

цы тряпкой обвязав, дабы не оскверниться, а за перси блудной Девицы — голою рукой.

Я еле удержался от хохота.

«Мир» разразился веселым смехом.

— Ай да Божий человек! Верно, братцы, ввернул он! Первые они блудники! Все о смиренстве канючат, а сами бабы ни одной не пропустят!

— Реките, братие мои возлюбленные: мнозили суть тамо но, во лесе темноме, нечестивцев?

И Путилин указал дрожащей рукой на черневший вдали поволжский бор.

— Много, много, дедушка! Хоронятся там... и в землянках, и в срубках деревянных. Апосля, значит, как это царский чиновник Павел Иваныч¹ нагрянул на них, еще пуще стали хорониться.

Второй день мы находились в дремучем бору.

Вернее, вторые сутки.

Во многих местах по розыскам довелось мне быть с моим другом, но до лесу мы еще не доходили.

Честное слово, у меня мелькала тревожная

мысль: уж не сошел ли с ума Путилин?

Тревожное чувство все росло, усиливалось.

— Иван Дмитриевич! — робко обратился я к нему на вторые сутки нашего пребывания в лесу.

— Что, доктор? — спокойно спросил он, продолжая невозмутимо шагать все вперед и вперед.

— Скажи, пожалуйста, как ты себя чувствуешь?

— Если хочешь, послушай мой пульс. Я чувствую себя превосходно.

— Серьезно?

— Как нельзя более. А ты полагаешь, что я рехнулся?

Что мне оставалось делать? Только одно: покориться и плыть по течению.

Мы обратились в настоящих пустынножителей, обитателей лесных дебрей и, если не питались акридами и диким медом, то только потому, что еще оставался запас незатейливого провианта, захваченного нами в селе.

— Помилуй Бог, доктор, могли ли мы какую-нибудь неделю тому назад предположить, что нас судьба забросит в поволжский

дремучий бор? — весело спрашивал меня Путилин.

— Да, признаюсь, — кряхтел я.

Я поражался неиссякаемой бодрости духа Путилина.

«Что за стальная сила воли!» — восторгался я мысленно им.

— Не напоминает ли тебе, доктор, наше странствование увлекательных походов героев Майн Рида в девственных лесах Америки? А?

— Есть тот грех. Хотя...

— Что хотя?

— Хотя довольно любопытно видеть действительного статского советника, господина начальника Петербургской сыскной полиции в роли какого-то команча — Орлиного Глаза, и доктора медицины — в качестве его оруженосца.

Путилин громко смеялся.

— Ей-богу, доктор, меня на старости лет это приводит в восхищение: ты посмотри, какая благодать разлита вокруг нас!

В заповедном поволжском бору было действительно величественно-прекрасно.

Лучи солнца, прорвавшись сквозь могучую зелень леса, заливали столетние дубы, сосны, ели своим ярким золотистым светом.

Как чудесно пахло могучим бором!

Этот воздух, напоенный бальзамическим ароматом сосен, ягод, грибов, мха, папоротника, так и вливался в грудь широкой волной.

— Вот ты мне рекомендовал, доктор, нервы укрепить, отдохнуть. Да разве это не отдых?

— Ну, положим, хорошее ли укрепление нервов, когда каждую секунду ожидай какого-нибудь сюрприза то в лице Михаила Ивановича Топтыгина, то в образе лесных разбойников?

— Э, полно, не трусь, доктор. Во-первых, медведь не тронет, а во-вторых, у нас с тобой три револьвера. Стрелять мы с тобой оба умеем. Что касается «разбойничков» — так они повывелись.

— Могу я задать тебе несколько вопросов, Иван Дмитриевич?

— Сколько угодно.

— Чего ты добиваешься?

— Отыскать сына рыбинского миллионе-

ра.

— Здесь? В лесу?

— Вот именно: здесь, в лесу.

— Но почему, на каком основании?

— Видишь ли, человек он «созерцательный», один из тех своеобразных мистиков, которых то и дело выдвигает наш великий черноземный народ. Его куда-то все тянет с победной силой. Ему тесно, противно среди обычных людей, с их будничными, пошло прозаическими интересами, помыслами. Такие люди обязательно создают себе особый духовный мир.

— Маньяки...

— Возможно. У всякого человека есть своя точка. Молодой Арефьев (такова была фамилия рыбинского богатея) свихнулся еще на почве религиозного фанатизма.

— Но почему ты полагаешь, что он попал именно сюда, в этот лес?

Путилин усмехнулся.

— Потому что высадиться с парохода он мог только на пристани этого села. Об этом я осведомился у капитана. В селе ему делать нечего.

— Почему?

— Да потому, что это село — загульное, хмельное, как все крупные поволжские села. А загула и хмеля он органически не переваривает.

Все с большим и большим удивлением глядел я на моего друга.

Он говорил обо всем этом с такой уверенностью, словно все ему было безусловно известно.

— Ты помнишь, доктор, текст записки исчезнувшего сына миллионера, которую он оставил отцу и которую я прочел вслух в каюте?

— Помню.

— Так изволишь ли видеть. В ней, читая, я пропустил четыре слова. Только четыре слова. Пропустил я их умышленно вот почему: во-первых, я не хотел наносить лишний удар несчастному отцу, с которым того и гляди мог сделаться удар, а во-вторых, в ту секунду и для меня самого смысл этих четырех слов был темен, неясен...

— А теперь?

— Пораздумав, я вывел «кривую». Ошибся

я или нет, покажет будущее.

— Ты мне не скажешь, что это за слова?

— Зачем? Если мы потерпим поражение — этим делу не поможешь; если мы победим — тебе все будет ясно и понятно потом.

Ночевали мы под развесистыми елями. Под голову — кулак, под спину — древесные сучья. Это действительно пахло Купером и Майн-Ридом! Я замечал, с каким мучительным напряжением всматривался Путилин в окружающий нас лес, в дороги, тропинки, в стволы деревьев. Словно он увидеть хотел что-то незримое.

— Гм... странно... вторые сутки на исходе... Или мы заблудились, или двуногие бегуны схоронились еще дальше.

— О каких двуногих бегунах ты говоришь, Иван Дмитриевич? — спросил я, удивленный.

— О, страшны они, доктор, гораздо страшнее других лесных обитателей, вроде волков или медведей!

Потом, помолчав, он положил свою руку мне на плечо.

— Имей в виду, доктор: если нас сведет судьба с людьми, кто бы они ни были, ты при-

Творишься неммым.

— Неммым?

— Да-да.

— Это зачем же?

— Так надо. А впрочем, я тебе поясню. Ты ведь текст Святого Писания знаешь неважно?

— Отвратительно. Как доктор медицины...

— Знаю, знаю. В этом-то вот и вся штука, что ты можешь ошибиться.

Вдруг Путилин потянул воздух носом.

— Ого! Дымком потянуло. Так-так...

Тайник изуверов-фанатиков

— **С**той! Кто идет? — послышался резкий, грозный окрик.

Путилин схватил меня за руку, выразительно пожав ее.

Из-за густой чащи деревьев, скрывающих еле заметную тропку, выросла перед нами огромная мускулистая фигура рыжего детины, одетого в белую холщовую рубаху.

— Стой! Кто такие? Откуда?

Мрачно, подозрительно горят узкие щелки глаз.

Волосатая рука, способная ударом убить

медведя, сжимает толстенный сук-палку.

Путилин сразу преобразился.

Согнулся, задрожав мелкой старческой дрожью, и прошамкал:

— Малость слепенький со немым глухим, раб божий Сиона горняго!

— Ну-ка, дай воззриться на тебя, старче! — лесной двуногий медведь пристально и подозрительно уставился на нас.

— Веры какой? — прозвучал новый резкий вопрос.

— Праведной, — ответил Путилин.

— Всяка вера праведна для тебя и меня. Ты-то какой?

Я, каюсь, испытывал пренеприятные минуты. Этот лесовик не внушал мне ничего, кроме отвращения и страха. «Пронеси создатель!

Влопались, кажется» — пронизывала меня мысль.

— Я-то какой веры? — продолжал шамкать Путилин. — А бегунной, той, что во лесах дремучих хоронится от насильников проклятых, той, что со зверьми беседушку ведет, а не со смутьянами.

Этот ответ, по-видимому, расположил рыжего детину в нашу пользу.

— Так ли? А твой приятель — так же верит?

— А ты поспрошай его: коль немой — так ответит, коль глухой — так услышит.

Путилин дико, страшно расхохотался старчески-дрожащим хохотом.

— Ого-го-го-го!.. — прокатился крик.

Задрожал дремучий лес.

Эхо подхватило исступленный хохот старого «фанатика» и гулко разнесло его по окрестности.

Путилин к вящему моему ужасу и изумлению стал приплясывать, словно одержимый бесами.

Он размахивал руками и потрясал своей шапкой-скуфьей.

— Ой, сруб, мой сруб! Вы горите, поленца мои, вы сверкайте, уголечки мои! Ой, верушка моя, ой, желанная моя!

— Наш! Наш! Наш! — дико взвизгнул «сторожевой» парень, охраняющий вход в тайник сектантов-изуверов.

Он стал тоже приплясывать.

Чувствуя, что и мне, собственно говоря, следует принять участие в этой непонятной для меня, какой-то чисто языческой пляске, я тоже завертелся.

Какие «рас» я откалывал — ведает один Аллах, пророк его — Магомет, да засыпающий поволжский бор.

Я тоже выкрикивал — мычанием немого — какие-то звериные звуки.

— Ой, зажгись, ой, очисти!

— И зажжется, и очистит!

С меня градом катил пот.

Путилин выхватил из-за пазухи деньги (довольно порядочную пачку) и показал их «сторожевому».

— У них взял! У них, проклятых, взял! Нам принес, нам принес. Ой, веди меня к старшому, поклонюсь ему серебром, золотом!

Окончилась дико-фанатическая пляска.

Я еле переводил дух.

— Ну, идемте, братушки мои любезные. Притомили вы, ноженьки свои, по тропиночке нашей идучи.

Мы шли по узкой-узкой тропинке. Вскоре показались строения. Можно ли, собственно

говоря, назвать строениями те странные «постройки», которые я увидел? Это было все что хотите: то — большие муравейники, то — огромные норы кротов, но только не жилища людей.

— А скажи, паренек, давно срубы не горели? — шамкал Путилин.

— Ох, давно, отец мой во Христе Иисусе! Давно!

Путилин гневно потрясал палкой.

— Аль и вы во власть лепости антихристовой впали? Али и вы забыли, за мирской скверной, глаголы писания: «Аще веруйте, из печи огненной изведу вас невредимыми?» Огонь — все очищает, чрез огонь — прямая дорога ко Господу.

Страшный «лесовик»-сектант как-то взвизгнув, всхлипнул.

— Слушай же, отче, слушай... В ночь сию возгорится сруб.

— Ой ли? — фанатично «затрепыхал» Путилин.

— Тако реку. Истинно.

На небольшой поляне, со всех сторон густо прикрытой вековыми елями, из нор и щелей

выползали люди.

Страшное это было зрелище.

Словно таинственные обитатели подземного царства, выходили старухи, старики, молодухи и юницы из недр земли. На фоне уснувшего черного леса их белые рубахи особенно ярко выделялись.

Тихое, заунывно-протяжное пение оглашало тайник:

*Норушка ты, норушка,
Подземная норушка!
Свет Христов сияет здесь
Во тебе — во норушке.*

Печальным, унылым, за душу хватающим напевом разносится по заповедному поволжскому бору эта странная песня.

Невольно у меня мороз пробежал по спине.

«Господи, да что же это? Хлысты? Нет. У тех совсем не так. Скопцы? Нет. И у тех иначе. Так что же это такое?»

Я чувствовал, что у меня волосы поднимаются дыбом. А песня, на минуту затихнувшая, вновь звонит своими унылыми переливами дрожащих мужских и женских голосов:

*Бегунцы мы — подземнички
Да Христу вернослужники.
Там живем, где взялися мы,
От земли в пепел ссыпимся¹.*

К маленькому седенькому старичку подвел «сторожевой» Путилина. Я скромно стоял позади его.

Сердце билось в груди неровными скачками.

— Вот, свет-батюшка, и еще гостей неожиданных Иусе послал! — с низким поклоном проговорил он.

Маленький старик впился в нас, главным образом в Путилина, острым, колючим взором.

— Откуда?

— От поганой рати ко славному стану царя истинного всеправедного.

И вдруг, опять безумно захохотав, он выхватил пачку денег и протянул их сморщенному изуверу-сектанту.

— Ой, жгут, проклятые! Жгут! Много роздал я черным вранам, чтоб не тронули меня, а с остаточками пришел к тебе, царь-батюшка, ключу источника воды живой, что горит

ярким пламенем.

— Видел кого? Враны где черные? — сгреб деньги «батюшка-царь ключа огненного источника».

— Ой, туча грозная вран собирается, каркают враны, на добычу собираются! Ой, горенько нам лютое, нестерпимое!

— Толком говори!

— Ой-ой-ой! Расступитесь вы сосны могучные, вы встряхнитесь, елочки душистые! Вы поплачьте над нашим тайничком, тайничком верным, прихотливым!

— Сведи старика! Дай попить ему, поесть медушку... А кто это с тобой?

— Раб наш верный Еремеюшка, без ушей, без гласа велия...

Нас повели дальше.

Низкий, низкий вход. С трудом пролезть можно.

Сыро... Влажно. Землей так и пахнет.

В норе-подземелье находилось несколько человек. Тут были мужчины и женщины.

У женщин волосы были расплетены.

Все — и мужчины, и женщины — были в длинных белых рубахах.

Посередине темной дыры-логовица, тускло озаренного тонкими восковыми свечами, сидел высокий рослый молодой человек с небольшой курчавой бородкой.

Страшный «привод» изуверов

— Царь-батюшка, милостивец идет! — слышались голоса.

Но при виде нас смолкли.

Не те пришли!

Около молодого человека, босого, в рубахе, опоясанной веревкой, бледного, как мел, суетились эти ужасные подземные двуногие кро-
ты.

— Холодно тебе, батюшка? — шамкала какая-то отвратительная старуха.

Молодой человек, как автомат, отвечал:

— Согрею ноги мои на огне праведном!..

— А не будет тебе жарко, батюшка?

— Град ли идет, огонь ли дождем сыплется — все едино: в Иисусе, сыне Божиим, живу.

На нас не обращали никакого внимания. Должно быть, под масть мы подошли к этой дьявольской, именно дьявольской обстановке.

— Идет! Идет! Сам царь-батюшка идет! — прокатилось по подземелью.

Предшествоваемый сонмом своих верных голубков и голубиц, спускался в душную приводную подземную горницу худенький старичок.

И в ту минуту, когда нога его вступила на порог «горницы», грянул хор:

*Возвеличу тебя, Иисусе Христе,
Сопричислюся к сонму святых.
И на срубе смолистом, срубе
большом
Убелю мою душу навеки.*

Все встали и поклонились низким поясным поклоном.

— Слава тебе, старшой батюшка-царь!

— Извека веков, слава тебе!

Тихой, степенной походкой подошел «сам-батюшка» к молодому человеку в белой рубахе.

Встал тот. Стоит. На лице — ни кровинки. Но глаза... эти глаза! Сколько восторженно-безумного экстаза горит в них!

— Чадушко мое, чадо богоданное! — начал пророк изуверов глубоко-проникновенным

голосом. — Почто стоишь ты среди нас?

— Стою, потому веру истинную воспринял я.

— Кто учил тебя вере нашей?

— Посланец от вас, брат во Христе — Димитрий.

Старец обвел взглядом властных глаз «собрание».

— Чадо Димитрий, выходи.

Вышел Димитрий.

— Ты наставлял? Ты приуговаривал?

— Я.

— И ведомо тебе, что твой приемник готов к великой жертве во славу Иисуса?

— Ведомо.

— Так готовь его!

Приводник подошел к молодому обреченному «на славу искупления лепости земной богомерзкой».

— Все помнишь?

— Все.

— Не отречешься?

— Не допущу дьявола угнести дух мой.

Приводник трижды окропил молодого человека водой.

— Из ключа вечного, темного подземного, из ключа воды живой — во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Я в ужасе поглядел на Путилина.

Тот, в своем странном пономарском балахоне, был невозмутим.

Лицо было бледно, бесстрастно, как всегда, когда Путилин собирался дать генеральное сражение.

Я хотел — и как мучительно хотел! — сказать ему, что тут происходит нечто такое, от чего волосы поднимаются дыбом, но... я ведь был нем.

— Чадо мое, чадо возлюбленное! Приближается час твой... Будь же тверд в вере твоей, в вере нашей. Ведите его!

Твердо, с ясным лицом, светлым, одухотворенным удивительной силой и красотой духа, пошел к выходу из подземелья сектанской норы молодой человек.

Все взяли в руки зажженные факелы: «Со святыми упокой, раба Андрея — бегуна-славца», — грянули голоса.

Я был близок к обмороку. Великий Боже, да что же это такое: сплю я иль грежу наяву?

Процессия вышла на темный свет заповедного бора. Факелы бросали красноватые блики на толстые стволы вековых сосен: «И огнем огненным крестишься во славу Исуca, и душу свою сквозь пламя спасеши...»

Лес замер. Притихли ночные птицы. Вся природа содрогалась, мнилась от ужаса того, что сейчас должно произойти.

Молодого человека подвели к срубу.

— Входи! — слышится властный, резкий приказ. Со свечой-факелом в руке вошел в «смертный» сруб «обреченный».

— Пой: «Во Имя Твое, Исуce, предаю тлену и праху души вечной покров богомерзкий. Аше верую и исповедую, несть бо спасения души без очищения огненного».

И он, этот несчастный, запел:

— Зажигай огонь вечный, нетленный, единый во спасение сынов человеческих.

Сухое дерево вспыхнуло. Языки пламени жадно лизнули бревна «сруба священного».

— Ах! — вырвался у меня крик, полный смертельного ужаса.

И в ту же секунду похоронное пение заживо сжигаемого было заглушено гулким вы-

стрелом револьвера:

— Изуверы! Проклятые! Ни с места!

Одним прыжком бросился Путилин на загоревшийся сектантский костер и схватил бедного полоумного сына рыбинского купца.

— Андрей Провыч, голубчик, да что ты делаешь с собой?!

— А-а-ах! — огласил вековечный бор безумно-испуганный крик «самосожигателей». — Дьявол! Сатана явился!

Путилин для устрашения выстрелил еще несколько раз.

Потухли факелы... Белые фигуры изуверов скрылись в недрах бора.

Я не буду вам рассказывать подробно о нашем возвращении. Это заняло бы слишком много времени. Скажу одно, что мы доставили «Андреюшу» его отцу.

— Какие были эти четыре слова, Иван Дмитриевич? — спросил я после моего друга, которого чествовал весь Рыбинск.

— Эти слова были: «Сруб тесовый огнем очищает». Когда я раскусил это, я понял, что речь идет о сектантах-самосожигателях.

Триумф Путилина был полный.

Клуб червонных валетов

Осмотр покупаемого дома. У нотариуса

— Как вы понимаете сами, дорогой господин Добрый, — сказал мне доктор Z, — я коснусь в рассказе о клубе червонных валетов этом знаменитом процессе — только тех выдающихся эпизодов, в которых принимал участие мой славный друг — Иван Дмитриевич Путилин.

К числу таких эпизодов относится его поистине героическая борьба с графом П., одним из главнейших «валетов». Его во что бы то ни стало надо было изловить, поймать. Но, Боже мой, чего это стоило великому Путилину!

Достаточно вам сказать, в чем вы, впрочем, сейчас убедитесь сами, что «почтеннейший граф» П. по своей поразительной смелости, дерзости, отваге, гениальности трюков ни на йоту не уступает таким «артистам», как Домбровский, Шпейер и сам блестящий экс-

корнет Савин. Были моменты, когда он даже побивал их рекорды. Тогда Путилин восторженно восклицал: «Помилуй Бог, какой молодец! Вот с таким противником приятно и лестно бороться!»

Около двух часов дня к одному из подъездов огромного казенного здания Главного штаба подъехала коляска, запряженная парой чистокровных рысаков.

Сторож в ливрее бросился к коляске.

— Пожалуйте, ваше сиятельство! — браво гаркнул он, помогая выйти из нее высокому блестящему джентльмену.

Тот, опираясь на ливрейского сторожа, вскочил из коляски.

— Дорогой Михаил Григорьевич! Прощу! — приятным грудным баритоном бросил своему спутнику его сиятельство.

Невысокого роста симпатичный толстяк, одетый богато, весь в перстнях, торопливо вышел из экипажа.

Стояла поразительная жара душного июльского дня.

Толстяк отирал пот с лица.

— Жарко? — задал ему вопрос его сиятель-

СТВО.

— Уф, граф! Моченьки нет!

Граф вдруг набросился на ливрейного лакея:

— Ты что это сегодня в старой ливрее? А?

Тот извиняюще улыбнулся.

— Простите, ваше сиятельство, лето теперь. Не думал, что вы пожалуете.

— Смотри, братец, я не люблю непорядка!

И повернулся к Михаилу Григорьевичу:

— Вы, конечно, не настаиваете сейчас на подробном осмотре всего дома, милый Михаил Григорьевич?

— О, разумеется, граф! Мне просто пока хотелось посмотреть, что из себя представляет этот дом. Чудесное здание!

— Н-да, недурное, — пренебрежительно бросил граф. — Ну, Лаврентий, покажи господину эту вот часть дома.

— С превеликим удовольствием, ваше сиятельство.

Приехавшие вошли в подъезд. Лаврентий пошел впереди.

Михаил Григорьевич громко выражал стой восторг:

— Чудесно! Превосходно!

— Н-да, ничего... Потом, завтра, я вам покажу весь дом. То — еще грандиознее.

Минут с двадцать продолжался осмотр.

— Боже, я задыхаюсь от этой невыносимой духоты! — каким-то барски изнеженным капризным тоном вырвалось у графа.

Михаил Григорьевич живо ответил:

— А верно изволите говорить, граф. Ну его, к Богу, этот осмотр! Теперь для меня все ясно и видно! Поедемте к нотариусу, а оттуда куда-нибудь на острова. Я, хе-хе-хе, грешный провинциал, каюсь, любитель освежиться, встряхнуться!

С низкими поклонами проводил Лаврентий важных господ до коляски.

Толстяк вынул крупный кредитный билет и протянул его ливрейному лакею.

— На, любезный, держи. Скоро узнаешь меня покороче.

— Покорнейше благодарю вас, ваше-ство! — радостно воскликнул тот.

— Мы завтра приедем, Лаврентий. Ты приготовь для осмотра другие части дома.

— Слушаюсь, ваше сиятельство! — Лихо и

подобострастно подсадил он важных господ в коляску.

— Пошел! — крикнул он кучеру.

Лошади подхватили и понесли коляску.

— Ну, как вам понравился мой дом, дорогой Михаил Григорьевич? — с милой, открытой улыбкой обратился граф к толстяку.

Лицо того сияло восторгом.

— То, что я увидел, граф, превзошло все мои ожидания! Ваше описание вашего дома побледнело пред действительностью. И я...

Толстяк запнулся.

— Что вы? — живо спросил граф.

— Вы позволите мне быть откровенным с вами, граф?

— О, пожалуйста!

— И я... я поражаюсь, почему вы решили расстаться с такой ценной прелестью, как ваш дом?

Граф печально улыбнулся.

— О, признаюсь, вы редкий покупатель, monsieur Сведомцев: вы расхваливаете то, что покупаете. Это опасно. А что да если я надбавлю цену?

И граф пристально посмотрел прямо в гла-

за толстяку.

Тот спокойно и с достоинством ответил:

— Если надбавка будет незначительна — я согласен. Я — не кулак, граф. Я ясно увидел, что продаваемый вами дом стоит безусловно тех денег, которые вы за него просите... даже чуть-чуть побольше.

Какой-то огонек вспыхнул и сейчас же погас в умных, энергичных глазах графа.

— Об этом — после. А теперь вот о чем. Вы спрашиваете, почему я продаю мой дом. Извольте: потому что я запутался в делах. Два мои роскошных имения, стоящие миллионы, пойдут с молотка, если я не внесу завтра утром следуемых денег по закладным. Из двух зол я выбрал наименьшее: я решил расстаться с домом, но сохранить имение. Вы понимаете?

— О! — воскликнул господин Сведомцев. — Поверьте, я сочувствую вам всей душой.

— Благодарю вас, Михаил Григорьевич, за сочувствие, — пожал руку толстяку граф. — Дело, однако, в следующем: я отказываюсь от вашего доброго предложения прибавить мне за дом. Как я сказал — так и будет: миллион

сто пятьдесят тысяч, купчая — на ваш счет.

Лицо Сведомцева расплылось в широкую, довольную улыбку.

— Но... услуга за услугу, Михаил Григорьевич.

— Сделайте одолжение, глубокоуважаемый граф! В чем дело?

— Деньги или по крайней мере часть их необходима мне сегодня, сейчас. Я должен во что бы то ни стало предотвратить назначенные торги имения. Я должен внести часть суммы кредиторам.

— Ну, и?..

— Мы поступим так. Сейчас у нотариуса мы заключим запродажу, а все формальности с совершением купчей крепости отложим до завтра. По заключении запродажной записи вы дадите мне... Сколько вы можете дать?

Михаил Григорьевич Сведомцев схватился за боковой карман.

— Дело в том, граф, что сегодня вечером только приедет управляющий моими золотыми приисками. Он везет очень крупную сумму денег, а пока я...

— А пока вы располагаете сколькими руб-

лями? — с легким, шутливо пренебрежительным смехом спросил граф.

— Тысяч около четырехсот наберу! — в тоне ему ответил сибирский Крез-золотопромышленник.

Граф задумался на секунду.

— Эта сумма меня на сегодня вполне устроит. Двести тысяч я дам Зильберштейну, двести — Кудрявцеву, акуле из породы российских «выручателей барт». Ха-ха-ха! О, благороднейшие из смертных! Как они умеют обирать!

...В конторе нотариуса царило уныние. По летнему времени стояло затишье в делах.

Нет ничего удивительного в том, что прибытие таких блестящих клиентов воплотило и самого нотариуса и его «клерков».

— Ваше сиятельство!

— Ваше... ваше...

— Просто — Сведомцев Михаил Григорьевич! — улыбался золотопромышленник.

Граф П. засмеялся.

— Как вам нравится, господа, эта скромность: «просто — Сведомцев!» Хорошо «просто», когда дорогой Михаил Григорьевич мо-

жет купить... пол-Петербурга!

Смеху графа почтительно вторило подобострастное хихиканье нотариуса и его служащих.

Н-да-с! Хе-хе-хе!.. Действительно!

Началось выполнение пустяшной формальности.

— Так вот вы, любезный господин нотариус, потрудитесь поставить предварительную запродажную запись.

— Отлично, ваше сиятельство. Вы продаете...

— Я продаю свой дом господин Сведомцеву.

— За какую сумму?

— За миллион сто пятьдесят тысяч, купчая — за его счет.

В конторе воцарилось благоговейное молчание. Эта огромная цифра ударила в голову нотариусу и клеркам.

— Однако!.. — невольно вырвалось у нотариуса. — Кругленькая цифра!

Граф фамильярно похлопал его по плечу.

— Разве? А впрочем, рады, небось, что я привез своего покупателя к вам? Наверно, не

так часто вам приходится скреплять запродажные акты на такую сумму? Ну, живо, живо! За быстроту — прибавка. Поняли?

Нотариус не чувствовал от восторга ни рук, ни ног.

Вскоре все было окончено.

Сведомцев тут же при нотариусе выложил перед графом огромный задаток.

— Завтра к вечеру все будет готово? — улыбаясь, спросил граф.

— Все, все, ваше сиятельство! — захлебнулся нотариус, чувствуя в своей руке пачку крупных кредиток.

И... и все разошлись.

Необыкновенный казус

Я сидел в служебном кабинете моего друга, когда туда спешной походкой вошел его помощник.

— По экстренному делу. Иван Дмитриевич, приехали прокурор и судебный следователь. С ними какие-то два господина.

— Просите, голубчик, просите сюда.

Путилин, когда помощник вышел, выразительно посмотрел на меня.

— Целых четыре! Помилуй Бог, стряслась какая-нибудь изрядная история! Как ты думаешь, доктор?

Ответить мне не удалось, так как в кабинет уже входили представители судебной власти, а с ними два неизветных господина.

— Здравствуйте, дорогой Иван Дмитриевич! — приветствовали блестящего начальника сыскной полиции прокурор и следователь.

— Добро пожаловать, господа! — поздоровался Путилин и посмотрел на двух неизвестных.

— Это господин Сведомцев, а это нотариус

Кукин, — представил их Путилину прокурор.

— Садитесь, господа! В чем дело?

— Любопытное дело, — усмехнулся прокурор.

— Да, можно сказать, единственный, необыкновенный казус, — поддакнул судебный следователь.

Лицо нотариуса было бледно, как полотно; лицо Сведомцева, толстяка, наоборот — си-не-багрово, как свекла.

— Знаете ли вы, ваше превосходительство Иван Дмитриевич, что случилось вчера в Петербурге? — спросил прокурор.

— Мало ли что случается, голубчик, — усмехнулся Путилин. — Где же все знать...

— Так я вам скажу.

Прокурор сделал паузу для усиления эффекта.

— Вчера, в три часа дня, было украдено здание Главного штаба!

Эффект получился действительно необыкновенный. У меня от изумления рот сложился ижицей, и даже у Путилина, у самого Путилина — невозмутимого и хладнокровного — на лице выразилось сильнейшее недоумение.

— Что вы сказали? — переспросил он.

— То, что вы слышали, дорогой Иван Дмитриевич. Вчера украдено здание Главного штаба.

— Вы шутите? — прищурился великий сыщик.

— Нет, это правда, Иван Дмитриевич, — подтвердил судебный следователь.

— И вот похититель, — прокурор указал на толстяка.

— А это вот пособник... — добавил судебный следователь, показывая на бледного нотариуса.

На секунду у меня мелькнула мысль, что оба почтенных представителя судебной власти сошли с ума, ибо нельзя было допустить, чтобы они шутили в официальном месте при посторонних лицах.

— Ну-с, рассказывайте, кайтесь его превосходительству, господин Сведомцев! — обратился к толстяку прокурор.

Толстяк, задыхаясь от волнения, поведал о покупке им дома у графа П.

Путилин с большим вниманием слушал то, что вы уже знаете.

— Ну, а дальше? — задал он вопрос.

— А дальше-с произошло вот что. Сегодня утром я решил показать покупку моему главномууправляющему, который вчера приехал с приисков. Подъехали мы к дому, направились к тому самому подъезду, где были вчера с графом. Чтоб черт его, извините, побрал! Смотрю — стоит тот же старик лакей в ли-врее.

— Ну-ка, братец, показывай! — говорю ему.

— Никак нет, — отвечает. — Сейчас не могу, барин.

— Как не можешь?! — закричал я на него.

— А так-с. Сегодня осматривать нельзя.

— Да ты обалдел, любезный?! Почему нельзя? И как ты смеешь мне это говорить?

— Извините, господин, я должен начальство слушать.

— Какое начальство?! Я над тобой теперь начальство, понял ты это?

— А вы кто-с будете? — захлопал он глазами.

— Я-то кто? Да я владелец теперь этого дома!

Он, знаете, поглядел на меня с испугом.

— Шутить изволите, вашество... Хе-хе-хе!

— Да я и не думаю шутить с тобой, болван!
Я купил этот дом вчера у твоего барина, графа П.

Тогда он даже побледнел и дико уставился на меня:

— Извините, господин, таких вещей говорить вы не можете, коли ежели вы в своих чувствах. Дом сей казенный, а не графа какого-то. Как же вы казенный дом купить могли?

У меня в голове зайчики запрыгали.

— Как казенный?!

— Так-с. Очень просто!

Не взвидев света, полетел я к господину прокурору. И вот оказалось, что купил я казенный дом.

Толстяк Сведомцев был близок к удару. Его лицо побагровело.

— Самое ужасное в том, ваше превосходительство, что я дурака такого наломал! Вот, как перед Истинным, говорю: не столько я плачу о потере денег, хотя и сумма громадная, сколько о том, что посмешищем теперь сделался. Ведь на меня пальцами показывать

будут! «Глядите, дескать, на знаменитого по-
купщика казенного здания!» Я-с, поверите ли,
в глаза управляющему своему смотреть не
могу!

Каюсь: я сам еле удерживался от смеха. О,
если бы вы видели фигуру несчастного тол-
стяка! Она была настолько трагикомична, что
Путилин кусал губы.

— Ну что, каково, дорогой Иван Дмитрие-
вич? — воскликнул прокурор.

— Да, случай действительно единствен-
ный в своем роде! — вырвалось у Путили-
на. — Но какой молодец! Помилуй Бог, какой
гениальный удар! Вот это артистическая ра-
бота!

Сведомцев, одураченный золотопромыш-
ленник, недовольно посмотрел на моего слав-
ного друга.

— Как-с, ваше превосходительство, вы его
молодцом еще величаете?

Обида и досада звучали в голосе толстяка.
Путилин ласково положил свою руку на его
плечо:

— Не обижайтесь, голубчик, я хвалю его не
за то, что он вас, беднягу, надул, а хвалю, по-

вторую, чистоту его работы. Это моя профессиональная черта восторгаться всем ярким, дерзко-смелым. Да вы не вешайте еще головы, успокойтесь! Может быть, мне удастся помочь вам. Потом Путилин обернулся к нотариусу: — Нет, вы-то батенька, хороши! Как же это вы ухитрились сделать запродажную запись на казенное здание?

Лицо бледного нотариуса было жалкорастерянным. С отчаянием он схватился за голову:

— Да разве могла мне прийти в голову мысль о подобном дерзком, необычайном мошенничестве?!

— Верно, сомлели от радости, получив такой заказ? — иронически бросил Путилин.

В эту минуту ему подали письмо. Он распечатал его, прочел — и громко рассмеялся.

— Да он забавник к тому же, наш милый граф! Слушайте, господа.

И Путилин вслух прочел:

— «Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич! Я глубоко уверен, что сегодня к вам явится некий... некий...» — Путилин засмеялся. — Гм... гм. Это касается

вас, господин Сведомцев, но мне просто неловко прочесть это.

Тогда вызвался прокурор:

— Нет, я уж очень вас попрошу, дорогой Иван Дмитриевич, прочесть все целиком. Для нас, прокуратуры и следственной власти, необходимо все знать.

Путилин развел руками:

— Что делать, повинуюсь. Вы уж извините меня, господин Сведомцев. — И он стал продолжать чтение письма: — «...Глупый простофиля, дурак из дураков, господин Сведомцев с заявлением о чрезвычайно странной покупке им моего дома. Ввиду того что я получил с него только задаток четыреста тысяч, а дом продал за миллион сто пятьдесят, рекомендовал бы вашему превосходительству истребовать с него недоплаченную сумму на дела благотворения. Ваш покорный слуга граф П.».

Бедный толстяк!

Я убежден, что никто из вас не захотел бы быть на его месте.

Чудо с бриллиантами

Роскошный магазин знаменитого ювелира Г. был ярко освещен. Чудесным блеском, яркими огоньками переливались драгоценные камни, горделиво покоящиеся на темно-малиновом плюше.

Владелец магазина Г. стоял у дверей и сквозь зеркальные стекла двери смотрел на улицу.

К магазину быстро подкатила карета. С козел мигом соскочил ливрейный лакей, распахнул дверцу и помог выйти генералу.

Ювелир побледнел и взволнованно крикнул управляющему магазином:

— К нам приехал Трепов!

Он бросился отворять двери.

В магазин своей бодрой, решительной походкой входил знаменитый, всесильный генерал Трепов, «грозный» градоначальник, блестящий царедворец. Его умное, выразительное лицо, обрамленное седыми «николаевскими» усами и баками, было открытое, спокойное, но вместе с тем и суровое. Видно было, что человек этот умел властно прика-

зывать, но не терпел возражений.

— Здравствуй! — односложно бросил он ювелиру. Тот почтительно согнулся.

— Имею честь кланяться вашему высокопревосходительству, — с дрожью в голосе произнес Г.

— Что? Никого нет? Это плохо для тебя. А? Разве плохо торгуешь?

Знаменитый генерал бросал слова резко, отрывисто. Ювелир подобострастно придвигал стул Трепову.

— Сяду, сяду, не егози.

Генерал сел.

— Ну, давай говорить о деле. Есть что-нибудь у тебя порядочное?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, все что пожелаете... У меня огромный выбор...

— Знаю, знаю. Эк чем удивил! Огромный выбор! Да знаешь ли ты, что из всего твоего «огромного выбора» может не оказаться ни одной вещи, годной для меня? Знаешь ли ты, для кого требуется вещь?

И генерал, грозно подняв руку в белой замшевой перчатке, потряс ею в воздухе.

Ювелир побледнел еще более.

— Осмелюсь доложить вашему высокопревосходительству, что есть вещи, замечательные по работе.

— Ну-ну, показывай! — мягко улыбнулся Трепов.

— А позвольте узнать, в каком, приблизительно, роде?

— Нужны бриллиантовое кольцо и диадема. Понимаешь?

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Как раз только что закончено кольцо из дивных голубых бриллиантов. Подбор камней — удивителен: все бриллианты чистой голубой воды.

В голосе ювелира слышались тщеславные нотки «артиста».

— И какая работа!..

— Давай, посмотрю.

Г. подал грозному генералу роскошный большой футляр.

На белом атласе, переливаясь дивными голубоватыми огнями, сверкало действительно прелестное драгоценное кольцо.

— Гм... а ведь, кажется, на самом деле —

недурная безделушка, — бросил Трепов.

Он долго, внимательно разглядывал кольцо.

— Молодец, право, молодец! Отличная работа. Тебя за это стоит к гербу представить.

— О, ваше высокопревосходительство! — захлебнулся от восторга и счастья ювелир.

— Да-да... Что ж, похлопотать?

Ювелир чуть не до земли поклонился генералу.

— Сколько возьмешь за это?

И генерал ткнул пальцем в футляр.

— Шестьдесят тысяч, ваше высокопревосходительство.

— А с диадемой?

— Сто десять.

— Ну ладно, заверни. А счет пришли ко мне через два часа. Понял?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, о чем изволите говорить?

— Что-о-о? — грозно спросил генерал.

— Я-с, я-с... я говорю, к чему так торопиться с присылкой счета...

— Не рассуждать! Приказываю тебе прислать доверенного со счетом ровно через два часа! Знаешь, небось, мой адрес? Ха-ха-ха!

— Слушаю-с!.. — робко пролепетал ювелир. Генерал положил один футляр в карман, другой взял в руки и пошел к выходу.

— Ну, прощай! А о гербе сделаю представление.

С низкими поклонами проводил Г. важного посетителя до самой кареты.

Мы сидели с Путилиным и беседовали о необычайно дерзкой проделке графа П.

— До меня уже давно доходят слухи о подозрительном поведении этого кукольного графа... Какие-то темные средства для роскошной жизни. А теперь вот — такой гениально-мошеннический шаг! Очевидно, он решил перейти Рубикон, отделяющий гражданское право от уголовного, и теперь перед нами — изумительно ловкий мошенник, который не уступит звездам преступного мира. Ну что же: будем бороться и...

Путилин не успел окончить.

В кабинет в сопровождении помощника Путилина вошел курьер.

— Его высокопревосходительство генерал-адъютант Трепов просит ваше превосходительство немедленно приехать к нему! —

отрапортовал курьер.

— Ступай. Сейчас еду.

Путилин моментально переоделся.

— Неужели, Иван Дмитриевич, все по этому же делу?

— Очень может быть, доктор.

Путилин поехал.

И вот это произошло там, у «грозного» генерала.

В огромном, величественном кабинете из угла в угол нервной походкой ходил Трепов.

В дверях стояла испуганная, приниженная фигура какого-то человека.

— А, вот и вы, господин Путилин! — раздраженно вырвалось у Трепова при виде вошедшего в кабинет Путилина.

— Я приехал немедленно, ваше высокопревосходительство, — ответил с достоинством мой славный друг.

— Знаю, знаю! Хорошо, хорошо! Не в этом дело. А вот вы мне скажите, пожалуйста, сколько в Петербурге генерал-адъютантов Треповых?

Путилин, как он мне рассказывал, смутился на секунду. Но сейчас же ответил:

— Я лично, по крайней мере, знаю только одного — вас, ваше высокопревосходительство.

— Вздор! — гневно вырвалось у Трепова. — Вздор! В Петербурге не один, а два меня!

Путилин подумал, что с генералом — дурно.

— Да-с, да-с! Я утверждаю, что у меня есть двойник!

Генерал крикнул съездившейся у дверей фигуре:

— Пожалуйте сюда!

Господин, хорошо одетый, робко подошел к огромному письменному столу.

— Вот не угодно ли: это ювелир Г. А теперь, господин Путилин, слушайте.

И Трепов начал нервно, быстро задавать вопросы донельзя смущенному ювелиру.

— Итак, два часа тому назад я был у вас в магазине?

— Ради Бога, ваше высокопревосходительство... Смилуйте! Я ничего не понимаю, — лепетал ювелир.

— Я вас спрашиваю и приказываю вам отвечать на мои вопросы прямо, без уверток! —

загремел гневный голос генерала Трепова. — Вы утверждаете, что я сейчас приезжал к вам?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Я?!

— Вы-с...

Колени подгибались у ювелира.

— Зачем я к вам приезжал?

— Вы-с купили кольцо из голубых бриллиантов и такую же диадему.

— Я?!

— Вы-с, ваше высокопревосходительство. За сто десять тысяч.

— Вы... вы, любезнейший господин Г., в самом деле, как себя чувствуете? Вы не в белой горячке? Вы не сумасшедший?

Все больший и больший страх отражался на лице ювелира.

— Я вас спрашиваю: вы не бредите? — затопал ногами Трепов.

— Помилуйте-с... нет-с...

Один Путилин оставался невозмутимо-спокойным, бесстрастным при всей этой непонятно странной сцене.

— И вы-с, ваше высокопревосходитель-

ство, приказали мне прислать к вам ровно через два часа доверенного со счетом. Но ввиду того, что я боялся доверить получение столь крупной суммы какому-либо из моих служащих, я осмелился явиться лично.

Лицо Трепова было бледно от бешенства, негодования.

— Смотрите, черт возьми, всматривайтесь в меня пристально! Слышите: пристально! Я, именно я, был у вас?

— Вы-с, — тихо слетело с трясущихся губ ювелира.

Трепов с силой ударил рукой по столу.

— Это... это... я не знаю, что это такое! — бешено вырвалось у него.

Он даже зашатался.

— Что же это? Подлый шантаж? Ты, негодяй, осмеливаешься клеветать на меня прямо мне в глаза? Да знаешь ли ты, что я тебя за такую проделку упеку туда, куда Макар телят не гонял? Ты что же: меня, генерала Трепова, в мошенничестве обвинить хочешь? Если я тебе говорю, что я у тебя не был...

Голос генерала перехватился волнением.

Тут вмешался Путилин.

— Я вас попросил бы, ваше высокопревосходительство, уделить мне несколько минут для разговора с глазу на глаз.

Трепов с багровым лицом отошел в угол своего огромного кабинета.

— Что такое?

— Отпустите с миром ювелира. Для меня все ясно. Он тут ни при чем. Сейчас я буду иметь честь все вам объяснить.

— Как?! Вы говорите, что вам эта чертовщина ясна?

— Совершенно.

И повернулся к ювелиру:

— Проезжайте домой. Не тревожьтесь: я, Путилин, с великодушного разрешения его высокопревосходительства заявляю вам, что все это дело будет расследовано. Мы имеем дело с мошенничеством новой, необычайной дерзости. Вы продали бриллианты не генерал-адъютанту Трепову, а... а его двойнику, которого я, кажется, знаю. Ступайте. Предупреждаю вас — ни звука никому о случившемся.

Путилин говорил властно, уверенно.

Трепов во все глаза глядел на него.

Ювелир, шатаясь от пережитого волнения, вышел из кабинета знаменитого генерала.

— А теперь, ваше высокопревосходительство, благоволите выслушать следующее.

И Путилин спокойным, ровным голосом начал что-то рассказывать Трепову.

— Как?! Здание Главного штаба?! Вы шутите?

— Нимало.

— И вы полагаете?

— Что эта бешено-дерзкая проделка есть дело рук того же самого авантюриста. Он делает удар за ударом, ход за ходом.

Трепов облегченно вздохнул и с выражением благодарности и искреннего восхищения посмотрел на Путилина.

— Однако, вы не даром гремите, Иван Дмитриевич!

— Ну, — усмехнулся Путилин, — пока в этом деле, ваше высокопревосходительство, я еще ничего не сделал. Все ходы еще за мной. Вот когда я сцапаю этого молодчика — только тогда я заслужу вашу столь лестную похвалу. Имею честь кланяться.

Новые вести о графе П. Загадочная записка

Прошло пять дней.

В течение этого времени мой талантливый друг, очевидно, не напал еще на след блестящего афериста — графа П.

Лицо Путилина было хмуро, раздражительно.

Особенно изводил его Трепов.

Чуть не по несколько раз на день присылал он осведомляться: разыскан или нет дерзкий мошенник, осмелившийся проделать такую штуку с ним, генералом Треповым.

Путилина передергивало.

— Эк ведь как задело! «Вынь и положи!»
Поискали бы сами.

А между тем граф П. словно издевался над гением русского сыска: в течение этих пяти дней он совершил еще несколько крупнейших проделок: выманил у настоятеля богатейшего собора под каким-то предлогом крупную сумму денег; учел поддельный вексель; словом, работал вовсю.

— Однако, — вырвалось у Путилина.

Слухи обо всех этих громких проделках разнеслись по Петербургу. Их смаковали, комментировали, по обыкновению привирая с три короба.

— Что же наш-то Путилин не отличается?

— Да, поймите-ка сразу такого ловкача! Вот он что учудил: в Трепова обратился! Шутка сказать!

На шестой день после всего происшедшего, когда мы сидели в служебном кабинета Путилина, курьером была подана карточка:

— Моисей Арнольдович З., — вслух произнес Путилин.

— Ого, — вырвалось у меня.

Я знал эту фамилию. Она принадлежала крупнейшему еврею-богачу, железнодорожному концессионеру-воротиле, дельцу высокой марки.

— Неужели новая история? — усмехнулся Путилин.

В кабинет вошел щеголеватый еврей, средних лет, маленького роста, с глазами, как у лягушки, на выкате, с бакенбардами котлеткой.

«Вот он, каков этот миллионер, перед кото-

рым заискивают сильные мира сего!» — пронеслось у меня в голове.

— Имею честь говорить с его превосходительством, господином Путилиным? — небрежно спросил он.

— Да, вы говорите с начальником сыскной полиции. В чем дело? Чем могу служить?

Путилин пригласил З. садиться.

— Дело чрезвычайно странное и глупое. Откровенно говоря, я не стал бы из-за него тратить свое время и беспокоить вас, но я все-таки боюсь.

— Что же, именно, это за дело?

З. говорил с весьма изрядным акцентом.

— Прошу извинить, сейчас я покажу вашему превосходительству. — Не торопясь, правой рукой, на которой сверкали дивные солитеры, великий концессионер вынул из бокового кармана бумажник, а из него записку.

— Вот что я получил.

Путилин прочел:

— «Вам угрожает большая опасность. Обратитесь к начальнику С.-Петербургской сыскной полиции — знаменитому Путилину. Ваш доброжелатель».

— Не правда ли, ваше превосходительство, это очень странно? — спросил великого сыщика известнейший делец.

— Да, это странная записка, — задумчиво произнес Путилин.

— Так что, я хорошо сделал, послушавшись анонимного автора, то есть обратившись к вам?

— Отлично, отлично поступили.

Лицо З. побледнело.

— Ради Бога, ваше превосходительство, вы, стало быть, придаете серьезное значение этой записке?

— Да.

— И, стало быть, мне действительно грозит беда?

— Очень может быть. А теперь я вас попрошу ответить мне на несколько вопросов.

— Сделайте одолжение... Я, право, такстроен...

— Скажите, вы абсолютно не можете предположить, откуда и какая опасность угрожает вам?

— Понятия не имею.

— Не произошло ли за последнее время че-

го-либо такого, что создало бы вам врагов?

З. развел руками.

— Ничего особенного. У меня, как у всякого крупного деятеля, немало врагов, но согласитесь сами, что от этого далеко еще до «большой опасности».

— Да-да, — рассеянно ответил Путилин.

Он, не обращая внимания на З., погрузился в глубокое раздумье.

Миллионер-концессионер с недоумением и робостью глядел на него. На его лице как бы застыл немой вопрос: «Что же ты молчишь? Ведь меня кто-то направил к тебе, прославленному и знаменитому, а ты, кажется, понимаешь в этом деле не более меня?»

— Так что же вы думаете об этом, ваше превосходительство? — не выдержав, спросил З.

Молчание.

З. повторил свой вопрос. Путилин очнулся от дум.

— Скажите, пожалуйста, господин З., много ли вы денег держите при себе, в вашем доме?

При слове «деньги» З. вздрогнул, насторо-

жился.

— Как случится. А что?

— Ну, например, в настоящую минуту, сколько их у вас дома?

— Около миллиона.

— Порядочно, — усмехнулся Путилин. — И где они находятся?

— В... в несгораемом шкафу.

Все больший и больший страх проступал на лице дельца.

— Вы предполагаете, что меня хотят ограбить? Голос З. задрожал.

— Когда вы получили эту записку?

— Сегодня в десять часов утра по почте.

— Вы показывали ее кому-нибудь до меня?

— Своих домашних я не хотел тревожить, поэтому скрыл от них получение ее, но я показал ее своему личному секретарю.

— Ему известно, что вы поехали ко мне? — Да.

— Это отвратительно! — холодно проговорил Путилин.

— Что вы хотите этим сказать? — привскочил со стула З. — Уж не подозреваете ли вы моего секретаря? Я могу поручиться за него

головой.

— Кто вам сказал, что я подозреваю вашего секретаря, любезный господин З.?

Путилин посмотрел на часы и дал звонок.

— Х., скорее сюда! — отдал он приказание поспешно вошедшему дежурному агенту.

Потом он обратился к миллионеру-дельцу.

— Поезжайте домой, господин З. На всякий случай, я отправлю с вами моего агента.

Вошел Х.

— Вот что, голубчик: вы будете охранять господин З. до его дома, но, разумеется, невидимкой.

Расстроенный З. стал прощаться.

— Я страшно взволнован, ваше превосходительство. Я боюсь. Ради Бога, защитите меня от неведомой опасности! Я буду, как вам угодно, благодарен вам.

— Я попросил бы вас выражение «как вам угодно, благодарен» не произносить в моем кабинете, monsieur З. Я подрядами на себя не торгую, а несу государственную службу.

З. побагровел.

— Все, что смогу, сделаю. Особенно не тревожьтесь. А теперь слушайте меня внима-

тельно. У вас револьвер есть?

— Есть... — совсем уже упавшим голосом пробормотал испуганный делец.

— Отлично. Держите его наготове. Затем поджидайте меня. Я сегодня приеду к вам, скоро, может быть.

— Благодарю вас, ваше превосходительство! — радостно бросил З.

— Но слушайте, повторяю, внимательно мои инструкции. Я к вам приеду, конечно, по парадному ходу. Вы отдайте приказание, чтобы лишь только я войду в переднюю, лакей... у вас, конечно, лакей?

— О, да!

— Так вот, чтобы лакей, лишь только я приеду и войду, незаметно запер дверь на ключ и ключ вынул бы из двери.

Сильнейшее изумление выразилось на лице З. Признаюсь откровенно, я был не менее изумлен, да и любимый агент Х. тоже.

— Ну-с, одновременно с этим отдайте приказание, что бы дверь черного хода, кухни, была не заперта. Поняли?

— Понял.

— Когда я войду к вам в кабинет и начну с

вами беседовать, вы ничему, абсолютно ничему не должны удивляться, что бы я ни говорил и ни приказывал вам. Вы должны беспрекословно подчиняться мне. Вы согласны?

— По... пожалуйста! — пробормотал З.

— Но в случае, если бы я вдруг сошел с ума и, выхватив револьвер, бросился бы на вас, тогда... тогда я вас прошу оказать мне жестокое сопротивление. Нажимайте тогда кнопку звонка, зовите на помощь, а главное, первым делом — пускайте мне пулю.

— Стрелять?! В вас?! — попятился З., бледный, как полотно.

— В меня, — невозмутимо ответил Путилин. — Или вы плохо стреляете? Вы боитесь промахнуться?

— Вы... вы, простите, кажется, смеетесь надо мной? — пролепетал З.

— Нисколько. Ну, а теперь прошу вас поторопиться домой.

Путилин наскоро шепнул несколько слов агенту Х.

Они уехали.

Мы остались одни.

Я был поражен в этот вечер, как никогда.

— Скажи, Иван Дмитриевич, неужели из этой записки, ровно ничего не говорящей, ты ухитрился вывести хоть намек на свою кривую?

Путилин переодевался в сюртук (до этого он был в вице-мундире).

— Знаешь, что я тебе скажу, доктор?

— Что, Иван Дмитриевич?

— Никогда моя «кривая» не была так безумно смела, как эта. Ты понимаешь, что я подразумеваю под определением «безумно смела»?

— Кажется. Ты хочешь сказать, что личное вдохновение, нюх, смелость гипотезы преобладают в огромной степени над данными?

— Bravo! На этот раз — ты прав. Данных здесь очень мало. Надо дерзать на верхнее чутье. Мне надоело ждать погоды, сидя у моря. Идем.

Странный разговор и странные приготовления

Был десятый час вечера.

Отвратительная погода, какая может быть только в Петербурге, несмотря на лето, разыгралась вовсю. В темноте еле мерцали тусклым светом уличные фонари. Дождь лил, как из ведра. Порывы холодного ветра били прямо в лицо.

Мы шли, закутавшись в плащи, шлепая по лужам.

Улицы были пустынные. В то время уличная жизнь замирала куда раньше, чем теперь.

— Могу я спросить тебя, Иван Дмитриевич, куда влечет нас жалкий жребий? — шутливо, хотя мне было не до шуток, спросил я.

— Можешь, доктор. Мы направляемся к дому 3.

— И добираться до него надо пешком?

— Да. Так будет незаметнее. Предоставим почтенному железнодорожному тузу подкатить к своему дому в карете.

— А далеко еще?

— Нет. Минут двадцать ходьбы.

Путилин замолчал, а потом вдруг задал мне неожиданный и довольно странный вопрос:

— Скажи, доктор, медицина признает такие факты — случаи, когда человек может увидеть самого себя не в зеркале, конечно, или в каком-либо ином отражении, а, так сказать, вполне реально? Ну вот, например, я иду и вижу, что навстречу мне идет некто, который есть некто иной, как я сам?

Я с тревогой поглядел на моего славного друга. «Он, кажется, переутомился не на шутку», — подумал я.

— Да, Иван Дмитриевич, медицина знает такие казусы.

— И как она их объясняет?

— Галлюцинацией зрения, обусловливаемой мозговым заболеванием.

— Так. А вот в оккультных науках доказывается, что подобные явления есть не что иное, как раздвоение астрального тела. Одновременно я могу показаться самому себе, тебе, другим в двух, так сказать, экземплярах, — что ты скажешь на это?

— Скажу, что поражаюсь. С чего тебе, не признающему никаких оккультических «чертовщин», явилась фантазия затронуть подобный вопрос?

— Теперь говорить об этом некогда. Мы подходим к дому З.

Быстро осмотревшись по сторонам, Путилин поспешно вошел в ворота дома.

— Иди скорее, доктор!

Лишь только мы вошли туда, перед нами — в полутьме — выросла высокая фигура.

— Вы, X.? — спросил Путилин.

— Я, Иван Дмитриевич.

— Ну, что и как?

— З. благополучно прибыл домой.

— Вы исполнили все, о чем я вас просил, голубчик?

— Все. Я осмотрел черный ход. Вон он. Дверь в кухню будет открыта.

— Отлично, отлично. Ну и погода! Признаюсь, не особенно приятно дежурить в подворотне...

— А нам долго придется здесь находиться?

— На это я не сумею тебе ответить. Может быть, всю ночь и весь завтрашний день и зав-

трашную ночь. Мне надо здесь быть, тебе — как угодно.

Прошло минут сорок. Издали долетел звонкий стук лошадиных копыт. Путилин прилег на холодный асфальт, осторожно выглядывая через решетку ворот.

Звук приближающегося экипажа все усиливался. Ближе, ближе... и карета, промчавшись мимо ворот, круто остановилась у подъезда миллионера.

До нас донеслось хлопанье каретной дверцы. Путилин быстро вскочил и обратился к Х.:

— Ну, идемте! Ведите меня черным ходом.

По черной лестнице мы поднялись в бельэтаж. Х. открыл дверь:

— Вот кухня.

В ту минуту, когда мы вошли в нее — это была огромная, роскошная кухня богача, — к входной двери быстро бежал лакей.

При виде нас он остановился как вкопанный.

На лице его изобразился сильнейший испуг, страх.

Путилин быстро взял его за локоть.

— Тс-с! Ни звука! Тебе было приказано, как

только ты откроешь парадную дверь, запореть ее на ключ и бежать к черному ходу?..

— Да-с, да-с, — лепетал лакей с перекошенным от ужаса лицом.

Для меня и Х. было совершенно непонятно необычайное волнение слуги.

— Ну вот и отлично. Эти господа останутся здесь, в кухне, а ты проводи меня в кабинет барина.

— Они-с... Они-с не одни...

— Я знаю. Не разговаривать! — властно бросил Путилин.

Путилин в кабинете 3. Ужас дельца

— Как? Вы уже пожаловали, ваше превосходительство? — радостно проговорил 3., поспешно идя навстречу входящему в кабинет Путилину.

— Как видите, как видите, уважаемый господин 3.! Ох, какой у вас сильный огонь в этой лампе! Будьте добры, убавьте немного огонь — у меня болят глаза. Я, знаете, привык к моей скромной лампе с зеленым абажуром.

3., послушно, как ребенок, бросился исполнять приказание знаменитого начальника

сыскной полиции.

— Ну вот, отлично. А теперь давайте скорее беседовать. Дорога каждая минута. Дело очень серьезное. З. вздрогнул весь — от головы до пят.

— Значит, правда? Мне грозит большая опасность?

— Огромная.

— Но... ради Бога, какая же? — жалобно пролепетал великий концессионер.

Путилин быстро заговорил:

— Вы слышали о гениальных проделках графа П.?

— Да-да...

— Вы знаете, какие безумно дерзкие мошенничества совершил он за эту неделю?

— Да-да, слышал...

Дрожит голос З., белее полотна он.

— Ну так вот, я знаю, что сегодняшней ночью на вас готовится со стороны его какое-то дьявольское покушение. Нет никакого сомнения...

З. сомлел со страху.

— Поку... покушение? Дьявольское покушение?!

3. схватил Путилина за руки:

— Спасите! Спасите меня!

— Нет никакого сомнения, что покушение это выразится в колоссальном ограблении вас. А потому немедленно вы должны спасать деньги. Сколько у вас тут? — Путилин сделал какой-то неопределенный жест руки:

— Миллион... около миллиона, — прохрипел 3.

— Немедленно мы должны увезти отсюда эти деньги. Так как невозможно предвидеть планы гениального мошенника, неизвестно, в какой форме он задумал осуществить свой адский замысел, и вследствие этого я не в состоянии парализовать его, надо принять экстренные меры предосторожности. Беремте деньги и поедем. Вы можете оставить их у меня в управлении или у градоначальника, но только не здесь. Когда мы устроим их, мы немедленно вернемся сюда. Эту ночь я проведу у вас. Мое присутствие здесь необходимо. Повторяю, мы имеем дело не с людьми, а с дьяволами. Живо, живо, господин 3., не теряйте ни секунды! И потом возьмите себя в руки, будьте мужчиной. Раз я около вас — я

спасу вас!

Путилин ласково полуобнял миллионера.

— О, как мне благодарить вас?! — вырвалось у З. — Без вас я погиб бы! Боже, какое несчастье свалилось на мою голову!

Трясущимися руками финансовый туз стал вынимать из ящичков письменного стола бумажные ценности.

— Сейчас... сейчас... сначала отсюда... а главное ведь там — в несгораемом шкафу... О, думал ли я, что в собственном доме мне угрожает беда...

Разноцветные бумажки замелькали в воздухе.

— Ради Бога... Возьмите часть себе... У меня трясутся руки... Скорее из шкафа... Ай-ай-ай!

Путилин только что хотел положить в боковой карман сюртука пачки билетов, как вдруг портьера зашевелилась.

Дикий, безумно-страшный крик З. огласил кабинет.

Два Путилина. «Сорвалось!»

— Боже мой! Боже мой! Господин Путилин, —
Бсмотрите, смотрите! Что это? Что это?!
Кто это?!

З. в смертельном ужасе откинулся на спинку кресла.

«Господин Путилин» порывисто обернулся и... замер, окаменев.

Из рук его посыпались ценные бумаги. На пороге кабинета стоял... его двойник, новый Путилин.

— Здравствуйте, ваше превосходительство Иван Дмитриевич! — прозвучал в кабинете властный, твердый, уверенный голос. — Я убежден, что вы несколько смущены моим появлением?

— А-а вва-ва, — вылетало из уст З.

Второй Путилин все ближе и ближе подходил к первому, столбняк которого не проходил.

— Ну-с, ваше сиятельство, мой милый «доброжелатель господина З.», как вам нравится такая игра? Вы долго дурачили меня, позвольте же мне отплатить вам сторицей.

И, выхватив револьвер, Путилин крикнул:
— Ни с места! Именем закона я вас арестую, граф П.! Сюда, ко мне! — крикнул нам Путилин.

Мы с Х. бросились в кабинет.

— Проклятый! — бешено вырвалось у «Путилина» — графа П.

Он хотел выхватить револьвер, но Х. одним прыжком очутился около него и сжал его в своих медвежьих объятиях.

— Вы были Треповым, теперь вы захотели сделаться Путилиным. Bravo, это задумано было хитро, но, граф, нашла коса на камень.

З. дико вращал глазами.

— Кто же... какой же настоящий Путилин?! — в ужасе бормотал он.

— Я, я, любезнейший господин З. А это знаменитый граф П., который едва не увез ваши денежки.

З. вскочил как ужаленный.

— Как? И я столько времени находился с разбойником?! И я ему отдавал мои деньги? О-о-о!

Путилин повернулся ко мне:

— Видишь, доктор, существуют явления

раздвоения личности. — Или это «галлюцинация зрения»? Или ты не видишь второго меня?

Я с искренним восхищением глядел на этого замечательного человека.

— Как ты догадался, Иван Дмитриевич, об этом? — спрашивал я позже Путилина.

— Записка помогла. Очевидно, решил я, кому-то надо было, чтобы З. увидел меня. Получив такую записку, полную угроз, З., конечно, должен был обратиться ко мне. Для чего же выводил я «кривую», могло это понадобиться автору записки? Да для того, чтобы З. начал сношения со мной. Тогда под видом меня можно будет околпачить З. Но кто этот хитроумец? Мне сразу стало ясно, что это новая проделка гениального авантюриста графа П. Случаем с Треповым он выдал себя.

Триумф Путилина был полный.

Ограбленная почта

Неожиданный посетитель. Ограбление почты

Мы сидели с Путилиным в его кабинете, когда вошел помощник моего славного друга и обратился к нему:

— Важный посетитель!

— Кто такой?

— Олонецкий губернатор Григорьев.

— Ко мне, по делу?

— Да.

— Попросите, голубчик, его!

Помощник Путилина скрылся за дверью.

— Каково, доктор?

— Ты о чем, Иван Дмитриевич? — спросил я.

— Помилуй Бог, какие тузы стали приезжать к нам! Говоря откровенно, меня живо интересует, по какому делу мог пожаловать ко мне олонецкий губернатор. При чем я и Олонецкая губерния?

— Ну, положим, что ты, Иван Дмитриевич,

вич, — не только деятель всероссийский, а даже интернациональный: производил же ты розыски в Париже.

Появление губернатора прервало наш разговор.

Это был еще не особенно старый, высокий, худощавый человек.

Одетый в форменный сюртук со жгутовыми погонами со звездой на левом боку, Григорьев производил всем своим обликом впечатление истого бюрократа-служаки.

— Имею честь видеть Ивана Дмитриевича Путилина? — начал он.

— Да. К вашим услугам. Чем могу быть полезен?

— Я к вам приехал, ваше превосходительство, по совету министра внутренних дел.

Губернатор произнес это торжественно: дескать, чувствуй и цени, от какой персоны пожаловал я к тебе.

Путилин равнодушно и холодно смотрел на губернатора.

— Да, я был с докладом у его сиятельства, вызванный из Петрозаводска, и когда я рассказал ему о некоторых таинственных проис-

шествиях, имевших место в моей губернии, он сказал мне: «Обратитесь к нашему знаменитому начальнику сыскной полиции Ивану Дмитриевичу Путилину; он один только в состоянии помочь вам».

— Что же это за таинственные происшествия, ваше превосходительство? — спросил Путилин.

— Ограбление почт.

Путилин удивленно взглянул на губернатора.

— Ограбление почт? При чем же тут «таинственность»? Обыкновенные случаи грабежа, разбоя. Разве только в одной вашей губернии случаются подобные случаи?

— Благоволите выслушать меня подробно, ваше превосходительство, проговорил губернатор. — Конечно, я согласен с вами, что ограбление почты — не Бог весть какая важная и необыкновенная штука. Но дело в том, что за последнее время случаи ограбления стали страшно учащаться.

— Что же делает ваша полиция и все иные власти, ваше превосходительство? — насмешливо спросил Путилин.

Губернатора чуть-чуть передернуло.

— Должен сказать вам, что несмотря на все старания, злодеи остаются неуловимыми, словно им помогает сама нечистая сила.

— В которую вы, конечно, не верите, ваше пр-во? — так же насмешливо вставил Путилин.

Губернатор побагровел.

— Я так полагаю-с, ваше превосходительство! — выпалил он. — Я думаю, что нам с вами при нашем чине не подобает и не приличествует верить в чертей и дьяволов.

Путилин вынул записную книжку.

— Ну-с, ваше превосходительство, будьте любезны ответить мне на несколько вопросов. Скажите, где происходят случаи ограбления почты?

— На тракте между Петербургом и Архангельском.

— В различных местах?

— В последнее время все больше на одном месте.

— Где именно?

— За Вытегрой, близ села Бараны.

— Так. Что же: ограбления почты сопро-

вождаются убийствами?

— Во всех случаях, а было их около десяти, и ямщик и почтальон были убиты.

— Разве почта следует у вас без охраны?

Губернатор покраснел.

— Действительно, это было непростительной оплошностью со стороны местного начальства отправлять почту без вооруженного конвоя, — пробормотал он.

— Вооружен был, стало быть, один лишь почтальон?

— Да. У ямщиков, наверное, оружия не было.

— Каково мнение обо всем этом судебного следователя?

— Он заявил мне после последнего ограбления почты, что, очевидно, в лесу, прилегающем к шоссе — тракту, ютится шайка разбойников-головорезов. Они устраивают засаду. Лишь только появляется почта, они выскакивают, грабят и убивают.

— Что же вы предприняли, узнав это? — продолжал Путилин.

— Я распорядился послать отряд солдат, дабы они обыскали весь лес.

— И солдаты не обнаружили никаких следов разбойников? Ни малейших?

— Да. А вы откуда же это знаете, ваше превосходительство? — удивился губернатор Григорьев.

Путилин улыбнулся.

— Если бы следы были найдены, вы не обратились бы ко мне... Кстати, вы не знаете, каким способом были умерщвлены почтальоны и ямщики?

— Ударами топора, в двух случаях черепа несчастных были разбиты, очевидно, дубинами.

— Пойдемте далее, ваше превосходительство, — продолжал свой опрос Путилин. — Скажите, каким образом было обнаружено последнее ограбление почты? Может быть, у вас есть донесение с собой?

— Вы не ошиблись, ваше превосходительство. Едучи в Петербург к министру, я захватил с собой кое-что относящееся этих непостижимых злодеяний. Вот все, что касается последнего ограбления.

Губернатор Григорьев вынул из щегольского портфеля несколько бумаг и протянул

их Путилину.

Мой знаменитый друг углубился в их просмотр.

— Я слышал от министра и о вас, доктор, — обратилось ко мне его губернаторское превосходительство. — Граф рассказывал о вас, как о непременно спутнике Ивана Дмитриевича.

— Да, ваше превосходительство, мне улыбается частенько счастье присутствовать при замечательных розысках моего друга, Ивана Дмитриевича, — ответил я.

Путилин окончил просмотр бумаг.

Он сидел, низко опустив свою голову, и что-то чертил указательным пальцем по столу.

По своей всегдашней привычке он бормотал сам про себя отрывистые слова: «Гм... А почему бы не так?.. Ага! А если так...»

Губернатор, не знавший моего гениального друга, глядел на него с удивлением.

Наконец Путилин поднял голову.

— Что же вам, собственно, угодно от меня, ваше превосходительство?

— То, чтобы вы помогли мне вашим муд-

рым советом, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич, — ответил губернатор. — Я должен сознаться вам, что положение вещей весьма тревожно. Население в панике. Эти повторяющиеся ограбления почты навели ужас на обывателей. Все боятся посылать ценную корреспонденцию, а так как у нас немало торговых предприятий и людей, то вы поймете, какая получается путаница... Вот и теперь один богатый сибиряк сидит и трясется, ожидая моего возвращения. Он явился ко мне и прямо заявил, что не рискует послать крупную сумму денег. Не буду скрывать, Иван Дмитриевич, что на меня идут большие нарекания, меня упрекают в бездействии власти, в отсутствии административной распорядительности, словом, на меня, как на Макара, повалились все шишки. Помогите, родной, вызвольте из беды! Вовек буду благодарен вам!

Путилин потер рукой лоб.

— Но как это сделать? Советом я не могу спасти вас, ибо тут на месте, в Петербурге, я не могу ориентироваться. Ехать туда?

Губернатор схватил и пожал обе руки Путилина.

— Ах, если бы вы согласились на это! — вырвалось у него.

— Вы говорили об этом с министром?

— Он предоставил вам *carte blanche*. Он сказал: «Пусть Иван Дмитриевич поступает так, как найдет лучшим».

Путилин посмотрел на меня.

— Что же, доктор, кажется, надо ехать?..

— О, разумеется! — воскликнул я, обрадованный возможностью принять участие в новом розыске-похождении моего славного друга.

— Нельзя же, на самом деле, хладнокровно закрывать глаза на эту бойню людей, надо же изловить хитроумных злодеев. Говоря откровенно, мне не особенно улыбается это путешествие, потому что я занят в настоящее время раскрытием одного чрезвычайно темного и запутанного дела.

— Ради Бога, Иван Дмитриевич, выручите! — взмолился олонецкий губернатор.

— Хорошо. Мы выедем завтра. А теперь скажите, пожалуйста, какова форма ваших почталлонов?

Губернатор принялся объяснять.

Путилин, вооружившись карандашом, зарисовывал его слова.

— Так похоже? — протянул он рисунок губернатору.

— Великолепно! — воскликнул тот. — А для чего вам это?

— В моей костюмерной нет такого костюма. А я... люблю пополнять ее разными новинками.

После этого приступили к обсуждению маршрута.

— Итак, как мне ближе и удобнее всего высадиться, чтобы попасть на место последнего ограбления почты?

— Вы можете слезть, Иван Дмитриевич, на пристани Вознесения.

— Отлично. До нее мы доедем вместе. Кстати, в селе Бараны вам приходилось когда-нибудь бывать?..

— Один раз проездом, когда я производил ревизию.

— Ну-с, вот и все. Завтра вы потрудитесь заехать за мной. Ты пойдешь, доктор?

— О! Что за вопрос?! — воскликнул я.

— Так стало быть, дело за нами. Пока всего

хорошего!..

Когда губернатор покинул кабинет, Путилин подошел ко мне и сказал:

— А знаешь ли ты, докториус, что это очень опасное дело?

Я встревожился за моего великого друга.

— Ты находишь?..

— Да. Это, безусловно, опасное дело. Один неверный шаг — и все может окончиться катастрофой. Поэтому я должен предупредить тебя об этом, ибо совершенно не желаю подвергать твою жизнь опасности. Откажись лучше от поездки. Я возьму с собой Х., моего любимого агента.

Я горячо и негодуяще отверг это.

— Как тебе не стыдно, Иван Дмитриевич, говорить мне это? Разве мало мы с тобой вместе «сломали» походов? Неужели я оставлю тебя в таком деле, где тебе угрожает опасность? За кого же ты меня считаешь? Смерть так смерть, но вместе; кажется, я до сих пор не был трусом, не боялся опасностей.

— Ну ладно, старый дружище, быть посему! А теперь давай распоряжаться.

Путилин призвал к себе помощника.

— Я уезжаю завтра, голубчик. Управление передаю в ваши руки. Я подготовлю вам кое-какие инструкции.

— Ах, Иван Дмитриевич, скоро ли вы сделаетесь домоседом! — воскликнул талантливый помощник.

— Помилуй Бог, что же делать, когда на Путилина такой спрос?! Не угодно ли: олонецкий губернатор пожаловал за мной!

— Серьезное дело? — озабоченно спросил помощник.

— Да. Пошлите Васильева за моим портным, пусть почтенный Яцикович явится немедленно.

Две формы. Два короба

Приблизительно через час явился Яцикович, славный еврей— портной, которого очень любил Путилин.

— Работа есть, Яцикович, но только — экстренная!

— Ох, ваше превосходительство, вы вечно торопитесь и торопите бедного Яциковича! — с шутливым ужасом поднял вверх руки симпатичный старик.

— Некогда спать, голубчик. Слушай: надо к завтрашнему утру приготовить две формы.

— К утру?! Когда же работать?!

— Всю ночь. Напролет. Могу успокоить тебя только вот чем: формы можешь шить, как на покойников.

При слове «покойники» старик еврей даже побледнел.

— Ой, какие покойники?!

— Покойников двое: я и доктор.

Яциковича отшатнуло.

— Шутить изволите... ой, только зачем такие нехорошие шутки?..

Путилин рассмеялся.

— Успокойся, успокойся, мой славный Яцикович! Конечно, я шучу, а дело вот в чем: я сказал, что формы ты можешь шить, как на покойников, в том смысле, что не старайся шить тщательно, а просто хоть намечи, знаешь, на живую нитку.

— Какие же эти формы, ваше превосходительство?

— Одна — вот по этому рисунку. Форма, как ты видишь, почтальона. Это для меня. Другая — ямщика. Эта — для доктора. Понял?

— Это очень ясно. Успею ли только...

— Успеешь. Засади всех за работу. Ты и шапки заготовь, словом — приготовь все к завтраму, к часу дня. На деньги...

Я был поражен донельзя: «Что это значит? Для чего мой гениальный друг делает подобный заказ?»

Несмотря на то что мне, казалось бы, пора было перестать удивляться путилинским трюкам, я и на этот раз с искренним изумлением и восторгом глядел на него.

«Очевидно, — проносилось у меня в голове, — он что-то уже наметил. Но как, каким чудесным, непостижимым образом он ухит-

рывается столь быстро, с лета, намечать свои знаменитые диспозиции? Ведь никаких данных, следов. Он сам сказал, что ему здесь, в Петербурге, темно, что осветить и раскрыть злодеяния он может только на месте».

Старик-портной ушел.

— Васильев, тащите два короба! — приказал он агенту. — Знаете, те, два, легкие.

— Знаю, ваше превосходительство! — ответил агент.

— Теперь слушайте, Васильев, вот что надо сделать: берите эти деньги и немедленно отправляйтесь закупать товар.

— Какой товар, ваше превосходительство?

— Всякий, голубчик, всякий, а чтобы для вас стало совсем ясным, добавлю, что товар коробейный. Понял?

— То, чем торгуют коробейники?

— Ну да! Возьмите красного товару, разных ситцев и тому подобной прелести, затем захватите галантерейного. Словом, предоставляю вам право по вашему выбору и вкусу набить мне подобным добром эти два короба.

Осчастливленный столь лестным вниманием своего знаменитого начальника, юный

агент с сияющим лицом помчался исполнять поручение Путилина.

Путилин посмотрел на меня и расхохотался.

— Помилуй Бог, доктор, какое у тебя глупое лицо! — воскликнул он.

— Благодарю покорно, Иван Дмитриевич, — ответил я. — Скажи, пожалуйста, для чего это тебе понадобились коробка с товаром?

— Мы будем торговать.

— Час от часу не легче! Его превосходительство и доктор медицины в роли коробейников!..

— До завтра, доктор. Я заеду за тобой. Приготовься к путешествию.

Путешествие. Телеграмма губернатора

На другой день мы выехали в четыре часа дня на пароходе «Свирь».

Признаюсь, я чувствовал себя великолепно. Предстоящее путешествие по воде — при прекрасной летней погоде — рисовало мне заманчивые картины.

Путилин был в своем обычном ровном расположении духа, зато губернатор Григорьев волновался весьма заметно.

— Что с вами, Григорий Григорьевич? — спросил Путилин губернатора, заметив это волнение.

— Боюсь за исход дела и, главное, за вас, Иван Дмитриевич.

— За меня? — улыбнулся мой славный друг.

— Вы не знаете, Иван Дмитриевич, какие у нас в губернии водятся отчаянные головы! У нас ведь что ни говорите, немало «гиблых» мест.

— Ничего, Григорий Григорьевич, ничего, за меня особенно не тревожьтесь: если я не

знаю ваших головорезов, зато и они не знают еще путилинских мертвых хваток. Шансы, значит, у нас одинаковые.

— Но на их стороне преимущество силы. Вы и ваш доктор — этого мало против шайки головорезов.

— Зато на моей стороне, повторяю, преимущество ловкости и находчивости. О, уверяю вас, что это посильнее самых острых топоров и ножей кровожадных злодеев!

Губернатор поглядел на моего друга с искренним изумлением: губернатору, привыкшему «наводить грозу» в своем служебном кабинете, казалось, очевидно, непостижимым, как это один человек рискует выступить на активную борьбу с неведомым количеством неизвестных злодеев.

— А скажите, пожалуйста, Иван Дмитриевич, если это не секрет, что это за большую поклажу вы везете с собой? Неужели для этого путешествия вам потребовалось столько вещей?..

В глазах губернатора светились огоньки любопытства.

Путилин лукаво улыбнулся.

— Здесь все — оружие, генерал, — спокойно ответил он.

— Как?! — воскликнул сильно озадаченный губернатор. — Эти два короба — полны оружием?

— Битком. Помилуй Бог, чего тут только нет! И револьверы, и пистолеты, и винтовки, и ножи, и кинжалы.

— Но, ради Бога, Иван Дмитриевич, для чего же вам такой арсенал? Что вы будете с ним делать?

— На этот вопрос я пока позволю себе вам не ответить, ибо я еще не в курсе дела. Вот когда я ознакомлюсь на месте...

Губернатор качал головой.

Вечером в каюте происходило совещание.

— Скоро, Григорий Григорьевич, нам придется расстаться с вами, а поэтому я должен преподать вам несколько инструкций.

Губернатор уселся против Путилина с торжественным и глубокомысленным видом.

— Итак, я с доктором высаживаюсь на пристани Вознесения.

Путилин разложил перед собой план, сделанный им собственноручно, и еще несколь-

ко листов бумаги.

— Вы следуете дальше. Тотчас по прибытии в вашу резиденцию, вы потрудитесь дать в Каргополь телеграмму следующего содержания. Пишите, ваше превосходительство.

Путилин походил в эту минуту на главнокомандующего.

Губернатор приготовился писать.

«Конфиденциально. Через двое суток отправляйте всю задержанную по моему приказанию ценную почту обычным трактом. Везти ее должны только двое: почтальон и ящик. Конвоем возьмите четырех казаков. Старшему казаку преподайте следующие мои приказания-распоряжения, которые он должен исполнить с величайшей точностью: 1) почта должна остановиться в тридцати верстах, не доезжая села Бараны на последней почтовой станции; казаки должны всячески стараться скрыть то обстоятельство, что они конвоируют почту; 2) почта не должна трогаться в путь до тех пор, пока не явятся на почтовую станцию два лица. Эти лица — начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции генерал Путилин и его друг. Казакам это

должно стать известным. С момента появления Путилина (он сохраняет строжайшее инкогнито) казаки и все иные поступают под его команду и обязаны исполнять все его приказания. Олонецкий губернатор Григорьев».

— Написали?

— Написал. Фу-у, ну и телеграммища! — вздохнул с облегчением губернатор, привыкший только «подписываться» под бумагами.

— Да, длинненькая, — усмехнулся Путилин.

— Честное слово, Иван Дмитриевич, я ровно ничего не понимаю! — продолжал Григорьев.

— Ничего, это не беда; может быть, скоро поймете... Ну-с, а теперь, ваше превосходительство, оставьте нас наедине на полчаса с доктором. Ровно через полчаса я вас попрошу пожаловать сюда в каюту.

Губернатор, вид которого был чрезвычайно комично растерянный, покинул каюту.

«Ну что это такое?!» Высадка. Новая покупка Путилина

С поразительной быстротой распаковал Путилин один из коробов и вынул оттуда охапку каких-то одежд.

— Живо одевайся! — бросил он мне, начиная переодеваться сам.

— Что это за одеяние, Иван Дмитриевич? — взмолился я.

— Весьма приличный костюм деревенских фургонщиков, любезный доктор. — Платье свое прячь сюда. Торопись. Мне надо еще чуть-чуть пройтись по твоей физиономии.

Делать было нечего, я лихорадочно оделся в костюм фургонщика, действительно, весьма приличный, и вскоре началась операция с моим лицом, правда, не особенно сложная, ибо Путилин, как он заявил, желал только «затушевать черты интеллигентности».

Над собой он работал еще менее.

Несколько быстрых, гениальных по ловкости гримировки мазков — и предо мной стоял совсем незнакомый мне человек. Загорелое лицо: совсем другая, «простонародная»

борода, согбенные плечи.

Путилин вновь упаковал короб и с усмешкой поглядел на часы (не на свои — золотой хронометр, а на простые серебряные с такой же цепью).

— Скоро должен пожаловать его превосходительство... Гм... Бедный губернатор! Ему будет памятно знакомство со мной.

— Я думаю! — улыбнулся и я.

Прошло около пяти минут.

В дверь каюты постучались.

— Войдите! — каким-то чужим, не своим голосом крикнул Путилин.

Дверь каюты открылась, и на пороге предстала бюрократическая фигура Григорьева.

При виде нас, то есть вернее не нас, а двух фургончиков-торгашей, сильнейшее изумление отразилось на его лице.

Он, сделав шаг назад, пробормотал:

— Позвольте, я, кажется, ошибся каютой.

— Никак нет-с, ваше превосходительство, — ответил Путилин.

— Кто вы такие, любезные?

— Мы есмы, ваше превосходительство!..

— Но тут, в этой каюте, находились два

господина! — воскликнул губернатор.

— А теперь мы заместо их, — продолжал Путилин.

— Куда же делись те господа?

— А никуда. Они тут же и находятся.

— Что за черт! — загремел губернатор, побагровев от досады, бешенства. — Кто вы такие, спрашиваю я вас? Что вы меня морочите?!

— Кто мы-с будем? Путилин и его друг — доктор.

Губернатор вытаращил глаза, точно видя перед собой привидение, и из его рта вырвалось только одно:

— Ну что это такое?!

Путилин подошел и ласково полуобнял губернатора.

— Удивляетесь? Ха-ха-ха! Для вас это диковинка, Григорий Григорьевич, а доктор привык к моим чудачествам, к моим волшебным метаморфозам. В таком ли еще виде являлся я!..

— Но для чего же это превращение, дорогой Иван Дмитриевич?

— Будьте уверены, что так надо.

За беседой время пролетело незаметно.

Пароход приблизился к пристани Вознесения.

— Ну, до свидания, Григорий Григорьевич! — начал прощаться с губернатором Путилин.

— Храни вас Бог, господа!.. Я страшно беспокоюсь за вас.

— А эти короба? Ведь в них целый арсенал!.. — улыбнулся Путилин.

...Вот и пристань.

Было три часа, когда мы высадились с парохода.

На горе красиво-прихотливо раскинулся большой, богатый поселок.

— Слышь, мил человек, не поможешь ли доставить пожитки наши на постоянный двор? — обратился Путилин-фургонщик к одному из пристанских служащих. — Я с товарищем отблагодарим тебя.

Тот охотно согласился, и вскоре мы уже находились на постоялом дворе. Нас приняли там более чем приветливо, очевидно, наши костюмы «купцов-фургонщиков» и наша кладь внушали большое уважение к нашим

персонам. За незатейливой, но обильной закуской Путилин обратился к рыжему содержателю постоянного двора:

— А что, любезный друг-хозяин, нельзя ли примерно, покупочку одну у вас произвести?

— Какую такую?

— Лошадку да тележку.

— О-о! А для чего это вам требуется? — спросил он с видом еще большего почтения.

— Вот изволишь ли видеть, мил человек, как сам догадаться можешь, — люди мы торговые, фургончики-коробейнички. Облюбовали мы сторонку вашу, хотим счастья попробовать.

— Доброе дело! — крикнул содержатель постоянного двора.

— Смекаешь? Теперь и рассуди, ну какие же фургончики без лошадки да без тележки? Не на себе же кладь десятки, сотни верст тащить? Так ведь?

— Оно точно...

— Так вот, схлопочи ты нам, мил человек, сие потребное. Может, не имеешь ли сам на продажу чего подходящего? Ишь у тебя, помилуй Бог, хозяйство какое огромное!

Через час дело было слажено. В нашем распоряжении оказались отличная, сильная лошадь и удобная, просторная телега.

Село бараны. Коробейники. Ночлег

Я не буду рассказывать вам о нашем путешествии по тракту до села Бараны, так как оно, помимо новизны для нас, не ознаменовалось ничем особенно выдающимся.

— Ну-ну! — кряхтел я, сотрясаясь на телеге. — Могу сказать: побили мы рекорд, Иван Дмитриевич, всех наших прежних походов. В глухом чужом краю... в какую-то неведомую даль... Бр-р!

— Я предупреждал тебя. Не надо было ехать со мной.

Скоро ли, долго ли, но мы прибыли, наконец, в тот пункт, куда стремился мой знаменитый друг, — в село Бараны.

Это было большое, зажиточное село, типичное для северного края и мало походящее на села наших средних, внутренних губерний.

Бревенчатые двухэтажные избы-дома, одни — побогаче, понаряднее, другие — по-

скромнее приятно ласкали глаз солидностью постройки, чистотой, опрятностью. Чувствовалось, что тут, на севере, люди живут домовитее. Улицы кишели народом.

Как потом оказалось, мы угодили на храмовой престольный праздник.

Несмотря, однако, на большое оживление, царившее в селе, наше появление было сразу замечено многими.

«Кто такие? Что за люди?» — посыпались вопросы.

— Эх! — лихо, старчески, тряс головой Путилин. — Коробейнички мы добрые, фургонцики-тароватые! Припожаловали мы к вам, хозяева честные, с товаром замечательным, с товаром питерским! По копейке сами брали, по грошу продавать будем! Ситцы-миткали, сережки-брошки, румяна-помада, красья — не надо! Выходите, красавицы-молодушки, потешьте ваши душки! Ой, старый Дмитрия приехал!

Весть о нашем приезде с быстротой молнии разнеслась по всему селу.

«фургонцики приехали! Коробейники!» — слышалось со всех сторон.

Скоро мы были окружены порядочной толпой баб, девок, мужиков, парней и ребят-шек.

— Поздновато как будто торг начинать. Ась? — обратился Путилин к толпе.

— Известно дело, завтра уж, — слышались голоса мужиков.

Но иначе взглянули на это бабы: они просили хоть глазом поглядеть, что за товар у фургонщика.

Путилин распаковал один короб.

В числе баб, толпящихся у нашей повозки, невольно бросались в глаза фигуры высокой пожилой бабы с отвратительно злобным лицом и стоявшей рядом с ней красавицы-молодухи. Обе они были одеты не только франтовато, но и богато.

Подобно другим, они заглянули в товары.

— Купить нечто платок этот шелковый? — обратилась молодуха к пожилой бабе.

— Что же, покупай, — низким голосом, почти басом, ответила та.

Сторговались в цене. Молодуха вынула из кошелька новенькую двадцатипятирублевку и протянула ее Путилину.

— Ладно, красotka, может, завтра еще что купишь, заодно отдашь, — проговорил Путилин и вдруг обратился к угрюмой пожилой бабе: — А что, хозяйюшка, нельзя ли нам ночлега у вас испросить? Я бы заплатил аль товаром угодил?

— А почему ко мне за ночлегом просишься? — исподлобья сверкнула она своими злыми глазами.

— Да потому, хозяйюшка, что видать, что вы люди зажиточные, ну, значит, и помещение у вас не стеснительное, да и насчет снеди также...

Короче говоря, минут через двадцать мы находились под кровом этой богатейки.

Дом действительно был — по деревне — важный. Огромный двор был набит всякой скотиной, особенно много было отличных лошадей.

— Охо-хо-хо, и домовито же, храни вас Бог, живете вы! — широко улыбался Путилин.

Семья оказалась весьма обширная. Сам хозяин, высокий здоровенный рыжий мужик лет шестидесяти двух — Семен Артемьев; жена его Матрена (эта самая хмурая женщина с

отталкивающим лицом); сын — лихой, разбитной парень, женатый на красавице-молодухе, купившей у нас шелковый платок; брат хозяина, помоложе его лет на десять, какие-то два старика, несколько ребятишек и двое работников.

Я, следивший за Путилиным, заметил, с каким вниманием он осматривает внутренность двора Артемьевых.

Стали ужинать. Ужин был и сытный, и весьма обильный, сдобренный изрядным количеством водки и пива.

Хозяин, здорово хвативший, расспрашивал нас о том, кто мы, откуда... Путилин врал артистически.

— А скажите, хозяин, правду бают, будто тракт ваш опасен стал для проезжающих?

— Как так?

— Да, говорят, шалят у вас... почту грабят... почтальонов и ямщиков убивают...

Хозяина передернуло.

— А вы, купец, откуда про это прослышали? — вмешалась хозяйка, бросая на мужа быстрый взгляд.

— А как сюда к вам ехали, предупреждали

нас: «Смотрите, дескать, в оба, а то разбойники шалют здесь. Люди вы торговые, подкараулить вас могут и убить», — продолжал Путилин.

— Это действительно, есть тот грех, — после молчания ответил хозяин. — Еще недавно почту тут обокрали.

— Неподалеку отсюда?

— Чего далеко! В двенадцати верстах от нашего села.

— Храни Господи! — воскликнул Путилин в притворном страхе. — Экое злодейство! Как же это я пойду с товарищем по тракту вашему? А вдруг да и нас — того... прихлопнут?..

— Не бойсь, не тронут!.. — криво усмехнулся хозяин.

— А почему? — быстро спросил Путилин.

— Овчинка выделки не стоит, миляга, вот почему. Разве вы такие большие деньжища с собой везете?..

— Мели! — злобно крикнула хозяйка, с бешенством глядя на своего захмелевшего мужа. — Сам не знаешь, что болтаешь. Известно дело, они люди торговые, опаску должны иметь... Ну, неча рассусоливать, пора спать

ложиться!

— И то правда: спать охотка! — поддержала свекровь молодуха.

Нам отвели спать в «летнике», где на полу были разосланы пуховые перины.

Мы остались одни.

— Спи, доктор, а я немного пободрствую, — шепнул мне Путилин.

— Что же ты будешь делать, Иван Дмитриевич?

— А вот когда все заснут, я погуляю по двору.

— Зачем? — удивленно спросил я.

— Пахнет там нехорошо, — уклончиво ответил он.

— Пахнет? Чем пахнет? — продолжал я.

— Смертью, мой друг, смертью.

Я вздрогнул. Все это непонятное и странное для меня путешествие, эта до дикости необычная обстановка взвинтили мои нервы.

Я скоро погрузился в глубокий сон под задушу хватающее завывание дворового пса.

Страшная находка. Следующий день

Стояла трепетно-белая северная ночь. Там, на востоке, уже узкой полоской загоралась румяная заря.

Дом Артемьевых был погружен в глубокий сон. Тихо, крадучись, вышел из «летника» Путилин и неслышно скользнул во двор.

— Помилуй Бог, — шептал он, — я не мог ошибиться насчет этого ужасного запаха... Он заглушает все, все...

В углу обширного двора на железной цепи бешено рвалась и металась дворовая собака.

— У-у-у! — пронесился по двору ее заунывный вой.

Путилин смело пошел к собаке.

— Ну-ну, дурак, с цепи хочешь? Сейчас, сейчас я тебя спущу, — ласково обратился он к псу.

Странное дело: злющий, здоровый пес при приближении незнакомого ему человека не обнаружил ни страха, ни злобы. Наоборот, он радостно взвизгивал, словно просил, чтобы его скорее спустили с цепи.

Путилин погладил собаку по голове, а затем ловко снял с нее ошейник.

— Ну, помогай, голубчик! — прошептал он. Ворча и тихо повизгивая, пес устремился к маленькому сарайчику, сложенному из толстого сруба. Подбежав к двери, он поднял голову и опять протяжно-заунывно завыл. Он принялся яростно, с ожесточением скрести лапами о дверь сарайчика.

— Я не ошибся! — тихо, но вслух произнес Путилин. — У нас с тобой, дружище, одинаковый нюх.

Дверь сарая была заперта на плохонький железный замок, болтавшийся на двух кольцах.

Великий сыщик выпрямился и насторожился.

Все было тихо. Глубоким сном спали «богатеи» села Бараны.

— Все равно... все равно... так или этак, — прошептал Путилин и быстрым движением вывинтил кольца, на которых висел замок.

Первым в темный сарайчик ринулся пес, за ним вошел Путилин.

Ужасный, отвратительный смрад ударил

ему в лицо.

Это был настолько тяжелый запах, что он пошатнулся даже.

— Брр! Какой ужас!.. — вырвалось у него.

Он зажег свой потайной фонарь и огляделся. Сарай был набит разной рухлядью, вещами, которые, очевидно, хозяева не считали нужным держать в доме. Тут были какие-то поломанные сундуки с отвалившимися крышками, узлы с каким-то тряпьем, старые бадейки.

Середина сарая — земляной пол. И вот в нем-то только на половину был закопан труп мужчины. Голова и туловище до живота, предавшись уже полному разложению, представляли страшную картину.

Как ни было страшно и отвратительно это зрелище, Путилин низко склонился над трупом, отгоняя ласково собаку.

Он долго всматривался в него, потом встал, перекрестился и тихо пробормотал:

— Вовремя, вовремя я приехал...

С величайшим трудом ему удалось опять, замкнув сарай, посадить собаку на цепь: она не давалась и укусила его за большой палец

правой руки.

...Я проснулся. Во дворе кричали петухи и их звонкое ку-ка-ре-ку смешивалось с ржанием лошадей, с мычанием коров и бляением овец.

— Проснулся? Хорошо выспался? — услышал я около себя голос моего знаменитого друга.

Передо мной, когда я приподнялся с перины, стоял Путилин.

Он перевязывал палец и был бледен, утомлен.

— Что с тобой? — воскликнул я в испуге, вскакивая. — Что с твоей рукой?..

— Ничего особенного. Собака укусила.

— Когда ты вернулся? Ты спал? Что ты делал? Отчего ты так бледен? — засыпал я вопросами Путилина.

Он усмехнулся печальной улыбкой и ответил мне фразой, смысл которой я не мог тогда понять:

— Бледность лучше зеленоватой синевы, доктор. — Он поглядел на часы.

— Шесть минут шестого. Фургонщикам пора вставать. Одевайся. Хозяева уже поднима-

ются.

Через полчаса мы сидели за огромным пузатым самоваром.

Хозяин опохмелялся. Его лицо было опухшее, сине-багрового цвета.

— Ну, как почивали, купец хороший? — хрипло обратился он к Путилину.

— Плохо, хозяин. Собака всю ночь выла. И так-то заунывно...

— На то и пес, чтоб лаять да выть, — сухо отрезала хозяйка.

— Это справедливо, — поддакнул Путилин.

— Что же, любезный друг: торговать будешь у нас? — продолжал хозяин.

— А то как же? Скоро начну. А потом, к вечерку, и дальше в путь двинемся.

И весь день мы торговали.

Торговля шла на славу. Почти все, что было, пошло по хорошей цене.

— Помилуй Бог, если бы я не был начальником сыскной полиции, я с удовольствием сделался бы деревенским фургонщиком! — тихо прошептал мне мой великий друг.

Особенно выгодной покупательницей оказалась молодуха Артемьева.

— Ох ты, раскрасавица моя! — подбивал ее Путилин. — Еще на синенькую разорись! Ишь у тебя какие денежки новенькие!

— Сама работала! — задорно отвечала молодуха.

— А не свекор с муженьком твоим?

Я заметил случайно, как побледнела при этом молодая женщина.

Вечером мы распростились с нашими хозяевами и со всем селом Бараны.

— Так не страшно ехать-то нам? — опять спросил Путилин самого Артемьева.

— Не бойсь... Никто вас не съест, — хмуро ответил он.

Мы тронулись в путь.

На почтовой станции

Потянулось однообразное, прямое, как стрела, шоссе, с его неизбежными верстовыми столбами.

Путилин был невозмутимо спокоен, а я, как-то, испытывал и тревогу, и недоумение.

— Скажи на милость, Иван Дмитриевич, куда это мы устремляемся с тобой?

— Все прямо, — последовал лаконический ответ.

Мы проехали с час с чем-то, сделав двенадцать верст. Путилин круто остановил лошадь.

— Смотри, доктор, вот то знаменитое место, где произошло ограбление почты.

Налево возвышался высокий длинный пригорок, по краю которого тянулся перелесок из могучих высоких сосен. На желтом фоне песка эти сосны выделялись особенно рельефно.

С правой стороны тянулся довольно глубокий и длинный овраг, густо поросший кустарником.

Чем-то бесконечно тоскливым, унылым ве-

яло от этой местности, и чувство ноющей тоски невольно закралось в мою душу.

— Подержи лошадь, я спущусь в обрыв, — сказал Путилин и быстро скрылся в овраге.

Пробыл он там с полчаса.

— Ну, а теперь поедем как можно быстрее дальше! — возбужденно воскликнул он и стал настегивать нашу сытую, сильную лошадку.

Через два часа мы подъехали к почтовой станции. Я не буду описывать ее вам, потому что вы знаете, что такое представляли и представляют из себя эти российские почтовые этапы.

Путилин прошел к станционному смотрителю.

— Вы — станционный смотритель?

— Я. А тебе что надо?

— Нет, вы уж меня не тыкайте, любезный, этого я не люблю. Телеграмму получили?

— Позвольте, ты кто... кто вы такой? — опешил смотритель.

— Начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции генерал Путилин.

И Путилин подал ему свою подорожную.

Смотритель вытянулся, побледнел и, заикаясь, пробормотал:

— Как же так... ваше превосходительство... в таком наряде...

— Не ваше дело. Получили телеграмму?..

— Никак-с нет.

— Ну так вот что: скоро сюда прибудет почта. Командование всем, здесь находящимся, переходит в мои руки. Скажите, кто этот мужик, который трется около станции? Вон он, смотрит.

— Это, ваше превосходительство, мужик из села Бараны.

— Что он здесь делает?

— Доставляет нам овес и сено из своего села.

— Ага! Слушайте меня: вы сейчас должны выйти и громко заявить так, чтобы он услышал, что сегодняшней ночью прибудет сюда и проследует дальше денежная почта. Поняли?

Смотритель побледнел.

— Ваше превосходительство, осмелюсь доложить, зачем же это? Тут-с происходят часто нападения на почту, так что следует избегать огласки, когда именно проследует почта, дер-

жать это в секрете.

Путилин улыбнулся и ласково потрепал зрителя по плечу.

— Вы честный и хороший служака, но в данном случае надо поступить так, как я приказываю, а почему, вы узнаете позже. Идите и делайте.

Путилин стал наблюдать, стараясь быть незамеченным, из окна станционной комнаты.

— Приготовить лошадей, Васюков! — раздался на крыльце станции зычный голос. — Сегодня ночью приедет денежная почта.

Прошло несколько минут. Путилин не отрывался от окна.

— Ого! Скорехонько собрался, — услышал я его бормотание.

Станционный зритель, бледный от волнения, суетился около Путилина:

— Не угодно ли вашему превосходительству чайку? Закусить?..

— А что же, это можно! Благодарю вас, голубчик. Мне и моему другу доктору не мешает подкрепиться!

Пока в боковой комнате нам собирали уго-

щение, Путилин нервно потирал руки.

— Неужели произойдет какая-нибудь досадная заминка в прибытии почты? — несколько раз вырывалось у него.

Но вот около одиннадцати часов вечера к почтовой станции подкатила она, вождеденная почта.

Лицо Путилина просияло.

— Пол победы, полпобеды! — радостно воскликнул он.

Я, хоть убей меня, ровно ничего не понимал во всей этой странной, таинственной истории.

Почти вслед за почтой прибыли четыре казака.

— Позовите сюда двух казаков! — отдал распоряжение смотрителю Путилин. Те быстро явились.

— Здравствуйте, братцы! Знаете, кто я? — Казаки опешили.

— А кто? — спросил старший.

— Инструкцию получил от начальства?

— Так точно.

— Ну так я вот и есть генерал Путилин, а это попутчик мой. Помилуй Бог, какие бра-

вые молодцы!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — с довольными лицами гаркнули казаки.

— Ну а теперь слушайте меня внимательно.

И Путилин начал тихо с ними шептаться.

Он говорил довольно долго, после чего казаки быстро вышли и привели почтальона и ямщика. За ними шел смотритель.

— Запереть их в отдельную комнату, дав выпить и закусить, и не выпускать до тех пор, пока вы не получите распоряжения! — властно приказал Путилин.

Расплата

Когда я, переодетый в костюм ямщика, вышел садиться в почтовую бричку, казаков уже не было.

— А где же казаки, Иван Дмитриевич? — спросил я Путилина-почтальона. — Неужели мы рискнем ехать одни?

— Обязательно, — невозмутимо ответил Путилин.

— А почему же не с казаками?

— Потому что они уже уехали.

— Куда?

— Туда! — махнул рукой мой гениальный друг. — Ну-с, доктор, садись и помни, что ты — ямщик, а поэтому не угодно ли тебе править!

Станционный смотритель с бледным, растерянным лицом с глубоким изумлением глядел на нас. Что думал этот честный, скромный служака? Все, что произошло на его глазах, было до такой степени странно, непонятно для него, что он, наверно, считал или себя, или нас спятившими с ума.

Стояла дивная ночь.

Мы отъехали от почтовой станции уже верст пять.

— Скажи, доктор, по совести: ты, наверное, никогда не предполагал, что тебе придется сделаться ямщиком и везти почту?

— Я думаю! — воскликнул я. — Куда мы едем, Иван Дмитриевич?

— Мы должны приехать на то место, где ограбили почту.

— Это не доезжая двенадцати верст до села Бараны?

— Да.

Путилин вынул и стал осматривать свой револьвер.

— Скажи, доктор, твой револьвер в порядке?

— Да.

— Держи его наготове.

— Стало быть, предстоит сражение?

— Обязательно. Борьба произойдет отчаянная.

Признаюсь, это сообщение меня мало порадовало...

— Имей в виду, доктор, что целиться надо правильно, ибо в противном случае ты риску-

ешь жизнью.

С каждой верстой, которая приближала нас к месту ограблений почты, нервы мои все более и более взвинчивались. Как-никак, а мрачная неизвестность ложилась на душу тяжелым гнетом.

— Остается верста. Приготовься, доктор! — спокойно сказал мне Путилин.

Я, правя правой рукой, левой вынул револьвер.

Все ближе, ближе.

Направо показались огромные сосны-великаны.

— Задержи ход!.. Поедем тише! — сказал Путилин. — Нам выгоднее это...

Я сдержал лошадей, и мы поехали очень легкой рысью.

— Слышишь? — обратился ко мне мой друг. — Слышишь этот свист?

— Это птицы какие-то ночные кричат.

— Ты думаешь? — усмехнулся Путилин. — Ох, доктор, у этих птиц нет крыльев, но зато имеются ножи, топоры и дубины.

— Разбойники? — как-то невольно вздрогнул я.

— Они самые. Пожалуйста, не спускай глаз с левой стороны дороги. Там, как ты видишь, овраг. Так вот оттуда ожидай нападения.

Не успел Путилин это сказать, как три высокие, рослые фигуры выскочили из оврага и бросились к нашей бричке.

— Стой! — загремел один, хватая одну из лошадей под уздцы.

Другой разбойник в эту секунду замахнулся уже на Путилина своей страшной дубиной, которой можно было бы раскроить череп не только человеку, но и волу.

Но ему этого не удалось. Грянул выстрел, и высокий мужик, дико закричав и нелепо взмахнув руками, грянулся на дорогу.

Вслед за выстрелом Путилина послышались два ружейных залпа. Я похолодел и взглянул направо, но сразу не мог ничего сообразить. К нам, с пригорка, мчались четыре всадника.

— Мы погибли! Это разбойники! — воскликнул я, еле сдерживая рвущихся вперед лошадей.

— Протри глаза, доктор, это казаки! — крикнул Путилин.

Он выпрыгнул из брички и, направляя револьвер на двух головорезов, оцепеневших на месте, загремел:

— На колени, негодяи!

— Врешь, поганый дьявол! — прохрипел рыжий разбойник, с остервенением бросаясь на Путилина.

Грянул второй выстрел.

Рука разбойника, державшая огромный нож, повисла, как плеть.

— Ну, здравствуй, Семен Артемьев! — насмешливо проговорил Путилин. — Не ожидал меня так скоро увидеть?

— Кто... кто ты, проклятый? — придерживая здоровой рукой раненую, воскликнул разбойник.

— Я-то кто? Фургонщик-коробейник, дорогой мой старый Дмитрий.

Разбойника отшатнуло.

— Ты тот фургонщик! — дико заворочал глазами Артемьев.

— Я, я самый.

В эту секунду налетели вихрем казаки.

— Берите, братцы, их! — приказал Путилин.

Сын Семена Артемьева, тот, который был женат на красавице-молодухе, попробовал было спастись бегством, но это ему не удалось.

— Эх, попались, батя! — стоном вырвалось у него, когда спешившиеся казаки вязали его веревкой. — Говорил тебе: довольно поработали, зашабашим.

— Корысть, сынок, заела! — поник головой душегуб.

Путилин подошел к ним.

— Звери, вы, звери! И как это вы решились столько душ загубить?

Злобно и мрачно посмотрели на него разбойники — отец и сын.

— Тебя не спросили, проклятый, — вырвалось у Семена Артемьева. — А вот ты скажи, как ты разнюхать дела наши сумел? Вот это интересно послушать!

Путилин улыбнулся.

— Денежки новенькие торопитесь в ход пускать, да и убитых плохо закапываете, — ответил он.

Вздрогнули сын и отец.

— Как так плохо закапываем? А ты почему

знаешь?

— В сарае видел вашу работу. Что же это вы только до половины почтальона зарыли? Не по христиански, мерзавцы, да и смрад на весь двор пускаете!

Широко раскрытыми глазами глядели преступники на Путилина. Глядели-глядели-глядели, да как бацнулись в ноги!

— Прости! Вызволи! Покаемся мы... Видит Бог, больше не будем! Все тысячи тебе отдадим! — заголосили они точно бабы.

— Теперь поздно, голубчики, спастись: теперь надо наказанием искупать грех.

Губернатор Григорьев, к которому Путилин заехал на обратном пути, ликовал от восторга.

— Вы — истинный чародей, Иван Дмитриевич! — восклицал он.

Разбойники угодили на двадцатилетнюю каторгу.